

А.И. Нелировский

ТРИ ВОЙНЫ

Sur. Gen

B. M. Cassida

А. И. НЕМИРОВСКИЙ

ТРИ ВОЙНЫ

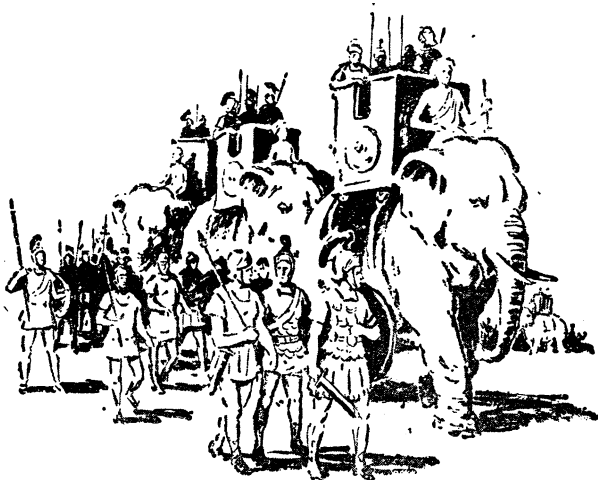
КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ В V КЛАССЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Ленинград · 1961

Научно-популярный очерк «Три войны» рассказывает о войнах могущественных держав — Рима и Карфагена (Пунических войнах III—II вв. до н. э.). Читатель узнает о предыстории военного пожара и борьбе великих держав древности за владычество на Средиземном море, о походе Ганнибала в Италию; осаде, героической обороне и гибели Карфагена.

Основные события, о которых рассказывается в книге, известны учащимся из школьного учебника истории. Очерк рассчитан для самостоятельного чтения учащихся и для внеклассной работы учителя истории.

Часть первая

ПЕРВАЯ СХВАТКА

Весной 264 года до н. э. по извилистой улице Рима двигалась толпа. Впереди шли двое мужчин в серых шерстяных плащах, края которых наподобие капюшона закрывали голову. Это были жрецы — фецналы. В руках одного из жрецов, старшего — священное копьё бога войны Марса. Наконечник копья в крови только что принесенного в жертву коня. Другой жрец нес в вытянутой руке пучок травы, растущей на склонах римского кремля Капитолия. За жрецами шли сенаторы в белоснежных тогах и люди из простонародья, называвшегося в Риме плебсом.

В глубоком благоговейном молчании процессия приблизилась к вкопанному в землю каменному столбу у храма богини войны Беллоны. Старший жрец поднял копьё, и в тишине прозвучали слова, всегда произносившиеся при объявлении войны:

«...Так как пунический народ и пуны выступили против римского народа и римский народ повелел быть войне, и сенат римского народа эту войну одобрил, — я объявляю и начинаю войну римского народа против пунов...»

С этими словами жрец метнул копье за каменную колонну, и оно исчезло в густой траве.

Этот священный обряд объявления войны был хорошо знаком не только римлянам, но и их соседям. С тех пор, как на семи холмах у реки Тибра появился Рим, жители города бесчисленное множество раз наблюдали этот обряд.

Границы Рима когда-то проходили у самых его стен. Для объявления неприятелю войны жрецам — фециалам достаточно было выйти из городских ворот и спуститься к Тибру. На северном берегу реки жили этруски, могущественный и культурный народ, некогда господствовавший в Средней и Северной Италии.

Текли к морю мутные воды Тибра. Лилась кровь в бесконечных войнах Рима с многочисленными племенами Апеннинского полуострова. Все дальше отодвигались границы Римского государства на север, юг и восток. Все дальше и дальше приходилось идти фециалам, чтобы забросить копье войны на вражескую землю. И наступило время, когда к югу от Рима, вплоть до пролива, отделяющего Италию от Сицилии, простирались римские владения.

Враги находились за морем. Им бросал теперь Рим вызов. Но как забросить на вражескую землю копье? Отказаться от древнего обычая? Нет, на это римляне не могли пойти! Они боялись гнева бога войны Марса. Но Марс не обидится, если несколько изменить древний обычай. И римляне вкопали в землю близ храма Беллоны столб. Этот столб должен был обозначать пограничный рубеж, а покрытый травой клочок земли за столбом — воображаемую территорию врага.

Копье Марса брошено. Война с пунами началась.

ПУНЫ И КАРФАГЕН

Пунами римляне называли жителей могущественного Карфагена¹. Карфаген находился на полуострове, глубоко вдающемся в морской залив, называемый ныне Тунисским. Карфаген был основан выходцами из финикийского государства Тира² в конце IX в. до н. э. и скоро превратился в крупнейший город западного Средиземноморья. После захвата Финикии сначала ассирийцами, а затем персами, Карфаген распространил свою власть на многие страны Средиземноморья. Карфагену принадлежала часть Сицилии, остров Корсика, Балеарские острова, юго-восточное побережье Испании. Столбы Мелькарта³ — так называли финикийцы Гибралтарский пролив — были в руках Карфагена.

Власть в Карфагене принадлежала знатным родам, считавшим своих предков основателями города. Главы родов составляли Большой Совет. Из трехсот пожизненно входящих в него членов выделялись пятерки, каждой из которых поручалось какое-нибудь особое задание. Помимо этого тридцать членов Большого Совета ежегодно избирались в состав Малого Совета. Во главе этих тридцати стояли два высших должностных лица — суффёты (судьи). Они могли быть переизбранными неограниченное число раз. Суффеты командовали армией и флотом, творили суд, принимали послов. Они могли созывать народное собрание. Простой народ в Карфагене, так же как и

¹ Точное название города — Карт Хашашт, что означает «Новая столица».

² *Финикия* — страна на восточном берегу Средиземного моря (ныне Сирия и Ливан). Здесь в глубокой древности выросли могущественные города-государства. Выходцы из финикийского города Тира основали в 814 г. до н. э. город Карфаген. Предание приписывало основание города полусказочной царице Дидоне. Она будто бы купила у местного племени землю, какую могла бы покрыть шкура быка. Разрезав шкуру на тонкие ремни, хитрая царица, уплатив небольшую сумму, приобрела большой участок земли. Здесь и вырос богатый Карфаген.

³ *Мелькарт* (по-финикийски — «царь города») — солнечное божество, почитавшееся сначала в Тире, а затем в Карфагене.

в Риме, не пользовался правами. Он должен был подчиняться воле рабовладельцев-богачей.

Карфаген славился как торговый город. На его рынке близ гавани всегда шел бойкий торг. Здесь можно было купить не только изделия карфагенских ремесленников, но и дары всех известных в то время морей и стран. Здесь был и золотой песок в кожаных мешочках с западных берегов Ливии¹, куда проложил путь отважный мореплавателю Ганнон, и янтарь с побережья Балтийского моря, называвшийся «золотом Севера», слоновая кость из степей Ливии, ковры из Малой Азии, украшения из Египта, лес из Италии.

Но больше всего на рынке Карфагена было рабов. Сотнями и тысячами доставляли их сюда с кораблей. Полуголые, со связанными руками стояли они на помостах. На рабов был большой спрос. Их охотно покупали богатые карфагеняне, имевшие поля, сады и виноградники в окрестностях Карфагена или других городов Ливии.

Рабов заставляли пахать землю, пасти скот, сажать деревья, рыть каналы, обрезать сухие виноградные лозы. Земля, обработанная руками невольников, давала обильный урожай. Закрома наполнялись золотым зерном. В глиняные бочки в подвалах бесконечной струей лилось пахучее оливковое масло и светлое вино. А богачи отказывали рабам и в пище и в одежде. Они не жалели для них, пожалуй, только палок и плетей.

Чтобы никогда не иссякал поток золота и серебра, чтобы карфагенские богачи не испытывали недостатка в рабах, Карфаген вел войны. Вся история Карфагена наполнена войнами. Карфагеняне воевали с нумидийцами², греками, иберийцами³ (жителями современной Испании) и другими племенами и народностями. Войны обогащали карфагенскую знать, крупных землевладельцев и купцов.

¹ *Ливией* называлась в древности Африка.

² *Нумидия* — страна к западу от Карфагена. Нумидийские цари обычно находились в зависимости от Карфагена.

³ *Иберия* — древнее название Испании.

Сами карфагенские богачи не любили воевать. Сияние золота в их сокровищницах было для них приятнее блеска отточенного клинка. Зачем богачам было рисковать жизнью? Разве в Греции, Иберии, Египте мало людей, не имеющих средств к существованию? Дать этим людям немного серебра и золота, и пусть они воюют на стороне Карфагена, доставляют новых рабов, новые богатства!

Так в III в. до н. э. в армии Карфагена появились отряды наемников. Конечно, наемникам были чужды интересы Карфагена. Они воевали, пока им платили. Они повиновались военачальникам, пока это им выгодно. Управление наемным войском было искусством, которым владели в совершенстве лишь немногие карфагенские полководцы. Достаточно сделать один неверный шаг, и наемники отказывались сражаться или даже поднимали оружие против Карфагена.

Наемники получали золото и серебро из рук полководца. Если полководец вздумает приказать им идти на Карфаген, они бы выполнили этот приказ. Карфагенская знать с большим недоверием относилась к выдающимся карфагенским полководцам, опасаясь, что они с помощью наемников захватят власть.

Могущественные полководцы опирались, конечно, не на одних наемников. Они привлекали на свою сторону неимущих и малоимущих граждан Карфагенской республики, готовых по любому поводу выступить против ненавистных богачей.

Острая борьба, происходившая внутри Карфагенского государства, борьба между рабами и рабовладельцами, богатыми и бедными, карфагенянами и наемниками, противоречия внутри правящего класса — также толкали Карфаген на войну.

В VI—IV вв. до н. э. карфагеняне вели войны с греками. С Римом же в это время они поддерживали дружественные отношения. «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами», — этими словами начинается первый договор Рима с Карфагеном, заключенный в 509 г. до н. э.

Во время вторжения Эпёрского¹ царя Пёрра в Италию Рим и Карфаген заключили новый, третий по счету, договор. Обе стороны должны были оказывать друг другу военную и денежную помощь в войне с Пирром. Таким образом, на протяжении нескольких столетий между Римом и Карфагеном существовали дружественные отношения. Оба государства были заинтересованы в торговле, мореплавании и взаимной военной помощи.

Третий договор между Римом и Карфагеном был заключен в 280 г. до н. э., а в 264 г. до н. э. римляне и карфагеняне вступили в самую продолжительную и кровопролитную войну, которая известна древности.

Первый период этой войны, длившийся двадцать три года, получил название Первой Пунической войны.

СИЦИЛИЯ

Что же положило конец многолетней дружбе между двумя государствами? Из-за чего началась первая Пуническая война? На это можно ответить одним словом: Сицилия.

Почти в центре Средиземного моря раскинулся этот благодатный остров. Греки называли Сицилию «Тринакрией» — треугольной. Один угол острова обращен на север, к Италии, два других — на запад и восток.

Издалека можно разглядеть высокую гору с белой вершиной. Это Этна, самая удивительная гора, которая была знакома людям древности. В ее груди бушует вечное пламя. Иногда оно вырывается наружу. Тогда Этна напоминает сказочного великана Тифона, содрогающегося от ярости. Как живое существо она выбрасывает из своего кратера огромные глыбы камня.

Но ни Этна с ее страшным и беспричинным гневом, ни другие опасности, угрожающие мореплава-

¹ Эпёр — область на северо-западе Греции.

телю, не могли отвратить от острова отважных и жадных искателей приключений и богатств. Они посещали берега Сицилии, торговали с местными жителями сикулами, а порой нападали на них, убивали мужчин, увозя в трюмах крутобоких кораблей женщин и детей.

Наступило время, когда греков уже не удовлетворяли разбойничьи набеги на берег Сицилии. Возросшему населению их каменистой страны не хватало хлеба. На склонах величавой Этны и других гор паслись бесчисленные стада овец и свиней. Тут имелся в изобилии лес, годный для постройки кораблей; реки Сицилии богаты рыбой.

В VIII—VI вв. до н. э. толпы переселенцев из различных городов материковой и островной Греции высаживались на восточном берегу Сицилии и основывали здесь поселения, которые принято называть колониями. Местные жители обращались в рабство или оттеснялись вглубь острова. Со временем богатые греческие колонии стали соперничать со старыми городами Греции — Афинами, Коринфом. Самой богатой и могущественной из сицилийских колоний греков были Сиракузы. Владетели Сиракуз распространили свою власть на всю Восточную Сицилию.

Богатства Сицилии привлекли внимание и карфагенских рабовладельцев. Они захватили юго-западное побережье острова. В течение нескольких столетий из-за Сицилии происходила борьба между греками и карфагенянами. Не раз карфагеняне наносили грекам поражения. Не раз и греки топили карфагенский флот, уничтожали карфагенскую армию. Но ни грекам, ни карфагенянам не удавалось утвердить свое господство над всей Сицилией.

А пока греки и карфагеняне истощали свои силы в бесконечных войнах, выросло могущественное Римское государство.

В 270 г. до н. э. римский гарнизон стоял уже в городе Регии, на берегу узкого Мессинского пролива. С обсаженной широколиственными платанами набережной Регия римляне бросали жадные взоры на благодатный остров. Они понимали, что тот, кто

завладеет этим островом, будет держать ключи от всего Средиземноморья. Риму нужен был лишь повод для захвата Сицилии — и он его нашел.

МАМЕРТИНЦЫ

Удивительный обычай существовал у италийских племен. Раз в несколько лет, в начале весны богу Марсу (иначе Мамерсу) посвящалась мужская молодежь, в этом году достигшая совершеннолетия. Возглавляемые своим предводителем — «царем молодежи» «дети Марса», или мамертинцы, должны были навсегда покинуть родину и искать счастье на чужбине. Считалось, что сам Марс отныне заботится о молодых воинах.

Этот обычай посвящения молодежи Марсу и ее переселения в новые места назывался «священной весной».

Один из отрядов мамертинцев поступил на службу в войско Сиракуз. Буйные и непокорные наемники стали внушать страх сиракузянам, и те поспешили от них избавиться.

За годы скитаний мамертинцы давно уже забыли путь на родину. Поэтому, прибыв в город Мессану¹, чтобы оттуда переправиться через пролив в Италию, они решили захватить этот город. Воспользовавшись темной ночью, они ворвались в дома, перебили мужчин, а женщин и детей обратили в рабство. Укрепившись в Мессане, мамертинцы стали совершать отсюда разбойничьи нападения на земли Сиракуз и карфагенские населения.

Владелец Сиракуз, Гиерон, собрав большое войско, выступил к Мессане. В кровопролитном сражении у стен города он разбил мамертинцев. Одни из них искали поддержки у карфагенян и даже передали им городскую крепость — акрополь, — другие же обратились за помощью к римлянам, к которым они были близки по языку и религии. Римляне понимали, что, если не помочь мамертинцам, Мессана с ее пре-

¹ Ныне итальянский город Мессина.

красной гаванью перейдет в руки карфагенян. Обладая Мессаной, карфагеняне захватят всю Сицилию, и римляне будут иметь дело с могущественным соседом, отделенным от Италии лишь узким проливом.

Римский сенат колебался. Более решительным оказалось народное собрание. Оно дало одному из консулов¹ Аппию Клавдию полномочия для помощи мартинцам. Собрав торговые и военные корабли из греческих колоний, Аппий Клавдий ночью переправился через пролив и высадился в Сицилии.

Это был первый выход римского войска за пределы Италии, послуживший поводом к Первой Пунической войне.

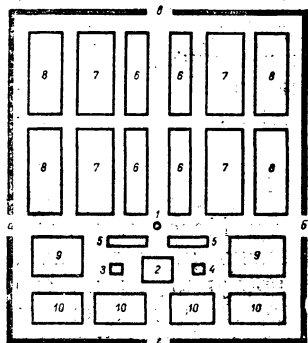
РИМСКИЙ ЛАГЕРЬ

Римляне появились под стенами Мессаны ночью. Переправа через пролив была очень утомительной, но консул Аппий Клавдий, как поступил бы на его месте любой римский полководец, не дал своим воинам желанного отдыха. В темноте мелькали человеческие фигуры, слышались отрывистые слова воинской команды, удары заступов о землю.

К рассвету вырос римский военный лагерь. Он имел четырехугольную форму, был окружен ровом глубиной в несколько локтей, валом и частоколом. В центре обычно находилась палатка полководца — *преторий*. Преторий стоял на земляном возвышении, отсюда полководец обычно обращался с речью к войскам. Здесь трубачи и горнисты трубили сбор. Здесь приносились жертвы перед походом или после победы. Здесь же складывались трофеи. Слева и справа от претория на равном расстоянии друг от друга находились палатки старших офицеров — *военных трибунов*. Младшие командиры — *центурионы* — спали в тех же палатках, что и воины их подразделения — *центурии*. Эти палатки, покрытые грубым холстом и кожей поверх деревянного остова, образовывали улицы, пересекавшиеся под прямыми углами.

¹ *Консул* — высшее выборное должностное лицо в Риме. Римляне избирали двух консулов сроком на год.

Лагерь казался пустым. Утомленные воины спали в своих палатках. Лишь часовые стояли на своих постах, зорко наблюдая, чтобы никто не приблизился к лагерю. У восточных ворот стоит на посту молодой легионер. Глаза слипаются, голова словно из свинца. Вздремнуть, хотя бы на мгновение. Но сон для часового смерть. Если центурион, обходящий сторожевые посты, не найдет часового на месте или застанет его спящим, то в этот же день состоится военный суд. Военный трибун касался обвиненного своим жезлом, и по этому сигналу воины били его или забрасывали камнями. Такая же кара постигала и центурионов, если они неправильно совершат обход. Неповиновение и трусость тоже карались смертью. Если нельзя в целом отряде найти виновного, казнили по жребью каждого десятого солдата.

План римского лагеря.

аб и вг — две главные улицы лагеря, направление которых определено жрецом-гадателем. 1. Алтарь. 2. Преторий. 3. Лавки для продажи солдатам съестных припасов, посуды, хозяйственных мелочей. 4. Военская казна. 5. Палатки старших офицеров. 6, 7. Палатки легионеров. 8. Палатки солдат из союзников. 9, 10. Палатки саперов.

Если центурион, обходящий сторожевые посты, не найдет часового на месте или застанет его спящим, то в этот же день состоится военный суд. Военный трибун касался обвиненного своим жезлом, и по этому сигналу воины били его или забрасывали камнями. Такая же кара постигала и центурионов, если они неправильно совершат обход. Неповиновение и трусость тоже карались смертью. Если нельзя в целом отряде найти виновного, казнили по жребью каждого десятого солдата. И ничто не могло спасти воинов от смерти — ни приобретенная слава, ни молодость, ни любовь товарищей.

Несколько дней стояли римские легионеры в лагере под Мессаной. Казалось, они здесь устроились навсегда. Но так мог думать лишь человек, не знающий римских порядков. Аппий Клавдий медлил с выступлением лишь потому, что надеялся уговорить сиракузян снять осаду Мессаны. Как только римский полководец убедился в непреклонном решении Гиерона вести осаду до конца, он призвал к себе трубачей.

Ночной сумрак еще покрывал землю, когда заиграли трубы. Лагерь ожил. Без суеты воины разбирали и свертывали палатки, вырывали колья, которые при-

годятся для строительства другого укрепленного лагеря, навьючивали мулов. Каждый воин имел определенные обязанности и знал свое место. И римляне выступили четырьмя колоннами из лагеря.

Римские солдаты в походе.
Рисунок художника XX века.

Щиты закинута за плечи. Legionеры в кожаных рубашках с нашитыми металлическими пластинами. У солдат копья (пилумы) и дротики, справа в ножнах — меч. Голову покрывает каска с козырьком на шее и с нашечниками. На ногах — солдатские сапоги (калиги). Legionеры идут не в ногу, вольным шагом.

В сражении у стен Мессаны сиракузяне и карфагеняне были разбиты. Аппий Клавдий подошел к стенам Сиракуз, и здесь вырос такой же лагерь, как у Мессаны.

В распоряжении Аппия Клавдия было два легиона. Каждый из них состоял из четырех тысяч пехотинцев и трехсот всадников, не считая несших вспомогательную службу союзников (так называли

покоренных римлянами жителей Италии). Всего же в Риме в ту пору было четыре легиона.

Получив известие о победах Аппия Клавдия, римский сенат направил в Сицилию еще два легиона во главе с консулом. Когда это подкрепление прибыло в Сицилию, большинство ее греческих городов перешло на сторону Рима.

Вскоре и владетель Сиракуз Гиерон предложил римлянам мир и союз. Римляне охотно приняли союз с ним, потребовав у него возвращения без выкупа пленных и уплаты дани. Союз с Гиероном не только освобождал римлянам руки для борьбы с Карфагеном, но и обеспечивал их продовольствием. После заключения мира с Сиракузами римляне оставили в Сицилии лишь два легиона, которые были брошены на осаду древнего города Агригента.

ГОЛОД

Грозно высится на крутой скале крепость Агригэнт. С юга и запада город омывается двумя реками, с востока он защищен ущельем.

Достаточно взглянуть на Агригэнт, чтобы отказаться от мысли взять его приступом. Римские консулы Луций Постумий и Квинт Мамий решили захватить город измором. Поперек равнины и по склонам холмов, окружающих Агригэнт, они приказали возвести валы с широкими и глубокими рвами. За валами выросли два римских лагеря, а за лагерьями появился новый ров. Теперь можно было спокойно ждать, пока в городе не иссякнет все продовольствие. От перебежчиков римляне узнали, что у осажденных имеется годовой запас зерна и кроме зерна имеется сушеное и соленое мясо, масло и вино. Этот запас был рассчитан на жителей города, но в Агригэнт согнали десять тысяч карфагенских наемников. Они быстро очистят запасы, и тогда город упадет к ногам Рима, как созревшее яблоко.

В Агригэнте в те дни можно было увидеть людей всех племен Запада. На вершине акрополя, у ограды великолепного храма Зевса сидели высокие люди

в овчинных плащах. В руках у них — небольшие кожаные щиты, а на загорелых шеях — черные шнуры различной длины. Это прашники с Балеарских островов. На берегу пруда расположились высокие длинноволосые галлы. В Риме их называли «косматыми». Они в штанах из козьего меха до щиколоток и легких, накинутых поверх голого тела плащах с капюшонами. У каждого галла на поясе висит прикрепленный двумя ремнями кинжал, в руке небольшое копье. На шее у некоторых золотые гривны — знак знатного происхождения. У городской стены можно было увидеть темноволосых иберийцев в белых туниках с красной каймой. Склоны холма, на вершине которого находился знаменитый храм Асклэпия¹, заняли нумидийские всадники.

В первые месяцы осады начальник крепости выводил своих воинов за городские стены. Однажды, во время жатвы, когда римляне с серпами в руках рассыпались по полям, карфагеняне сделали вылазку тремя отрядами. Один они бросили на врагов, убравших хлеб, другой направили на сторожевые посты, а третий — на римский лагерь.

Лишь дисциплина спасла римлян. Каждый римский легионер сражался на своем месте и, хотя римляне понесли большие потери, им удалось не только отстоять лагерь, но и загнать карфагенских наемников за городские стены.

После этого карфагенянам ни разу не удавалось застать римлян врасплох. Главным врагом осажденных стал теперь голод. С ним не вступишь в открытую схватку, в него не попадешь дротиком, его не поразишь мечом, этого невидимого врага. Как вражеский лазутчик за городские стены проник голод в тело воина и предает его изнутри. Голод можно победить лишь похрустывающим на зубах хлебом или сочным мясом или ячменной похлебкой. О мясе, хлебе и смокке приходится лишь мечтать.

¹ *Асклэпий* — бог врачевания у древних греков (у римлян Асклепия называли Эскулапом). У нас эскулапом в шутку иногда называют врача.

Давно выловлена и съедена рыба в агригентском пруду, но вооружившись сачками и удочками сотни жителей города стоят на берегу в надежде поймать рыбежку. Неприхотливые к еде балеарцы начали охоту на крыс и мышей. Не даром отцы обучили их обращаться с пращей, ставя в отдалении кусок хлеба. Маленькие балеарцы не получали хлеба, пока в него не попадали. Справедливо говорят, что голод лучший учитель.

Голод был испытанным средством полководцев древности. Там, где было бессильно железо и нельзя было использовать военные машины, прибегали к голоду. Отрезали все пути подвоза продовольствия и ждали, пока голод не ослабит силу сопротивления врага или совсем не сломит его. Так было и при осаде Агригента.

ОГНЕВАЯ АЗБУКА

«Корабли! Корабли!» — закричал дозорный с башни. Этот крик был подхвачен всеми на городской стене. Ослабевшие от голода агригентяне покидали свои дома и выходили на возвышенные места, чтобы лучше разглядеть приближающиеся к городу карфагенские корабли.

Одного за другим отправляли агригентяне послов в Карфаген с просьбой о помощи, и вот, наконец, она пришла. Пятьдесят тысяч пехотинцев, шесть тысяч всадников и пятьдесят боевых слонов доставил к берегам Сицилии опытный полководец Ганнон.

Не решаясь высадиться в виду римских лагерей, Ганнон миновал рейд Агригента, прошел далее на запад и бросил якорь у Гераклеи. Счастье с самого начала благоприятствовало Ганнону. Хитростью он захватил все римские склады продовольствия. Теперь римляне оказались в положении осажденных, и если бы их союзник Гиерон не подвез хлеб, они вынуждены были бы снять осаду.

Прошло еще два месяца. Все чаще на городской стене по ночам вспыхивали и гасли огни. Это были знаки огневой азбуки. Впервые огневые сигналы ис-

пользовали персы для передачи сообщений из столицы во все концы огромной персидской державы. Рано стали применять огненные сигналы и греки.

Когда они хотели сообщить о приближении друзей, они держали факелы неподвижно, когда же появлялся противник, они быстро размахивали факелами.

Постепенно связь с помощью факелов была усовершенствована. Греки, карфагеняне и другие народы научились передавать отдельные буквы. Из букв складывались слова. С помощью факелов агригентяне сообщали Ганнону, что они доведены до крайней степени истощения. Уже съедена вся трава и подошвы сандалий, многие перебегают к врагу.

Ганнон решил не медлить и дать римлянам сражение у стен Агригента.

БОЕВЫЕ СЛОНЫ

Слоны шагали медленно, словно под их ногами была не твердая земля, а палуба корабля.

Слоны напоминали движущиеся крепости. На спине башенка с четырьмя стрелками, лоб защищен медным щитом, а на шее сидит вожак с длинной железной палкой.

Слона приручили в далекой Индии в незапамятные времена. И в наши дни в Индии и Бирме можно увидеть слонов, терпеливо таскающих бревна и тюки, валящих лес и исполняющих другие тяжелые работы. Но слоны имели и другое применение. Правители древних государств Индии вели бесконечные войны друг с другом. Они впервые направили силу огромных животных на убийство людей. Слонов учили схватывать людей хоботом и топтать их ногами.

Александр Македонский¹ в походе в Индию встретил боевых слонов индийского царя Пора. Он убедился в том, что обладание боевыми слонами дает большие преимущества. Александр решил, что в задуманном им походе на запад примут участие боевые

¹ Александр Македонский вторгся в Индию в 327—326 гг. до н. э.

слоны. Но поход не состоялся. Александр вскоре после возвращения из Индии умер. Его огромная держава распалась на ряд государств. Один из властителей Сирии — Селевк I приобрел в Индии стадо в пятьсот слонов.

Владетели других государств, возникших на развалинах державы Александра, не желали отставать от Селевка. Царь Египта Птолемей II, владения которого доходили почти до Индии, решил приручить африканских слонов. Для этого на западном берегу Аравийского залива (ныне Красное море) был построен город Птолемаида Охотничья. В его окрестностях вылавливали слонов, обучали их, а затем на барках доставляли в Египет.

Слоны, начиная с III в. до н. э., стали важнейшим родом войск. Преемник Селевка I, Антиох I, после того, как в одном из сражений одержал победу с помощью слонов, воздвиг памятник с изображением слона. Слоны имелись и в армии Карфагенской республики. В Карфагене были стойла для трехсот слонов.

Римлянам пришлось столкнуться с боевыми слонами в 280 г. до н. э., когда мечтавший о славе Александра Македонского царь Эпира Пирр высадился со своей армией на юге Италии, в Лукании. Римляне не знали этих огромных животных, но так как всё в мире должно как-нибудь называться, они назвали слонов «луканскими ослими». Эти «луканские ослы» оказали огромную услугу Пирру. В сражениях под Гераклеей и Аускулом римские легионеры потерпели поражение. Но через четыре года, под Беневентом, римские стрелки уже не испытывали страха перед слонами. Напротив, они сами напугали слонов, которые повернули обратно и расстроили ряды вражеского войска. Римляне узнали, что хотя у слонов очень толстая кожа, они чувствительны к боли, копыта и стрелы, даже не проникающие глубоко, могут привести слона в бешенство.

Пятнадцать лет прошло со времени битвы под Беневентом. В римском войске, стоявшем у стен Агригента, было немного воинов, сражавшихся с Пирром.

Но и те римляне, которым не приходилось сражаться с боевыми слонами, уже их не боялись.

Римляне пошли в наступление. Колыхались черные и красные перья на шлемах, сверкали короткие мечи. Натиск был неодолим. Карфагенские наемники бросились бежать и заполнили пространство между слонами. Погонщики слонов, боясь раздавить своих воинов, остановили животных, и в это время туча тяжелых римских дротиков опустилась на слонов, которые заметались, топча карфагенян.

Римляне продолжали наступать, врезаясь во вражеские ряды. Скоро нельзя было понять, где римляне, где карфагеняне. Ганнон не смог применить конницу, самую сильную часть своего войска. Отступление карфагенян сделалось всеобщим. Лишь немногие спаслись бегством в Гераклею. Римляне захватили обоз и большую часть слонов.

В ночь после битвы начальник крепости решил спасти остатки своего войска. Тихо открылись городские ворота. Неслышно, как тени, вышли защитники Агригента. Вот и лагерьный ров. В него летят плетенки, набитые мякиной. По образовавшемуся мосту беглецы проходят мимо задремавшего часового. Еще один ров. Снова летят плетенки. Лагерь остался позади. Карфагеняне идут по полю вчерашней битвы. Луна освещает тела павших.

Когда римляне обнаружили исчезновение защитников города, те уже давно были в Гераклее и готовились к посадке на корабли. Римляне бросились к стенам Агригента, разбили городские ворота и растеклись по улицам.

И вот они уже выталкивают из домов женщин и детей, безжалостно гонят их на городскую площадь. Пленники, будущие рабы, должны вознаградить римлян за бессонные ночи на сторожевых постах, за изнурительный труд при постройке лагеря, за раны и пролитую кровь.

Так пал некогда могущественный город Агригент. На холме, где когда-то кипела жизнь, остались одни развалины. Люди, проплывающие вдоль южного

берега Сицилии, видят поросшие плющем руины, и думают о бессмысленных разрушениях, которые приносит человечеству война.

МОРСКАЯ БИТВА

Италия с трех сторон омывается морем. Ее морская граница в одиннадцать раз превышает сухопутную. Однако море не было римской стихией. Римляне его боялись и не любили. Если у них был выбор между поездкой по морю или путешествием по суше, они выбирали второе. Пастухи и землепашцы, веками пасшие свои стада и обрабатывавшие землю, испытывали неприязнь и к людям моря.

К началу Первой Пунической войны у римлян имелись лишь торговые корабли. Экипажи состояли из греков и этрусков. У Рима не было крупного военного флота. Без него римляне не могли закрепить победы, одерживаемые ими на суше.

Главную силу карфагенского военного флота составляли длинные пятирядные корабли — пентеры. У них было пять рядов весел, которые обслуживали триста гребцов. Помимо весел пентеры имели прикрепленный к мачте большой квадратный парус. Он позволял развивать при попутном ветре большую скорость. Если пентера ударяла своим медным бивнем в борт небольшого вражеского корабля, то он или сразу перевертывался и шел ко дну или получал такую пробоину, что выбывал из строя. Искусство моряков состояло в том, чтобы не подставить врагу незащищенный борт и нанести кораблю противника молниеносный удар. Для карфагенян море было родной стихией. В древности долго не было более искусных моряков чем они.

Перед Римом стояли две задачи — построить флот и обучить моряков.

Образцом для строительства кораблей римлянам послужила карфагенская пентера, которая была выброшена на берег бурей. В рабочих руках у Рима не было недостатка. В захваченных Римом греческих колониях было много опытных кораблестроителей. Они

и руководили построшкой ста пентер и двадцати трехрядных кораблей (триер).

Если за год можно построить сто с лишним кораблей, то этого времени совершенно недостаточно, чтобы из человека, привыкшего пасти скот или пахать землю, сделать опытного моряка. Большинство римских воинов никогда не держало в своих руках даже весла. Им ли соперничать с прославленными карфагенскими моряками?

Самое большее, что можно было сделать за то время, пока строили флот, это обучить будущих моряков обращаться с веслами. Для этого на суше были поставлены скамьи в том самом порядке, в каком они стояли на кораблях. Рядом со скамьями были укреплены перекладыны с тяжелыми веслами. Людей посадили на скамьи. По команде они должны были откидываться всем телом назад, притягивая к себе рукояти весел, а потом с вытянутыми руками наклоняться вперед.

К тому времени, когда корабли были спущены на воду, у Рима были сносные гребцы. Но искусство ведения морского боя заключалось не только в умении грести. Надо было быстро снимать и ставить парус, изменять курс корабля, вести судно по звездам. Для овладения мореходным искусством нужны долгие годы.

На помощь пришла смётка. Римлянин, имя которого осталось неизвестным, придумал простое приспособление, не только уравнившее силы римских и карфагенских моряков, но и давшее римлянам значительные преимущества. На палубе корабля вбивался крепкий столб, к которому в нижней его части на петлях прикреплялась длинная и широкая доска с перилами. На противоположном ее конце имелся металлический выступ в форме клюва. Поэтому все сооружение называлось «вороном»¹.

В то время, когда корабль шел на сближение с врагом, доска поднималась к столбу и придерживалась

¹ Устройство ворона точно неизвестно. Неизвестно и почему римляне перестали им пользоваться в морских сражениях.

в таком состоянии канатом. Но стоило вражескому судну приблизиться на расстояние нескольких локтей¹, как канат отпускался, силой тяжести доска опрокидывалась и впивалась своим клювом в палубу противника, сцепляя оба корабля.

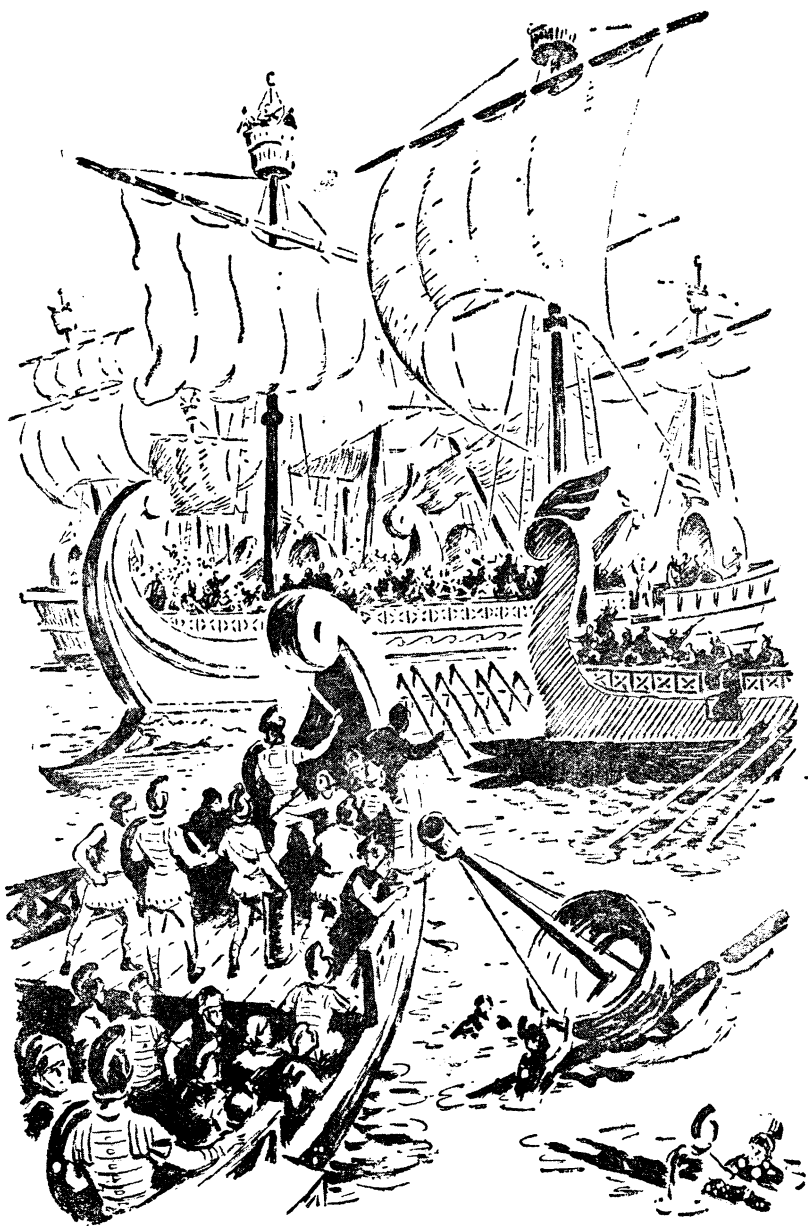
Действия римского флота начались неудачно. Консул Гней Корнелий с семнадцатью кораблями зашел в гавань одного из Липарских островов. Здесь на него напал карфагенский флот, и консул попал в плен со всей своей командой.

Когда второй консул Гай Дуийлий узнал о неудаче Гнея Корнелия, он передал сухопутное войско военным трибунам и принял командование на море. Он вел флот к мысу Миле. Карфагенские морские начальники, увидев неповоротливые римские пентеры, не колеблясь, бросили на них все сто тридцать своих военных кораблей. Полные презрения к неопытности римлян, они не сочли нужным соблюдать боевой порядок. Добыча казалась им обеспеченной.

Приближаясь к римским судам, карфагеняне обратили внимание на какие-то странные столбы на палубах вражеских кораблей. Но это их не смутило. Они двинулись навстречу римлянам, стремясь пройти вплотную мимо бортов их кораблей и сломать врагам весла. Но тут произошло то, чего карфагеняне не могли предвидеть. На палубы их кораблей опустились «вороны», сцепляя их с суднами римлян. По образовавшимся мостикам с мечами и копьями ринулись римляне. Морская битва превратилась в сухопутное сражение. В нем римляне были сильнее. В первые же мгновения много карфагенян пало под ударами римских мечей, другие в ужасе сдались врагу. Карфагенский адмирал, судно которого было захвачено одним из первых, бежал на лодке. Карфагеняне потеряли пятьдесят кораблей.

Весть о блестящей морской победе наполнила радостью Рим. Ликующие толпы граждан вышли на улицу, чтобы встретить Гая Дуилия. Сенат постановил,

¹ *Локоть* — древняя мера длины, от конца среднего пальца руки до локтя, приблизительно 0,5 метра.

Морское сражение у Липарских островов.

чтобы вечером Дуилия сопровождали домой факельщик и флейтист. Сенат заботился о здоровье и безопасности героя.

На форуме вскоре появилась колонна, украшенная бивнями вражеских кораблей. Ярко блестела врезанная в камень медная доска с надписью в честь Дуилия. Эта колонна, называемая ростральной¹, пережила Дуилия и его славу. Она и поныне стоит в Риме.

В новое время колонны такого типа стали воздвигать в честь морских побед. Ростральные колонны как памятник побед русских военных моряков имеются и у нас в Ленинграде, а также в Пушкине (Чесменская колонна).

РИМЛЯНЕ В АФРИКЕ

В 256 г. до н. э., через 8 лет после начала первой Пунической войны, римский флот плыл вдоль восточных берегов Сицилии.

Римский сенат решил перенести военные действия в Африку, под стены Карфагена. Было построено еще двести судов. Теперь у римлян имелось триста тридцать кораблей. Никогда еще такой большой флот не проплывал у берегов Сицилии.

Консулы Марк Атилий Регул и Луций Манлий Вульсон плыли каждый на большом корабле с шестью рядами весел.

На горизонте у горы Экномы показались паруса карфагенских кораблей. Узнав о намерении римлян высадиться в Африке, карфагеняне собрали все свои силы. Ими командовал потерпевший неудачу при Агригенте суфет Ганнон. Ганнон задумал раздробить строй римских кораблей и отрезать врага от берега. Центр карфагенского флота искусно уступал натиску римских тяжелых кораблей. Другие карфагенские корабли охватывали римскую эскадру. Всюду закипел жестокий бой. Воздух гремел воинственными криками. С грохотом падали римские перекидные мостики, скрещивались мечи в рукопашном бою.

¹ *Рострум* по-латыни значит «нос корабля».

Долго и упорно бились с обеих сторон. Но, наконец, римляне взяли верх. Они захватили шестьдесят четыре карфагенских корабля с экипажами. Еще тридцать кораблей было потоплено. Победа была полной.

Исправив захваченные корабли и заготовив съестные припасы, римляне снова вышли в море. После двух дней плавания показался берег с зелеными садами и белыми домами. Это был Гермесов мыс, замыкающий обширный залив. На западном берегу этого залива находился Карфаген. Консулы не решились войти в морские ворота Карфагена. Обогнув мыс, римляне высадились в Клупейской бухте. Воины выгрузили военные машины. Их поставил Риму союзник, правитель Сиракуз.

В тот же день к стенам небольшого карфагенского города Аспида были поставлены тараны. Таран — это длинное и толстое бревно, подвешенное цепью к верхней перекладине прочной рамы. Конец бревна оковывался железом и имел, обычно, вид бараньей головы. Над тараном сооружался навес из досок, прикрытых сырыми кожами. Их поливали водой, чтобы враг не смог поджечь грозную боевую машину.

Римляне начали раскачивать таран и разом пустили его. Железный наконечник ударил в стену. Под ударами таранов рухнули стены, и римляне ворвались в город. Отсюда они рассыпались по побережью, захватывая беззащитное население. Двадцать тысяч рабов и огромное количество скота было отправлено в Рим на кораблях, которыми командовал Луций Манлий Вульсон.

В Африке оставался другой консул, Марк Атилий Регул. У него было пятнадцать тысяч пехотинцев, пятьсот всадников и сорок кораблей. Ему удалось пополнить свое войско местными жителями — ливийцами, недовольными карфагенским владычеством. Войско возросло до тридцати тысяч человек.

В захваченных городах победителям досталась несметная добыча. Тут были и оружие, украшенное золотом и серебром, драгоценные камни, множество одежды из тонкой шерстяной материи. Римляне

захватили огромные запасы продовольствия. Его было достаточно для прокормления римской армии на много лет. Город Тунет (теперь Тунис), расположенный рядом с Карфагеном, стал главной квартирой¹ Регула.

Близость врага вызвала подъем духа у карфагенян. Карфагенские богачи вооружили своих сыновей и внуков. В соседние страны были разосланы вербовщики, не скупившиеся на обещания тем, кто вступал в карфагенскую армию.

С Тенарского полуострова на Пелопоннесе, где обычно толпы праздных наемников ожидали случая, кому бы подороже продать свою кровь и оружие, прибыло несколько сот греков под командованием спартамца Ксантиппа. Ознакомившись с обстановкой, узнав о недавних неудачах карфагенян, Ксантипп дал карфагенским военачальникам совет не сражаться с римлянами в горах и лесистых местностях, а принимать бой лишь в открытом поле, где можно лучше использовать конницу и боевых слонов.

Зима 256—255 гг. до н. э. прошла в приготовлениях к решительной схватке. В начале весны карфагенское войско, состоявшее из пехоты, конницы и боевых слонов, подступило к римскому лагерю близ Тунета. Регул мог еще отойти и дожидаться прибытия другого консула с подкреплением. Но он понадеялся на собственные силы и выступил навстречу врагу.

Римляне шли манипулами. Так назывались отряды из ста двадцати тяжеловооруженных воинов с приданными к ним сорока легковооруженными бойцами. В переднем ряду каждой манипулы можно было разглядеть военные значки — отлитые из бронзы орлы на длинных шестах были знаменами римских частей.

Манипулы различались не только своими значками. Тяжело вооруженные воины римского легиона были разделены по возрасту. Самые молодые воины входили в десять первых манипулов. Они назывались

¹ Главная квартира — место, где разместился главнокомандующий со своим штабом.

гастатами. Воины среднего возраста — принципы — составляли десять других манипулов. Воины старшего возраста — триарии — образовывали пять манипулов.

Во время сражения вперед выдвигались манипулы гастатов. Они располагались на небольшом расстоянии одна от другой. За этой первой линией манипул выстраивались манипулы принципов так, что они приходились против промежутка в манипулах гастатов. За принципами находились манипулы триариев.

Впереди своего войска карфагеняне поставили сто боевых слонов, справа и слева от пехоты стояли легковооруженные воины и конница.

Уже не более ста шагов отделяет оба войска. Консул дал знак, и сразу же вперед выступили римские пращники и легковооруженные стрелки. Регул рассчитывал испугать карфагенских слонов, обратить их в бегство, чтобы, как под Агригентом, они смяли стоявших позади карфагенских пехотинцев.

Римляне не успели еще бросить дротики, как в бой ринулась карфагенская конница. Припав к гривам быстрых коней, мчались нумидийцы. Они обходили римское войско с тыла. В то время как триарии отбивались от нумидийских всадников, вперед двинулись карфагенские слоны. Перед их дружным напором не устояли ни легковооруженные, ни гастаты, ни принципы. Слоны пробились в центр римской пехоты, а за ними ворвались карфагенские солдаты.

В короткой схватке почти все римское войско было уничтожено. Регул со штабом попал в плен. Лишь двум тысячам воинов удалось горами и лесами добраться до Аспида и скрыться в укрепленном лагере, который с моря прикрывали римские корабли.

Утомленные и израненные воины были посажены на подоспевшие корабли. Несмотря на осеннее бурное время, флот пустился к юго-восточным берегам Сицилии. Разразилась буря. Волны и ветер гнали римские корабли на прибрежные скалы, и вскоре весь берег до Пахинского мыса был усеян обломками кораблей и трупами.

Так, уничтожением римской сухопутной армии и флота закончилась первая попытка Рима завоевать Карфаген. Ареной военных действий вновь стала Сицилия.

ПОДКОП

Далеко в море вытянулся мыс Лилибей в Сицилии. У подошвы мыса — город того же названия. Угрюмо смотрят с холма зубчатые серые стены. Под ними зияет глубокий ров.

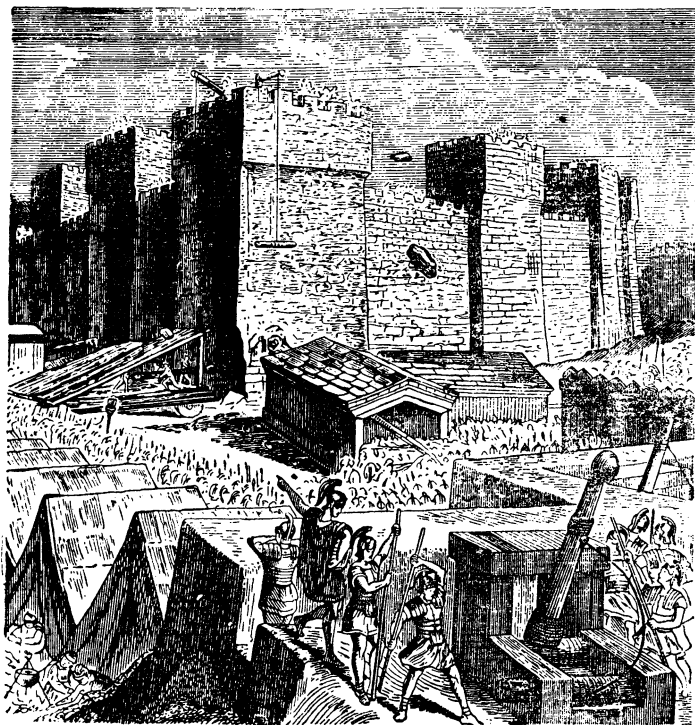
Воодушевленные победой над Регулом, карфагеняне сделали Лилибей своей главной твердыней. Десять тысяч наемников во главе с отважным Гимильконом укрепились в городе.

Римляне решили во что бы то ни стало взять это горное гнездо. Осада началась по всем правилам искусства. Помимо таранов были подвезены камнеметы. Греки называли эти орудия катапультами и баллистами. Они действовали силой натянутой тетивы, закрученной деревянными рычагами. Катапульты и баллисты могли бросать камни весом в несколько десятков килограммов.

Пока проверялись и налаживались боевые машины, римские мастера построили деревянную осадную башню. По высоте она не уступала ни одной из семи каменных башен Лилибея и имела перед ними то преимущество, что могла двигаться. Башня имела шесть этажей. Сторона, обращенная к противнику, имела в каждом этаже бойницы. Через них можно было метать с помощью небольших катапульт камни и стрелы. В нижнем ярусе башни укрепили таран.

Две недели ушло на подготовку пути к стенам Лилибея. Надо было засыпать ров, срыть неровности и бугорки, плотно утрамбовать землю. Наконец, путь был готов. По знаку консула войны схватились за канаты. Заскрипели деревянные колеса. Башня тронулась с места, медленно поползла. Ее вершина, отстоявшая от земли на шестьдесят локтей, слегка покачивалась. Высыпавшие на стене защитники Лилибея с ужасом наблюдали эту картину. С помощью таких башен пятьдесят лет до начала войны с Римом

македонский царь Демётрий Полиоркёт едва не взял неприступную крепость Родос. С тех пор за осадными башнями укрепилось название «гелéпол» — берущих

Осада Лилибея.

В основание угловой башни ударяют два тарана, защищенных навесом. Оборона города стремится сломать тараны, бросая на них сверху тяжелые бревна. Катапульты ведут обстрел стен города. Римское войско готовится к штурму.

города. Гелéпола у городской стены. Из бойниц верхних этажей сыплются на головы защитников города камни, летят стрелы. Теперь уже карфагеняне не могут даже подойти к стене города и помешать разрушительной работе таранов. Шесть таранов были поставлены у основания башни, обращенной на юг. На

пятый день башня рухнула. Римляне подвезли гелеполу к другой башне. Еще четыре дня — обвалилась и эта башня.

Обрадованные успехом, римляне подвели гелеполу к третьей башне. Не успели воины привести в действие катапульты, как вдруг гелепола осела и опрокинулась со страшным грохотом.

Двести трупов вытащили в этот день римляне из-под обломков гелепола и камней.

Причиной этой неудачи был подкоп. Днем и ночью карфагеняне рыли под землей траншею. Выкопанную землю ночью незаметно убирали на носилках. Подземный ход прошел под башней, которую собирались разрушить римляне. Когда гелепола стала там, где заканчивался подземный ход, карфагеняне вытащили в этом месте деревянные подпорки, и гелепола рухнула. Защитники города ликовали.

Римляне не были смущены неудачей. Они начали строить новую гелеполу. Но как подвести ее к башне, если под нею подземный ход? Надо засыпать его камнями и землей. При первой же попытке это сделать, римляне натолкнулись на сопротивление.

Подземный ход охранялся карфагенянами. Двое римских солдат, спустившихся под землю, погибли. Кто-то предложил пустить в подкоп ос и пчел, чтобы они прогнали неприятеля. Но консул принял другое решение. Он приказал подготовить бочку, соответствующую ширине подкопа, и просверлить ее дно, пропустив через отверстие железную трубку. Бочку наполнили куриными перьями и закрыли крышкой с многочисленными мелкими отверстиями. Затем бочку опустили в подкоп так, что она была обращена крышкой с отверстиями к неприятелю, и заделали глиной зазоры между стенками бочки и стенами подземного хода. Вытащив железную трубку, в бочку бросили тлеющий уголь, затем снова пропустили трубку. К наружному ее концу присоединили кузнечные мехи и начали их раздувать. В сторону неприятеля повалил удушливый дым. С верхнего яруса построенной римлянами гелепола было видно, как

враги выскакивают из подкопа. Теперь можно приступить к засыпке подземного хода.

Наступившая ночь принесла римлянам новую неожиданность. Еще с вечера усилился ветер с юга. Ночью он превратился в ураган. Свирепело море. Волны разбивались о прибрежные скалы. Стонала гелепола, едва выдерживавшая натиск ветра.

Вдруг раздалась зловещие звуки африканских рогов. Рассеивая мрак, запылали факелы. Воспользовавшись бурной ночью, осажденные сделали вылазку. Факелы поднесены к осадным машинам. Сухое дерево вспыхнуло. Ураган, как огромные кузнечные мехи, раздувал огонь. Осыпаемые золой и искрами, римские воины падали под ударами мечей. К осадным машинам брошены манипулы из римского лагеря. Но враг уже скрылся за городскими стенами. Гелепола, так и не испытанная в бою, пылала как огромный факел.

К утру ураган стих. У стен Лилибея, черных от золы, кое-где догорают головни. Это все, что осталось от римских осадных машин. Вместе с их пеплом развеемы и надежды римлян взять приступом Лилибей.

Новый римский консул Публий Клавдий Пульхер заявил в сенате, что победа над Карфагеном ожидает римлян не на суше, а на море, и Карфаген сам отдаст римлянам Сицилию, если у него не останется ни одного военного корабля.

СВЯЩЕННЫЕ КУРЫ

Римский флот под командованием консула 249 года до н. э. Публия Клавдия Пульхра шел вдоль северного берега Сицилии, направляясь к карфагенской гавани Дрепану.

Консул находился на носу самого большого корабля в окружении своих офицеров. С нетерпением он вглядывался вдаль, ища взором мыс с раздвоенной вершиной. Этот мыс, как ему было хорошо известно, ограждал с севера гавань Дрепан, в которой находился большой карфагенский флот. «Карфагеняне, наверно, сейчас спокойно спят в городе», —

думал консул. — Могут ли они ожидать, что мы после потерь под Лилибеем сразу выйдем в море?»

Кто-то тронул консула за плечо. Консул обернулся.

— Авгур просит разрешения вынести кур, — сказал один из офицеров.

Публий Клавдий Пульхер недовольно поморщился.

— Пусть выносит, — проговорил он сквозь зубы.

На лестнице, ведущей на палубу из трюма, показался человек в длинной белой тоге. Конец ее наброшен на голову. Это был жрец-авгур. В правой руке он нес клетку с курами, в левой горшок с кормом. Ни в одном важном деле римляне не обходились без гаданий. Перед тем, как открыть народное собрание или заседание сената, начать сражение, вступить в брак они прибегали к гаданиям.

Гаданиями занимались специальные жрецы — гаруспики и авгуры. Гаруспики гадали по внутренностям животных, авгуры предсказывали будущее по полету птиц, по их крику и поведению. Наблюдая полет орла или ястреба, авгуры определяли высоту полета, его направление, частоту взмахов крыльев. Они мысленно делили небо на части. Передвижение птицы из одной части считалось благоприятным, из другой зловещим признаком. Вслушиваясь в карканье вороны или крик ночной совы, жрецы пытались узнать «волю богов», предугадать ход событий. Авгуры наблюдали и за домашними птицами. Они держали в клетках из медных прутьев белых кур. Если птицы жадно клевали зерна, это считалось хорошим признаком, если отворачивались от корма — дурным.

Авгур поставил клетку на палубу и взглянул на консула.

Клавдий махнул рукой:

— Начинай!

Авгур открыл дверцу клетки и бросил корм. Куры испуганно жались к стенке клетки.

Сам консул сел на корточки.

— Цып! Цып! — шептал он.

— Не клюют! — сказал авгур.

— Сам вижу, что не клюют, — пробормотал консул, вставая.

— Не клюют, — повторил авгур. — Сегодня нельзя сражаться.

Консул сжал кулаки.

— Ты хочешь сказать, чтобы я вернулся из-за твоих кур? А подумал ли ты, тыквенная голова, что пунам, которые сейчас дрыхнут в Дрепане, нет никакого дела до твоих кур?!

— Боги против сражения, — сказал жрец, разводя руками. — Куры не клюют.

— Им не хочется есть, — воскликнул рассвирепевший консул, — так пусть они попьют!

С этими словами он ударил ногой по клетке. Клетка с курами полетела в море.

Все, находившиеся в то время на палубе, бросились к борту. Но клетка уже исчезла в волнах. Наступило молчание. Всем был известен бешеный нрав консула. Авгур поспешил удалиться. Он боялся разделить судьбу священных птиц.

Консул ошибался, полагая, что карфагеняне в Дрепане снят. Дозорные давно уже сообщили начальнику карфагенской эскадры Атарбалу о приближении римского флота. Вскоре карфагенские моряки и находившиеся в городе наемники были подняты по тревоге. Атарбал коротко объяснил им, что, если они сейчас не дадут врагу битву, их ожидают те же лишения долгой осады, какие выпали на долю воинов в Агригенте. Карфагенские моряки и солдаты рвались в бой. Атарбал отдал приказ садиться на корабли и повел эскадру из гавани в открытое море. Как раз в это время передовые римские корабли входили в гавань.

Увидев, что вопреки его ожиданию враг не застигнут врасплох, консул приказал эскадре повернуть назад. Корабли, выходящие из гавани, столкнулись с теми, которые были у входа в нее. Раздался треск ломающихся весел. С трудом удалось римлянам выстроиться у берега в боевую линию носами к неприятелю.

Атарбал атаковал с открытого моря, пользуясь всеми преимуществами своего положения. Ему удалось в нескольких местах врезаться в римский строй и расколоть его. Карфагенские корабли быстро огибали вражеские, нападали на них сбоку. В совершенно ином положении находились римские корабли. Всякий раз, когда римский корабль отступал, он либо попадал на мель, либо разбивался о скалы. Консул решил бежать, чтобы спасти остатки эскадры. За ним последовало лишь тридцать кораблей. Все остальные суда были уничтожены или достались врагам. Шесть тысяч римлян пало в битве у Дрепана, двадцать тысяч попало в плен.

Позднее римский суд привлек Публия Клавдия Пульхра к ответственности. Авгуры объявили причиной поражения при Дрепане неуважение бывшего консула к религиозным обычаям.

Клавдию нельзя было отказать в остроумии.

— Ты меня обвиняешь, что я дал сражение в тот день, когда не клевали куры? — обратился он к одному из авгуров.

— Да, — отвечал авгур. — Ты навлек на нас гнев богов...

— Другие полководцы не выбрасывали кур в море? — перебил Клавдий.

— Никогда. Все консулы свято чтити обычаи старины.

— Но почему же они тогда терпели поражения? Ведь перед битвами, в которых были разбиты Квинт Корнелий Сципион и Марк Атилий Регул знамена были благоприятные!

Авгур не нашелся, что ответить. Но все же Публий Клавдий Пульхер был приговорен к большому денежному штрафу. От смерти его спасли знатное происхождение и богатство.

ГАМИЛЬКАР БАРКА

Круто возвышается над окрестной равниной гора Эрикс. Ее склоны, обращенные к морю и суше, почти неприступны для вражеской пехоты, а вершина обра-

зует плоскогорье, удобное для занятия земледелием и в особенности скотоводством. Здесь нет хищников и ядовитых змей. Испокон времен на вершине Эрикса пасли сицилийцы свои стада.

На восемнадцатом году войны гора Эрикс стала местом кровавой схватки между римлянами и карфагенянами. Римский консул захватил расположенный под горою город Эрикс и на вершине горы у храма Афродиты¹ расположил свои посты. Укрепленный лагерь он разбил у подножья горы. Ему казалось, что римляне обеспечили за собой город и гору.

Иначе рассудил молодой карфагенский полководец Гамилькар Барка². Уже несколько месяцев во главе флота он опустошал южное побережье Италии. Однако он хорошо понимал, что этими набегами ему не удастся изменить хода войны. Во время одного из своих плаваний он высмотрел гору Эрикс и расположенные на ней римские посты. Ночью при попутном ветре Гамилькар Барка проскользнул в гавань, высадился с отборными воинами и повел их на плоскогорье по единственной дороге с моря.

В том месте, где эта дорога выходила на вершину Эрикса, Гамилькар разбил лагерь. Отсюда можно было обозревать на многие мили побережье и внутреннюю часть Сицилии. Отсюда Гамилькар совершал молниеносные нападения на вражеские отряды, на обозы с хлебом. Карфагенские моряки, наблюдая с моря знаки огненной азбуки, которые были понятны лишь Гамилькару и им, доставляли на побережье хлеб, скот и подкрепления.

Почти три года происходили эти непрерывные стычки, из которых Гамилькар Барка почти всегда выходил победителем. Однажды ему удалось смелым броском овладеть городом Эриксом. Положение римлян, находящихся на вершине горы, стало опасным. Но и сам Гамилькар Барка теперь оказался между

¹ *Афродита* (у римлян *Венера*) — богиня красоты и любви у древних.

² По-финикийски барка значит «молния».

двух огней. Теперь он потерял связь с морем, но его радовало, что своим небольшим отрядом он сковывает почти все римские силы в Сицилии.

БИТВА ПРИ ЭГАТСКИХ ОСТРОВАХ

Шел двадцать второй год войны. Оба государства были истощены налогами и расходами, города и селения обезлюдели. И все же ни Рим, ни Карфаген не складывали оружия. Казалось, войне не будет конца.

Успехи Гамилькара Барки в Сицилии заставили римлян поторопиться с постройкой флота взамен уничтоженного близ Дрепана. Казна была пуста. На помощь государству пришли богатые римские землевладельцы и купцы. Соединяясь в товарищества по двое, по трое, они строили один корабль. Сенат обещал им в случае успешного окончания войны возместить затраты. К началу 242 года до н. э. у римлян было двести пентер. Их вывел в море консул Гай Лутаций Катүүл. Неожиданно появившись у берегов Сицилии, он овладел гаванями Дрепана и Лилибея. Гамилькар Барка был отрезан от моря.

Узнав о действиях римлян, карфагеняне начали снаряжать флот для отправки в Сицилию. Весной 241 года этот флот вышел из Карфагена. В трюмах кораблей было много оружия и съестных припасов, необходимых для ведения войны. Но матросы были не обучены, пехотинцы только что набраны и не испытаны в боях. Адмирал, командовавший флотом, надеялся пополнить команду за счет опытных наемников Гамилькара Барки.

Римский консул разгадал план Карфагена. Оставив гавань Дрепана, он вышел навстречу карфагенскому флоту. Когда карфагенский адмирал увидел, что римляне отрезали ему путь к берегам Сицилии, он приказал спускать паруса и готовиться к сражению. И закипел грозный бой. Загремели падающие с римских кораблей «вороны», римляне перебежали на палубы вражеских кораблей и теснили малочисленных и неумелых карфагенских воинов. Короткой была битва, но она имела решительные последствия,

50 карфагенских пентер было потоплено, 70 захвачено врагом, остальные корабли отступили к скалистым Эгатским островам.

Победители, обремененные добычей, устремились к Лилибею. Теперь римляне нераздельно господствовали на море и обладали почти всей Сицилией. Гамилькар Барка еще держался, но надежды на успешное окончание войны не было ни у него самого, ни в Карфагене. Получив из Карфагена полномочия для ведения переговоров, Гамилькар отправил к консулу послов с предложением мира. Лутаций Катулл с радостью принял предложение Гамилькара, так как он хорошо знал, что Рим до крайности истощен войной.

Мир был заключен на следующих условиях. Карфаген обязывался очистить всю Сицилию, которая стала первой римской провинцией¹, уступить Риму острова между Италией и Сицилией, вернуть без выкупа всех пленных и в течение десяти лет платить Риму большую сумму денег.

Так победой Рима закончилась Первая Пуническая война, длившаяся двадцать три года. Никогда еще не сталкивались такие могучие противники, никогда еще не были так велики разрушения и людские потери. И все же эта война не решила спора Рима и Карфагена. Риму не удалось окончательно сломить своего противника. Карфаген готовился к новым боям.

ВОССТАНИЕ

Наемники собирались в Карфагене. Небольшими отрядами они прибывали из Лилибея, Дрепана и других сицилийских городов, теперь захваченных Римом. Во время войны карфагенские военачальники не скупилась на обещания, а теперь оказалось, что денег для уплаты жалования в казне нет. «Подождите, — уговаривали наемников правители города, — еще не прибыло все войско из Сицилии. А пока оно соберется, мы взыщем налоги».

¹ *Провинция* — покоренная римлянами страна, бывшая ранее самостоятельной. Провинция управлялась римскими наместниками, которые жестоко грабили население.

Наемники согласились ждать. Они вышли из Карфагена и остановились в городке Сикке. Сюда съезжались другие отряды из Сицилии.

Когда все войско было в сборе, в Сикку прибыл управитель карфагенских владений в Африке Ганнон. Ссылаясь на стесненное положение государства, он склонял воинов к отказу от части жалования.

Наемники были возмущены. Почему они должны отказаться от вознаграждения за пролитую ими кровь? Почему бы не отказаться карфагенским богачам от своих сокровищ, от золота и серебра! Пусть они продадут свои поместья и уплатят им их жалование. Наемники кричали на разных языках, на кельтском, иберийском, ливийском, лигурийском,¹ греческом. Они обнажали тело и показывали рубцы на груди, на ногах. Они выкрикивали места сражений, где были ранены за республику — Агригент, Лилибей, Тунет, Эрикс. Они срывали богатые одежды с посланцев Карфагена. Запльвшие жиром, умашенные ароматным маслом тела карфагенян говорили о сытой жизни, вдалеке от опасностей войны. А тела наемников, покрытые рубцами, это летопись войны. Испуганные, в разорванных одеждах послы республики ни с чем вернулись в Карфаген.

В тот же день к Карфагену подошли наемники — двадцать тысяч воинов. Карфагеняне шли на уступки. Они послали продовольствие и одежду, обещали уплатить все деньги сполна. Уступки карфагенян показали наемникам их силу. Теперь их возмущало, что к ним посылают для переговоров людей, которые не сражались вместе с ними в Сицилии и не знают их заслуг.

Карфагеняне послали одного из сицилийских военачальников Гескона с деньгами. Собрав начальников наемных отрядов, он стал раздавать им деньги. Но наемники не успокаивались. Их вожди, ливиец Мато и бывший римский раб Спэндий, требовали уплаты денег за лошадей, которые принадлежали наемникам

¹ Лигурийцы жили на берегу Лигурийского залива (ныне Генуэзский залив).

и погибли в сражениях. Когда Гескон отказался выплатить деньги за лошадей, наемники набросились на Гескона и прибывших вместе с ним карфагенян, связали их и отдали под стражу.

Вожди наемников — ливиец Мато и бывший раб Спендий — были выдающимися людьми. Они смело повели за собой разношерстную массу наемников и присоединившихся к ним рабов. К восставшим присоединялись жестоко угнетенные Карфагеном африканские племена. Восстание наемных солдат быстро превратилось в грозную войну рабов и угнетенных против рабовладельческого государства¹.

Карфагенские рабовладельцы готовились к решительной схватке с восставшими. В город были стянуты верные Карфагену отряды войск, вооружены граждане, оснащены уцелевшие суда. Близ Утики карфагенскому военачальнику Ганнону удалось завладеть лагерем восставших и обратить их в бегство. Успокоившись, Ганнон возвратился в Утику на отдых. А между тем восставшие быстро собрались с силами, напали на войско Ганнона и нанесли ему тяжелое поражение.

Карфагенский Совет назначил главнокомандующим для войны с наемниками и ливийцами Гамилькара Барку. Несмотря на то, что войско повстанцев насчитывало семьдесят тысяч человек, а у Гамилькара имелось лишь десять тысяч воинов и семьдесят слонов, карфагенянам удалось у речки Макары разбить часть сил повстанцев. Этот первый успех воодушевил карфагенян. На сторону Гамилькара Барки перешел нумидийский вождь Нар-Гавас с двумя тысячами всадников. Усиленное этим отрядом карфагенское войско нанесло еще одно поражение восставшим. На поле боя наемники оставили десять тысяч убитых, четыре тысячи попало в плен к карфагенянам.

Гамилькар Барка собрал всех пленных и предложил выйти вперед всем, кто желает сражаться под

¹ Учитель найдет красочное описание этих событий в замечательном романе французского писателя Флобера «Саламбо».

его началом. Вышло несколько сот человек. Гамилькар приказал дать им оружие. Остальные пленники ожидали, что сейчас их казнят.

— Я прощаю вас, — сказал Гамилькар. — Вы свободны.

Гамилькар рассчитывал, что наемники в войске Мато и Спендия, узнав, что карфагеняне отпустили пленных, разбегутся. Но этого не произошло.

Мато и Спендий созвали своих воинов на сходку и убедили их, что нельзя обольщаться милостью Гамилькара.

Увидев, что его план не удался, Гамилькар показал свое истинное лицо. Он приказал убивать захваченных в плен повстанцев или бросать их в Карфагене в клетки львам.

Большим успехом восставших был переход на их сторону крупнейших ливийских городов Утики и Гиппо-Дуаррйтус¹. Карфагенские военачальники ссорились друг с другом. В городе не хватало продовольствия.

Войско Мато и Спендия осадило Карфаген. Положение Карфагена стало настолько тяжелым, что Рим решил оказать помощь находящимся в беде рабовладельцам Карфагена. Римский сенат приказал торговцам снабжать карфагенян всем необходимым и воспретил всякие сношения с восставшими. Большую поддержку Карфагену оказал владетель Сиракуз Гиерон. В Сицилии было много рабов, и Гиерон боялся, что в случае победы восставших в Африке поднимутся на борьбу и сицилийские рабы.

Получив продовольствие из Сицилии и Италии, Карфаген с новыми силами вступил в борьбу с повстанцами. Гамилькару Барке удалось не только отеснить врагов от Карфагена, но и окружить часть сил повстанцев, которыми командовали Спендий и Автарит. Сорок тысяч наемников было растоптано слонами. Автарит, Спендий были схвачены и распяты на крестах. Не прошло и двух дней после этого, как войску Мато удалось разгромить одну из армий Кар-

¹ Гиппо-Дуаррйтус — ныне Бизерта.

фагена. Захваченный в плен карфагенский командующий был повешен на кресте, на котором был казнен Спендий.

Последнее решительное сражение произошло у города Лептина. Победа была на стороне карфагенян. Мато попал в плен. Победившие рабовладельцы предали Мато и его товарищей мучительной казни.

Три года и четыре месяца вел Карфаген войну с восставшими наемниками и ливийцами. Эта война дорого стоила республике. Воспользовавшись слабостью Карфагена, в 238 г. до н. э. римляне захватили острова Сардинию и Корсику и заставили карфагенян уплатить контрибуцию бóльшую, чем это было установлено условиями мира 241 года.

Часть вторая

ГАННИБАЛОВА КЛЯТВА

Никогда еще за всю свою многовековую историю Карфаген не переживал таких тяжелых дней. Окрестности переполнены трупами, и некому их убрать. Люди, которых не тронул меч, умирают от голода и болезней. Только одним шакалам да хищным птицам раздолье. Они пируют на незасеянных полях.

Кто как не Рим виновник всех этих страшных бедствий? Ненависть к Риму объединяла всех карфагенян — богатых купцов и нищих ремесленников, землевладельцев и крестьян, матросов и жрецов.

Но, кажется, никто в Карфагене не ненавидел римлян больше, чем Гамилькар Барка. Римляне отняли славу его побед в Сицилии. Он был вынужден сложить с себя звание главнокомандующего и частным человеком вернулся в Карфаген. Он был свидетелем страшных опустошений, которые принесли республике взбунтовавшиеся наемники. Его поместья разорены. Рабы разбежались.

Он сражался с воинами, которые когда-то служили под его водительством. Он давил их слонами, распинал на крестах, убивал как бешеных собак.

А ведь это были в прошлом неплохие воины. И где он найдет им замену? Нет, война с бунтовщиками не принесла славы Гамилькару. А позор, который он навлек на свой род, выдав дочь¹ за Нар-Гаваса! Его зятем стал нумидиец, пусть и знатный, но все же варвар. И Гамилькар должен был согласиться на брак, так как Нар-Гавас обещал ему привести две тысячи всадников. Хорошо, что у него есть другой зять — Газдрубал. Пока можно положиться только на него. Старшему сыну Ганнибалу всего лишь девять лет.

Он подошел к мальчику и посмотрел ему в глаза.

— Ганнибал, ты хочешь отправиться со мной?

— Куда, отец? — спросил мальчик.

— За море, в Иберию.

Мальчик захлопал в ладоши.

— Я поплыву на корабле, я поплыву на корабле! — радостно закричал он.

— Сейчас ты пойдешь со мной, — строго сказал отец.

В храме Ваала Аммона² стоял полумрак. Лишь около алтаря горел светильник, освещавший фигуру жреца в белом одеянии. Увидев Гамилькара, жрец почтительно отступил.

— Положи сюда руку, — Гамилькар показал мальчику на истекавшую кровью овцу.

Мальчик послушно положил руку на алтарь.

— Теперь повторяй за мной слово в слово.

— Пусть меня покарают боги...

— Пусть меня покарают боги...

— Если я когда-нибудь буду другом вероломных римлян...

— Если я когда-нибудь буду другом вероломных римлян...

— Если я им не отомщу за позор моего отца...

— За позор моего отца...

— И за унижение моей родины.

¹ Известно, что у Гамилькара была дочь, сестра великого полководца Ганнибала, но как ее звали, мы не знаем. Имя героини романа Флобера Саламбо придумано писателем.

² *Вaal Аммон* — главное божество карфагенян, Римляне отождествляли его с Юпитером,

— И за унижение моей родины.

История не сохранила точных слов клятвы, которую повторял вслед за отцом девятилетний Ганнибал. Но слова «Ганнибалова клятва» остались, как выражение необычайного постоянства в ненависти к врагу.

ПРЫЖОК В ИБЕРИЮ

Гамилькар Барка был опытным полководцем. Смелость и решительность он проявил еще в Первой Пунической войне. Благодаря ему Карфаген подавил восстание наемников и рабов.

В год, когда Карфаген с величайшими усилиями разгромил повстанцев, Гамилькар задумал удар по Риму.

Далеко на западе лежит большой полуостров Иберия. Карфагенские купцы и мореходы давно знали южные бухты и заливы Иберии и даже основали здесь на берегу несколько поселений. Однако они не пытались проникнуть дальше береговой полосы и подчинить местные племена. Эту задачу и поставил перед собой Гамилькар Барка. Захватом богатого серебром и продовольствием полуострова он намеревался возместить утрату Сицилии, Сардинии и Корсики. Из воинственного населения страны Гамилькар хотел создать могущественное войско.

Переведя свою армию в Иберию, Гамилькар приступил к осуществлению своего плана. Это было нелегко. С удивительным упорством и самоотверженностью отстаивали иберийцы свою свободу. Но военная выучка карфагенян, искусство их вождя сломили сопротивление свободолюбивых иберийцев. Юго-восточная часть полуострова была захвачена Гамилькаром.

В 229 г. до н. э. Гамилькар Барка был убит в сражении с иберийцами. Войско избрало вождем его зятя Газдрубала. В очень выгодном месте на берегу моря Газдрубал основал город, получивший название Нового Карфагена¹. Он окружил его крепкими

¹ Ныне испанский город Картахена.

стенами, построил склады и арсеналы, на высоком холме внутри города воздвиг крепость. Сюда, в Новый Карфаген в огромном количестве свозили серебро из расположенных неподалеку серебряных рудников.

Обладание Новым Карфагеном не только обеспечивало карфагенянам удобную связь с родиной, но и облегчало покорение иберийских племен.

К 226 году до н. э. карфагеняне продвинулись далеко на север, к реке Ибер (ныне Эбро).

Римляне вынуждены были считаться с могуществом новых властителей Иберии. Они заключили договор с Газдрубалом. Ибер был признан границей, отделяющей владения двух государств. В то же самое время римляне потребовали, чтобы Газдрубал не чинил обид расположенному к югу от Ибера городу Сагунту, с которым Рим находился в союзных отношениях.

В 221 году Газдрубал погиб от руки иберийца, ненавидевшего карфагенских поработителей. Захваченный стражей и подвергнутый пыткам, ибериец не только не проронил ни слова, но даже улыбался, довольный, что достиг цели.

Во главе карфагенского войска стал двадцатипятилетний Ганнибал.

ЮНОСТЬ ПОЛКОВОДЦА

С девяти лет солдатский лагерь стал домом Ганнибала. Он пробуждался от звуков военной трубы. Без усталости он мог скакать на коне, с удивительным терпением переносил зной и холод, голод и жажду. Часто его можно было видеть лежащим на голой земле под солдатским плащом. Одеждой или отделкой оружия он не отличался от простых воинов. И в конном и пешем строю он всегда был одним из первых.

Ганнибала окружали преданные советники и друзья. Среди них был Магарбал, который позднее прославился как начальник нумидийской конницы, и Магон, ставший известным под именем «Самнит». На

них можно было положиться в трудную минуту. Однако в той суровой борьбе, для которой себя готовил Ганнибал, ему не приходилось надеяться на чужую помощь.

Еще от отца Ганнибал слышал, что к восставшим наемникам были посланы для уговоров выдающиеся и уважаемые карфагеняне. Наемники не понимали финикийскую речь. Нужны были толмачи¹, и ими стали начальники наемнических отрядов. Они умышленно искажали речь карфагенян, придавали ей оскорбительный смысл. И на карфагенян падал град камней.

«Полководец должен понимать своих воинов, воины должны понимать полководца», — решил Ганнибал. И так как в карфагенском войске служили иберийцы, галлы, лигурийцы, греки, нумидийцы, Ганнибал со свойственной ему решимостью взялся за изучение галльского, иберийского, лигурийского, греческого, нумидийского языков и овладел ими так хорошо, что не только понимал речь любого из своих воинов, но и умел разговаривать с ним на его родном языке.

Греческому языку Ганнибала обучил его учитель Силен. По вечерам он часто читал ему книгу Птолемея о подвигах Александра Македонского. Вместе с греческими прилагательными и глаголами Ганнибал изучал и военное искусство греков, знакомился с действиями и приемами знаменитого полководца.

Храбрость, знание солдата и простота в обращении создали Ганнибалу любовь воинов. В двадцать пять лет он пользовался не меньшим влиянием, чем его отец в зрелые годы. Тех, кто знал Гамилькара, поражало внешнее сходство черт отца и сына. Тот же упрямый подбородок, то же повелительное выражение глаз. Воинам, состарившимся на службе, казалось, что воскрес сам Гамилькар, который когда-то, с высот Эрикса, вел их на римские легионы.

Первые шаги обнаружили в молодом Ганнибале и талант полководца, которым отличался его отец.

¹ Толмач — переводчик.

В схватках с иберийцами он показал смелость и редкую выдержку. Разорив два их города, Ганнибал на обратном пути в Новый Карфаген был достигнут объединенным войском иберийских племен численностью до ста тысяч человек.

Неравенство сил делало сражение в открытом поле очень опасным. Поэтому Ганнибал ночью переправил свою армию через реку Таг¹ и расположился в некотором расстоянии от берега.

На рассвете враги, сознавая свою силу и многочисленность, с громкими воинственными криками бросились в реку, разделявшую оба войска. Этого только и ждал Ганнибал. Во время переправы его конница сумела перебить большую часть нападавших, а те, которым удалось перейти реку, были раздавлены слонами. Внезапную опасность Ганнибал сумел превратить в замечательный успех.

Уничтожив наполовину армию иберийцев, Ганнибал возвратился и предал их поля страшному опустошению. Запылали хижины, воины убивали стариков и старух, уводили детей и женщин в рабство. Ганнибала не трогали человеческие страдания. Города, племена и народы были для него игрушками в той большой и жестокой игре, которую называют войной.

Движимый ненавистью к Риму и жаждой славы, Ганнибал не останавливался перед любыми преступлениями, лишь бы они приблизили его к цели. Так и теперь, в начале своей самостоятельной деятельности Ганнибал не остановился перед нападением на Сагунт.

ОСАДА САГУНТА

Приморский город Сагунт жил мирной, безмятежной жизнью. В окружавших город садах зрели розовые яблоки и пурпурные гранаты. Жители готовили корзины для сбора богатого урожая. В предместье с зари до заката бесшумно вращались гончарные круги. Трудолюбивые ремесленники лепили посуду из знаменитой сагунтийской глины, которая была легче

¹ Таг — ныне река Тахо.

воды; обожженная в гончарных печах посуда приобретала красноватый оттенок, ценимый повсюду, где в посуде понимают толк. Богатые сагунтийские купцы в тавернах¹ на главной площади города, как всегда подсчитывали выручку. Мальчишки играли в бабки.

Беда пришла неожиданно. Ганнибал подкрался к городу. Лишь немногим жителям окрестных поселений удалось укрыться за городской стеной. С высоких башен можно было видеть, как рассыпавшиеся по дворам в предместьях карфагенские наемники вытаскивают утварь, выгоняют скот, как палками они сбивают с деревьев еще не созревшие плоды. Слышались отчаянные вопли уводимых в рабство людей.

Горожане взялись за оружие. Ремесленники готовили катапульты и баллисты. Нашлась работа и детям. Они подтаскивали к метательным орудиям камни, разносили защитникам крепости воду в высоких сосудах-амфорах.

Ганнибалу не удалось застигнуть сагунтийцев врасплох, и он приступил к осаде города.

С помощью метательных снарядов осажденные держали карфагенян в отдалении. По ночам молодые сагунтийцы совершали вылазки к постам и караулам неприятеля, нанося ему немалый ущерб. Как-то сам Ганнибал, неосторожно приблизившийся к стене, был ранен метко брошенным дротиком.

Ганнибал.
Мраморный бюст римской работы.

¹ Таверна — здесь деревянная будка.

Ранение оказалось несерьезным. Пока вождь лечивал рану, войско успешно продолжало осаду. Везде, где позволяли условия местности, осаждающие возводили террасы и пододвигали по ним стенобитные орудия. Сагунтийцам было трудно повсюду отражать нападения карфагенян, и они выбивались из сил.

А тараны карфагенян начали свою разрушительную работу. Стены города крошились под их ударами. На одной стороне упала стена, открыв доступ к городу, на другой с грохотом обрушились три башни. Еще одно усилие — и город будет во власти Ганнибала. Но сагунтийцы проявляли чудеса храбрости. Заняв обломки городской стены, они забрасывали неприятеля стрелами и дротиками. Особое замешательство среди карфагенян производило копьё с привязанным к нему жгутом из соломы. У сагунтийцев оно называлось «фаларика». При бросании фаларики соломенный жгут поджигался. От полета пламя разгоралось еще сильнее, и если огненный снаряд попадал в щит, испуганный воин сразу же его бросал, оставляя себя без защиты.

Долго успех не склонялся ни на чью сторону. Видя, что им удастся сдержать натиск превосходящих сил, сагунтийцы ободрились. С громкими криками они кинулись на опешивших врагов, заставили их покинуть развалины стен и искать спасения в лагере.

ПОСОЛЬСТВО ВАЛЕРИЯ ФЛАККА

Римляне давно уже наблюдали за событиями в Иберии. Однако они не могли и думать о вмешательстве в помощь иберийцам. Их силы были заняты борьбою в Адриатическом море. Даже тогда, когда Ганнибал открыто напал на дружественный римлянам Сагунт, явно ища повода для войны, римляне медлили. Наконец, они решились отправить посольство к Ганнибалу под стены Сагунта. Во главе посольства стоял сенатор Валерий Флакк.

Когда Ганнибалу сообщили, что римские послы высадились на берег и желают его видеть, он отпра-

вил к ним своих людей. Те передали римлянам, что Ганнибал не может обеспечить их безопасность и советует обождать окончания осады. Взбешенный Валерий Флакк потребовал встречи с Ганнибалом. Ему ответили, что сейчас Ганнибал занят более важным делом и ему некогда разговаривать с римлянами.

Валерию Флакку ничего не оставалось делать, как сесть на корабль и направиться в Карфаген, чтобы потребовать там прекращения осады Сагунта.

Догадываясь об этом намерении римлян, Ганнибал тотчас же послал гонцов с письмами к своим друзьям в Карфаген, прося их о поддержке.

В Карфагене в то время боролись две партии. Одна из них стояла за подготовку к войне, а другая, возглавляемая старым врагом Гамилькара Барки — Ганноном — придерживалась осторожной политики, советовала уступать Риму во всем, что не наносит серьезного ущерба богатству и процветанию Карфагена. Осада Ганнибалом Сагунта вызвала усиление первой партии. Ее сторонники с восторгом встретили известие о твердом намерении молодого полководца уничтожить этот город, последнее препятствие на пути к господству Карфагена над всей Иберией.

Следовало ожидать, что появление в Карфагене римского посольства вызовет еще большие симпатии к Ганнибалу. Так это и оказалось.

Выступление римского посла Валерия Флакка, обвинявшего Ганнибала в нарушении договора между Римом и Карфагеном, было заслушано Большим Советом в недружелюбном молчании. Лишь один Ганнон поддержал римского посла.

Ганнон говорил об угрозе, которую навлек на Карфаген Ганнибал, о том, что, подобно отцу, сын простирает руки к царскому престолу. С негодованием он вспоминал об оскорбительном отказе Ганнибала принять послов римского народа, пришедших просить за своих союзников. Ганнон утверждал, что, нападая на Сагунт, Ганнибал подрывает стены Карфагена.

Советники слушали затянувшуюся речь Ганнона, словно исполняя досадную обязанность. Некоторые

обменивались насмешливыми взглядами. Многие помнили об яростных нападках Ганнона на Гамилькара, о том, что в тот день, когда в Карфаген пришло известие о смерти Гамилькара Барки, Ганнон явился в Совет в праздничной одежде. Смерть героя Эрикса и победителя восставших наемников была для него праздником. Вражда пережила и смерть Гамилькара. Она перешла в неприязнь к его сыну Ганнибалу.

А тем временем Ганнон, стоя на возвышении для оратора, бросал слова в зал. Голос стал прерываться, словно ненависть душила его. Ганнон требовал дать немедленное удовлетворение Риму, увести войско от Сагунта и выдать Ганнибала. Он требовал вознаградить сагунтийцев за понесенный ими ущерб.

Когда Ганнон окончил свою речь, по залу прокатился ропот.

Ответ был передан Валерию Флакку в тот же день. В обширном послании перечислялись все договоры о дружбе между Римом и Карфагеном. «И будет ли справедливо, если римский народ предпочтет сагунтийцев древнейшему союзу с Карфагеном?» — этими словами закончилось послание.

ПАДЕНИЕ САГУНТА

Пока Рим посылал в Карфаген послов и ждал их возвращения, пока происходили споры, нарушил ли Карфаген условия мирного договора или нет, осада Сагунта продолжалась. С жадностью и нетерпением смотрели наемники на полуразрушенные стены, за которыми их ждала богатая добыча.

В некотором отдалении от еще неразрушенного участка стены по приказанию Ганнибала войны строили гелеполу. Чтобы придвинуть ее к стене, надо соорудить ровную насыпь из дерева и земли. На это ушло две недели тяжелого и опасного труда под вражескими выстрелами. Наконец, насыпь была готова и по ней башню подкатали к самой стене. С высоты башни войны Ганнибала забрасывали осажденных дротиками из катапульт, каменными глыбами из бал-

лист. Сагунтийцы были вынуждены оставить стену. Не теряя времени, Ганнибал отправил около пятисот ливийцев с ломами и топорами, чтобы пробить брешь в стене. Брешь пробили быстро. Стена Сагунта была скреплена не цементом, а глиной. Через брешь в город ворвались карфагенские солдаты. Они захватили близлежащий холм, расположили на нем свои металлические орудия.

Пока карфагеняне подкатывали гелеполу к городской стене, сагунтийцы успели сложить внутреннюю стену.

В течение нескольких месяцев карфагеняне разрушали эту стену своими таранами и, наконец, вытеснили защитников Сагунта в акрополь.

Знатный сагунтиец Алькон без ведома своих соотечественников перешел в лагерь карфагенян в надежде договориться с Ганнибалом об условиях сдачи города. Они были немислимо тяжелыми. Ганнибал приказывал сагунтийцам оставить город и все свое имущество победителям. Им разрешалось выйти в одной лишь одежде, чтобы поселиться там, где им будет указано. Зная, что вольнолюбивые сагунтийцы отвергнут эти условия, Алькон даже не осмелился их передать осажденным. Это сделал посол Ганнибала.

Пока на народном собрании посол излагал требования Ганнибала и убеждал их выполнить, те сагунтийцы, которые еще сохранили силу тела и духа, сносили в одно место всё золото и серебро, одежды и утварь. Всё это было подожжено. И, когда костер разгорелся, люди стали бросаться в пламя. Страх и смятение распространились по городу и овладели всеми его жителями. Римляне, видя, что крепость никем не охраняется, мгновенно захватили ее.

Ганнибал отдал приказание беспощадно убивать всех совершеннолетних мужчин. Ганнибала никогда еще не видели в такой ярости. Восемь месяцев у него отняла осада этого города. А между тем для осуществления его замысла дорог каждый день.

Толпы женщин и детей потянулись из разрушенного и горящего Сагунта. Ганнибал разделил рабов между своими соратниками. Захваченное золото и серебро он оставил себе, а всю утварь, не уничтоженную огнем, немедленно отправил в Карфаген, чтобы расположить в свою пользу правительство республики.

Затем Ганнибал распустил своих воинов на отдых, а сам в Новом Карфагене с нетерпением поджидал послов, отправленных им к галлам, жившим за Пиренеями и Альпами. Как прилежный ученик, он изучал страны, через которые он должен будет пройти. Ничто не ускользало от его внимания — дороги, перевалы, одежда, обычаи местных жителей.

Ему были известны все награды римских полководцев. Закрыв глаза, он старался представить себе внешность и характер Гая Фламиния, Фабия Максима, Публия Корнелия Сципиона. Гай Фламиний, наверно, стройный худошавый человек. Голову он держит высоко. Баловень судьбы. Победитель галлов. Его именем названа дорога от Рима до Аримина. Есть от чего возгордиться! В сражение он будет рваться первым, чтобы показать свою храбрость. Фабий Максим представлялся Ганнибалу стариком с лысым черепом, носом с горбинкой, широко расставленными серыми глазами. У него седые мохнатые брови. Он говорит, растягивая слова. Нет, Фабий Максим не способен на безрассудство. А вот Публия Корнелия Сципиона, который в этом году избран консулом, Ганнибал себе не представлял. В Риме столько этих Сципионов, что их не различишь.

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

Почти в то же самое время, когда посольство Валерия Флакка возвратилось из Карфагена, Рим узнал о падении Сагунта. Война стала неизбежной. Никогда еще Риму не угрожал такой опасный враг и никогда еще не были римляне так плохо подготовлены к отпору. Римляне понимали — если Ганнибал

вступит на территорию Северной Италии, он найдет поддержку недавно покоренных римлянами галлов. Поэтому было решено с наступлением лета отправить одну армию во главе с консулом Публием Корнелием Сципионом в Иберию, чтобы не допустить Ганнибала в Италию. Другой армии во главе со вторым консулом Тиберием Семпронием Лонгом предстояло двинуться в Сицилию, чтобы оттуда морем переправиться в Ливию, под стены Карфагена.

Италия пришла в движение. В гаванях спешно строили корабли. В городах и селениях производился набор в армию. Римляне в этот год выставили шесть легионов, а их союзники — около сорока тысяч пехотинцев и пяти тысяч всадников. Народное собрание¹ приняло решение об объявлении войны карфагенскому народу. По этому поводу состоялось молебствие и принесены жертвы Марсу.

Оставалось лишь соблюсти установленные обычаи и известить карфагенян о начале войны. Для этого было отряжено чрезвычайное посольство во главе с престарелым сенатором Фабием.

В начале лета 218 г. до н. э. римские послы прибыли в Карфаген. Их допустили в Большой Совет Карфагена.

Послы были в длинных тогах. Дорожные шляпы из черного войлока подчеркивали синеву гладко выбритых щек и подбородков. Лицо старшего посла Марка Фабия выделялось резкими чертами.

¹ У римлян было несколько видов народных собраний. Наиболее важными были центуриатные собрания, происходившие по сотням (центуриям), причем сотня — это не сто человек, а округ, выставлявший сто воинов. Все население республики (только мужчины, совершеннолетние, не рабы и не вольноотпущенники, не иностранцы) делилось в зависимости от имущества на 5 классов и 193 центурии (18 центурий всадников, 80 центурий пехоты и 95 центурий остальных). Голосовали сначала 18 центурий всадников и 80 центурий пехоты, то есть самые зажиточные граждане. Если эти 98 центурий решали вопрос, остальные 95 не голосовали. Только центуриатные собрания могли объявить войну. Но сенат отпускал деньги на войну и решал вопрос — продолжать ее или заключить мир. Заключение мира было правом сената.

Сторонники обеих партий, только что кричавшие до хрипоты и обвинявшие друг друга в измене, замолкли, ожидая, что принесли послы.

Резко объявил Марк Фабий требование — или выдать Ганнибала, как главного виновника всего происшедшего, или взять на себя ответственность за нарушение договора.

Молчание, в котором был выслушан римский посол, сменилось возмущенными возгласами. Даже противников Ганнибала оскорбило это неразумное требование и тон, которым оно высказано. Только что сами они призывали проявлять уступчивость к римлянам, но ведь есть предел и в уступках. Рим будет судить карфагенского полководца! Такого унижения Карфаген еще не испытывал.

Один за другим выступали карфагенские советники. Настойчиво указывали они римлянам, что их договор с Газдрубалом для Карфагена недействителен, что сагунтийцы не должны считаться союзниками Рима. Все доводы оказались тщетными. Видно было, что послы пришли с твердым решением объявить войну.

Собрав край своей тоги и как бы скрывая в нем последнее решение Рима, Фабий воскликнул:

— Здесь приношу я вам, карфагеняне, войну и мир. Выбирайте, что хотите.

— Выбирай сам, — послышался ответ.

— Вы избрали войну, — холодно и важно произнес римский посол и распустил складки тоги.

СЛОНЫ ГАННИБАЛА

Шагают слоны Ганнибала. Корзины на их спинах покачиваются как лодки в море. Наемники стоят по обочинам дороги, пропуская вперед слонов. Лишь немногим из этих тысяч иберийцев и кельтов, сардов¹ и балеарцев довелось видеть слонов. С суеверным ужасом они взирают на животных, не похожих ни на одного зверя из гор и лесов. С восхищением они раз-

¹ *Сарды* — жители Сардинии.

глядывают их толстые, как вековые дубы, ноги, в которых ощущается невиданная мощь. И эта мощь послушна их повелителю Ганнибалу. Он, кажется, понимает не только языки всех племен земли, но, подобно волшебнику, может управлять этими сказочными животными. Стоит ему подать знак, и слоны ринутся и растопчут каждого, кто осмелится перечить карфагенянам.

Шагают слоны Ганнибала. В их тяжелой поступи непреклонность воли полководца и неотвратимость возмездия. Рим должен быть уничтожен. Рим будет раздавлен карфагенскими слонами. Десятки дней отделяют войско Ганнибала от Рима. А какие преграды его ожидают! Реки, обрывы, снежные горы, воинственные и дикие племена. Но разве меньше преград было у этих слонов на пути до Иберии?

Рим должен быть уничтожен. Такова цель похода, известная лишь самому Ганнибалу и его ближайшим помощникам. Для остальных движение на север, к Пиренеям — это только завоевание еще не захваченной карфагенянами части Испании от реки Ибер до Пиренеев.

Шагают слоны Ганнибала. Пыль поднимается из-под их ног и повисает в воздухе, покрывает лица всадников и пехотинцев, ложится на конские попоны. Пестрое, как праздничная процессия, войско втягивается все выше в горы. Осталась позади цветущая долина Ибера. Только изредка попадаются огороженные камнями клочки пашни на склонах гор. Племя летанов, занимающее эти склоны, спешит увести стада подальше от прожорливого, как саранча воинства.

Шагают слоны Ганнибала. Открылась цепь Пиренеев — рубеж Иберии. Теперь уже всем ясно, что Ганнибал задумал нечто более грандиозное, чем завоевание всей Иберии. Три тысячи иберийцев отказались покидать родную землю. Ганнибал мог окружить их и раздавить слонами. Но он не сделал этого. Ганнибал понимал, что эта мера поднимет на борьбу против Карфагена всю Иберию. Справится ли с этим новым восстанием его младший брат Газдрубал,

которого он оставил в Иберии всего лишь с двадцатью тысячами пехотинцев, всадников и моряков? Поразмыслив, Ганнибал разрешил остаться в Иберии всем, кто не хочет разделить с ним риск похода. Таких нашлось около одиннадцати тысяч человек. Он распустил их по домам. Отпуская домой всех желающих, Ганнибал избавлялся от трусливых и ненадежных воинов, которые могли впоследствии стать обузой. Ганнибал этим также показывал, насколько он уверен в победном исходе войны. Еще десять тысяч человек Ганнибал оставил в завоеванной им области между Ибером и Пиренеями. Пиренеи перешли лишь пятьдесят тысяч пехотинцев и девять тысяч всадников. Но это были верные Ганнибалу, закаленные в боях воины.

Шагают слоны Ганнибала. Пока на пути нет серьезных преград. Галлы, собравшиеся близ Русцина, пытались было помешать, но золото из сагунтийской добычи открыло дорогу Ганнибалу. Десять дневных переходов — и карфагеняне стоят на берегу Родана¹. Жители пустыни, ливийцы, привыкшие беречь каждую каплю воды, с изумлением смотрели на широкую и полноводную реку. Оставленный ими позади Ибер казался по сравнению с Роданом ручейком. Ливийцев удивляла расточительность богов этой северной страны, не умеющих беречь воду.

Остановились слоны Ганнибала. Воины сняли с их спин башни и пустили животных пастись на лугу, покрытом густой зеленой травой. Рядом с ними пасутся нумидийские кони. Только людям нет отдыха. Они сооружают по приказу Ганнибала лагерь. А сам полководец стоит на берегу Родана. С тревогой он вглядывается в противоположный берег реки, где расположились нестройные полчища галлов, готовые помешать осуществлению его плана.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ РИМА

В то время, как Ганнибал подходил к Пиренеям, Публий Корнелий Сципион находился еще в Риме.

¹ Родан — теперь Рона.

Консула задержали чрезвычайные обстоятельства. На севере Италии восстало племя бóйев. К ним присоединились инсúмбры¹, недовольные недавним разорением их страны римлянами, захватом их земель римскими поселенцами из колоний Плаценции² и Кремоны. Соединив свои силы, бойи и инсумбры напали на землю римских колонистов. Высланные для переговоров с галлами римские послы были захвачены восставшими. Более того, галлы осадили главную римскую крепость в Северной Италии — Мутину³.

Брошенный против галлов легион Лúция Мánлия попал в засаду в покрывавших тогда Северную Италию густых лесах. Бросая убитых и раненых, оставляя в руках неприятеля знамена, римляне бежали в открытое место на берег реки Падуса (теперь По).

На выручку им и был брошен один из легионов Публия Корнелия Сципиона, намечавшийся для отправки в Иберию. Вместо отосланного легиона пришлось набирать новый. В заранее назначенный день из Рима и окрестных городов и селений к Капитолию стекались военнообязанные. Это были восемнадцатилетние юноши из зажиточных семей. Неимущих, или, как их называли в Риме, «пролетариев», в армию не призывали. Будущие солдаты являлись в Рим вооруженными. Оружие они приобретали за свой счет.

Военные трибуны отделили из явившихся наиболее крепких и из отобранных взяли по жребию четыре с половиной тысячи воинов. Они и составили новый легион.

Наконец, воины были посажены на корабли. Вместе с консулом отправились его брат Гней и семнадцатилетний сын, которого также звали Публий.

Молодой Сципион впервые выходил в плавание. Его волновало зрелище огромной флотилии из шестидесяти кораблей и постоянно изменяющийся вид берега. Но вскоре он почувствовал необыкновенную слабость. Ноги подкашивались, в глазах стояли красные круги, тошнило. На еду нельзя было даже

¹ Бóйи и инсúмбры — галльские племена.

² Плаценция — ныне итальянский город Пьяченца.

³ Мúтина — ныне итальянский город Мóдена.

смотреть. Сципиона не радовало и появление высоких покрытых снегом вершин, о которых он так много слышал. Морская болезнь. Она изматывала силы, выворачивала внутренности.

Лишь на пятый день корабли отдали якоря близ греческой колонии Массилии¹.

Пока юноша, пошатываясь, как пьяный, брел по песчаному берегу, его отец беседовал с только что прибывшими послами галлов. Оказывается, Ганнибал уже перешел Пиренеи и идет к Родану. Какую цель преследует карфагенский полководец? Очевидно, он хочет захватить Массилию. Консул не мог себе даже представить, что Ганнибал со своей конницей и слонами решится перейти Альпы.

Звуки военной трубы поднимали рассыпавшихся на берегу воинов. Еще не отдохнувшие и не оправившиеся от морской болезни, они должны были строить лагерь.

ПЕРЕПРАВА

День и ночь с берега реки близ карфагенского стана доносились удары топоров. Воины сооружали лодки и плоты из доставленного окрестными жителями леса. Удалось также купить у местных рыбаков немало лодок — однодеревок. Ганнибал платил за дерево серебром и золотом из сагунтийской добычи. Он был по-царски щедр, стремясь выиграть время.

Предстояло преодолеть не только буйную силу Родана, но и ярость неприятеля, занимавшего противоположный берег реки. Поэтому Ганнибал приказал Ганнону, сыну суффета Бомилькара, взять часть войска и ночью двинуться против течения реки, чтобы в удобном месте переправиться на другой ее берег. Это место было указано проводниками галлами. Здесь река, разделявшаяся на несколько рукавов, была не так глубока. Быстро нарубив деревья, воины изготовили плоты для переправы лошадей и оружия, а сами без труда переплыли реку.

¹ *Массилия* — ныне Марсэль, греческая колония, основанная в 600 г. до н. э.

Через день Ганнибал увидел на противоположном берегу реки, левее неприятеля, столб дыма. Это был условленный сигнал: войско Ганнона находится вблизи.

Ганнибал тотчас же приказал начинать переправу. Пешие воины сели в стоявшие на привязи лодки. Всадники переправлялись на плотках, держа за уздцы пловших коней.

Видя, что карфагеняне начинают переправу, галлы выбежали на берег. Их воинственные вопли сливались с шумом воды, пенившейся под ударами весел, с криками карфагенских воинов, ободрявших с берега своих товарищей, с ржаньем лошадей.

Отряд Ганнона подходил с тыла к вражескому стану. Галлы оказались между двух огней. Их теснили спереди и сзади. Заметавшись по берегу, они отыскивали еще незанятый карфагенянами проход и разбежались по своим селам.

Теперь можно было приступить к переправе слонов. Сколотив из бревен множество паромов, карфагеняне прикрепили два из них на спуске к реке. К первым паромам карфагеняне приладили с наружной стороны другие два. К этим наружным паромам было прикреплено много канатов, концы которых перевезли на противоположный берег. Кроме того на все паромы было нанесено много земли и дерна, пока их поверхность не стала походить на тот путь, который вел по суше к месту переправы.

Затаив дыхание, карфагеняне на обоих берегах реки смотрели, как индийцы провели первых слонов по насыпи к крайним паромам. Затем скрепы, соединявшие эти паромы с другими, были сорваны, воины натянули канаты и крайние паромы вместе с находившимися на них животными вскоре оказались на середине реки.

Таким способом каждый раз прилаживалось два парома, и на них была перевезена большая часть слонов. Несколько животных в страхе кинулись посредине реки в воду. Находившиеся на их спинах индийцы погибли, но сами слоны переплыли реку и невредимыми вышли на противоположный берег.

Пока происходила переправа слонов, часть нумидийской конницы была отправлена Ганнибалом по течению Родана на разведку. Неподалеку от своего лагеря всадники столкнулись с римскими конными воинами, посланными на разведку Сциппионом. После упорной схватки нумидийцы были обращены в бегство и римские всадники приблизились к карфагенскому лагерю близ переправы. Не догадываясь, что большая часть карфагенян находится уже на противоположном берегу, римские разведчики повернули коней, чтобы известить консула о местонахождении неприятеля.

Горя желанием сразиться с врагом, Публий Сципион направился ему навстречу. Каково же было удивление консула, когда через три дня, прибыв к месту переправы, он застал брошенный лагерь.

В месте, где в Рону вливается река Изара, началась область галльского племени аллоброгов. Здесь Ганнибал узнал о разделявшей племя распре. Два брата спорили из-за царской власти и стояли друг против друга с войсками.

Старший из братьев призвал Ганнибала на помощь. Вмешательство Ганнибала решило спор в пользу старшего брата, и в благодарность за поддержку карфагеняне получили в изобилии хлеб, обувь, теплую одежду и даже оружие. Более того, признательный галльский вождь провожал армию Ганнибала часть пути, прикрывая ее своим отрядом от нападения других галльских племен.

Появление римской армии на нижней Роне вынудило Ганнибала отказаться от дороги через Альпы, которая им была намечена раньше, и искать путь значительно севернее. Этот путь и был указан Ганнибалу галльскими проводниками.

В АЛЬПАХ

Всего неделю назад в долине Роны карфагеняне оставили лето: яркую зелень прибрежных лугов, ветер ласково играющий листьями дубов, кленов и дикорастущих яблонь. А здесь в лицо повеяло холо-

дом вечной зимы. Покрытые снегом и льдом вершины сливались с тяжелыми облаками и от этого казались еще выше. Исковерканные, изогнутые скалы напоминали сказочных чудовищ, окаменевших по чьей-то злой и непреклонной воле.

«Если есть на свете грозные духи, они должны обитать здесь», — думали суеверные воины, хватаясь за свои амулеты¹ — зубы дельфина, пучки полыни и валерианы.

По уступам скал раскинулись хижины. Их обитатели торопились увести малорослых, словно сдавленных немыслимой тяжестью гор, лошадей.

Воины рассыпались по селению. Но люди гор были также голы, как сами горы. В хижинах, сложенных из камней или неотесанных бревен, не было ничего кроме перепревшей соломы, от которой отворачивались даже голодные слоны.

Кое-кому в подвалах под хижинами удалось отыскать несколько кругов тяжелого, как камень, сыра. Вот и все, чем удалось поживиться в этом забытом богами уголке.

Днем войско достигло подножия высокого холма. Ганнибал посмотрел вверх. Над тропинкой нависли огромные камни. Каждого из них было достаточно, чтобы раздавить сто воинов, а из-за камней выглядывали страшные, обросшие волосами лица горцев. Находясь в безопасности, они могли преградить путь целой армии.

Ганнибал послал во вражеский стан лазутчиков. Это были галлы из Иберии, понимавшие речь горцев. Они узнали, что горцы на ночь покидают проход и занимают его только на рассвете. Ночью Ганнибал приказал разложить побольше огней, чтобы обмануть

¹ *Амулеты* — предметы, считавшиеся у суеверных людей отвратителями несчастья, беды, болезни, пожара, смерти и т. д. Амулеты в виде глаза, львиной головы, кабаньего клыка, узла, кулака и т. п. носили на шее, прибавали к воротам, к мачте корабля. Разновидностью амулета является крестик, который верующие христиане носят на шее. Амулет иначе называется талисманом. В древности амулеты были чрезвычайно распространены, их были сотни видов и форм.

врагов, а сам, отобрав лучших воинов, поспешил занять склоны, оставленные вечером горцами. Путь был свободен. Утром на виду у неприятеля карфагенское войско двинулось к главным поселениям этой горной страны.

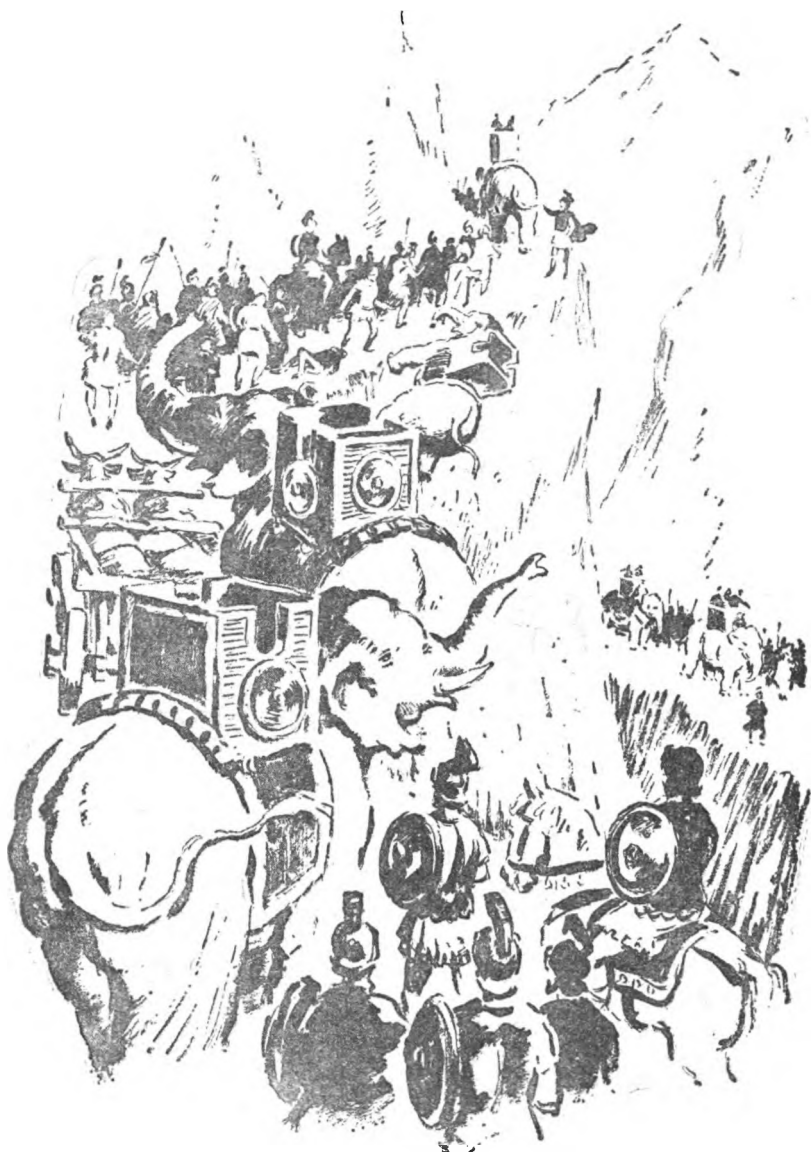
Долина Изары становилась шире. Жители, пасшие свои стада, казались более приветливыми. С зелеными ветвями они выходили навстречу пришельцам, добровольно предлагая съестные припасы; проводников и даже заложников. Но стоило карфагенянам снова зайти в теснину, как сверху на них полетели камни, стрелы. Лишь на девятый день пути Ганнибал достиг перевала. Здесь он разбил лагерь, поджидая отставших людей и животных.

Снявшись со стоянки, карфагеняне начали спуск. Крутая дорога местами была еще покрыта твердым снегом, остатком последних обвалов. Снег проламывался под тяжестью вьючных животных. Дорога петляла по голым обледеневшим склонам — ни кустиков, ни корней. Поскользнешься — лети в пропасть.

Войско таяло. Путь в Италию был отмечен законченными трупами людей и животных. Над ними кружились альпийские орлы, и ветер пел свою вечную песню.

Ганнибал находился впереди с проводником и двумя телохранителями. Достигнув вершины, он дал знак воинам, чтобы они быстрее шли к нему. Отсюда открывался вид на страну, перерезанную реками, расцвеченную зеленью лугов, на море, сверкающее под солнцем, как медный щит. Внизу, под ногами была Италия.

Дорога стала такой крутой, что едва ли один пеший воин мог бы спуститься по ней. Кони ступали неуверенно и трясли головами. Всадники остановились. Левее спуск не был таким крутым, но тропу завалила упавшая сверху огромная каменная глыба. Пришлось разбить лагерь на вершине горы — в снегу, под ледяным ветром. После короткого отдыха Ганнибал приказал воинам срубить росшие вокруг сосны и свалить их на глыбу. Деревья были подожжены. Ветер раздул гигантский костер, и когда камень

Ганнибал в Альпах.

накалился, вонны стали лить в щели воду. Послышался треск раскальвавшегося камня. Карфагеняне сбрасывали в пропасть отколовшиеся куски и снова разжигали костер. Четыре дня ушло только на то, чтобы очистить путь от глыбы. А слоны и кони в это время околевали от голода.

Наконец, кручи Альп остались позади. Войско спустилось в долину. Начали попадаться хорошие пастбища. Проголодавшиеся животные жадно шипали траву. Люди получили отдых. Местные жители их встречали как друзей, приносили мясо и сыр, с торжеством провожали от селения к селению.

Переход армии через Альпы длился 15 дней. Карфагеняне потеряли почти половину войска, но цель, поставленная Ганнибалом, была выполнена. Как снежная лавина обрушилось его войско на зеленые долины Италии. Если бы Ганнибал не одержал больше ни единой победы, он все равно вошел бы в историю как великий полководец лишь из-за перехода через Альпы.

Впервые в позднее время года армия, состоявшая из неподготовленных к горной войне воинов, проложила дорогу через снежные горы.

Ученым неизвестно, через какой перевал прошел Ганнибал. В 1959 г. один английский археолог попытался на опыте установить перевал, которым 2150 лет назад прошла армия великого полководца древности. Было решено использовать слона, взятого в цирке. Слону надели суконные галоши, чтобы он не изранил ноги, и огромное животное повели в Альпы. Однако слон не пожелал идти вверх, а туннели приводили его в неистовство. Опыт провалился. Да он и не мог удасться — дрессированный слон наших дней и боевой слон древности совсем не одно и то же.

До сих пор не установлено, какие слоны были у Карфагена, индийские ли — они легко приручаются — или африканские — они приручаются с большим трудом. Возможно, в древности умели хорошо дрессировать африканских слонов, но этот секрет позднее забыли.

ТИЦИН

Узнав о намерении Ганнибала вторгнуться в Италию через Альпы, Публий Сципион решил вернуться с частью своего войска. Другую часть армии во главе со своим братом Гнеем он отправил в Иберию, которую считал главной базой врага. В пути от Массилии до подножия Альп римлянам не угрожали ни пропасти, ни нападения горцев. Поэтому Публий Сципион рассчитывал опередить Ганнибала, если тот вообще уцелеет в горах, уже покрытых снегом.

Оба полководца — римский и карфагенский — подошли к притоку Падуса — Тицину (ныне Тичино) почти одновременно. Римляне навели на Тицине мост и на берегу воздвигли предмостные укрепления. Пока римляне были заняты этими работами, Ганнибал разослал гонцов к окрестным галльским племенам, призывая их к восстанию.

Лагери противника были отделены значительным пространством.

Ганнибал и Сципион выехали на разведку. Пурпурный плащ римлянина развевался за его плечами, меч колотил по левому бедру¹. Офицеры следовали за вождями. Далее двигались ряды конницы.

Сначала оба отряда не видели друг друга. Густая пыль на время скрыла движение конницы. Когда пыль рассеялась, Публий Сципион увидел вражескую конницу. У римлян, кроме всадников, были легковооруженные пехотинцы. В страхе стали они искать спасения за строем римской конницы, внося замешательство в ее ряды.

Карфагеняне на скаку бросили дротики. Многие раненые римляне упали с коней, а другие сами соскочили, чтобы оказать им помощь.

Вдруг падает консул, пораженный копьем. Римские всадники сжались в круг, защищая Сципиона

¹ В армиях древности воин в левой руке держал щит, поэтому меч в ножах носился у правого бедра, иначе щит мешал бы, когда требовалось обнажить меч. Как известно, у офицеров нашей армии шашка, наоборот, носится слева. Офицеры в древних армиях щита не имели и носили меч слева.

своими телами. Все редуют ряды римлян, и уже совсем рядом слышится воинственный клич нумидийских всадников. Они обошли римлян и показались в тылу у них.

В это время к консулу подскочил юноша, принял раненого на своего коня и помчался с ним в римский лагерь. Спасителем консула был, согласно преданию, его сын Публий Корнелий Сципион (младший), впоследствии прозванный «Африканским» за победу над Ганнибалом¹.

Так произошла первая схватка римлян с Ганнибалом. В ней участвовала с обеих сторон лишь конница. Это был первый урок, показавший, что Рим встретил выдающегося противника. Сципиону стало ясно, что несмотря на усталость и понесенные во время перехода через Альпы потери, карфагенская конница превосходит римскую. И это заставило его отказаться от плана дать Ганнибалу решительное сражение. Римский командующий решил выждать, пока придет из Сицилии армия консула Тиберия Семпрония Лонга.

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

В следующую ночь Публий Сципион приказал войскам тихо собрать оружие и вещи, и, сняв лагерь, поспешил от берегов Тицина к Падусу. Мост из плотов, наведенный на реке, был еще цел. Перебравшись на другой берег, консул уничтожил мост.

Утром Ганнибал увидел покинутый римлянами лагерь и приказал двигаться к переправе. Дорога шла лесом. Несмотря на зимнюю пору, то там, то здесь можно было видеть домашних свиней. Эти животные были мало похожи на тех свиней, которых карфагенянам приходилось наблюдать в Сицилии или в Иберии. Вместо грязновато-белой щетины галльские свиньи были покрыты густой, черной щетиной, похожей на шерсть. Худые и подвижные, эти свиньи напоминали собак.

¹ По другому преданию, сообщенному римским историком Титом Ливием, консула спас раб-лигурец.

Галл-проводник объяснил, что здесь свиней кормят под рожок пастуха. Услышав его мелодию, свиньи стремительно бегут к своим закускам, где их ждет корм.

Ганнибал подошел к берегу могучей реки. Долго он стоял в раздумьи. Конечно, можно переправить слонов вброд, конницу вплавь. Пехота может воспользоваться наполненными воздухом мехами. Но кто знает, каких потерь будет стоить переправа? Люди и животные ослабели во время похода в горах. Надо беречь их силы. Главные схватки впереди.

Из раздумья Ганнибала вывел приход галльских послов. Узнав о первой победе пришельцев над ненавистными римлянами, галлы предлагали Карфагену дружбу и помощь, обещали снабдить войско необходимыми припасами.

Ласково принимая послов, Ганнибал говорил, что явился в их страну, чтобы освободить ее от римлян. Цель его похода — Рим, но река преграждает путь войску. Ему нужны лодки.

Публий Сципион стоял лагерем под Плаценцией. Воины отдыхали и набирались сил. Рана залечивалась, и консул надеялся, что сумеет в скором времени держать в руках меч. Больше всего радовала Сципиона полученная им весть, что его товарищ по консульству Тиберий Семпроний Лонг спешит на помощь. Пока Ганнибал переправится через Паддус, Семпроний будет здесь.

Однако вскоре консулу донесли, что Ганнибал с войсками находится уже по эту сторону реки. Это казалось чудом. Римляне говорили, что Ганнибал, поднявшись к верховьям реки, перешел ее вброд, поставив слонов в ряд, чтобы ослабить напор течения. Другие уверяли, что карфагеняне навели мост из присланных галлами лодок. Как бы то ни было, Ганнибал за два дня сделал то, что другой полководец сумел бы выполнить лишь за неделю. Консул, лишний раз убедившись, что противник, несмотря на свою молодость, превосходит его опытом и талантом, приказал усилить внешние караулы.

Нападение совершилось оттуда, откуда консул не ожидал. На рассвете лагерь огласился криками. Нельзя было понять, что происходит. На улицах лагеря было пусто, а крики слышались из самих палаток. Наконец, стало ясно, что находившиеся в римском лагере галлы проникли в ближайшие палатки и напали на спящих римлян. Пока консул собирал силы, галлы уже успели покинуть лагерь, перебив караульных. Преследование было бессмысленным. Лагерь Ганнибала находился всего лишь в пятидесяти ста́диях¹ от римского. Это событие показало, что галлы ненадежны. Консул решил в следующую ночь покинуть лагерь и идти на соединение с Семпронием Лонгом.

А тем временем Ганнибал принимал перебежчиков. Они подходили по одному и складывали перед ним окровавленные головы римлян. Ганнибал приветливо улыбался и обещал галлам щедрые дары. Он не воспользовался случаем увеличить свое войско людьми, которые должны были сражаться не на жизнь, а на смерть, опасаясь римского плена. Ганнибал распустил перебежчиков по домам. Он понимал, что явившись к своим, перебежчики будут лучшими ходатаями в его пользу.

ВСТРЕЧА КОНСУЛОВ

Ночью Публий Сципион двинулся к реке Требии. На ближайших высотах можно было не опасаться нападения вражеской конницы, а пехота римлянам не страшна. Окружив лагерь рвом и валом, Сципион решил дожидаться прибытия войска второго консула.

Сорок дней шло войско Тиберия Семпрония Лонга от Лилибея на юге Сицилии через Южную Италию, Рим, а далее по Фламниевой дороге к Аримину — на побережье Адриатического моря. Еще шесть дней понадобилось, чтобы пройти от Аримина до Требии. И вот, наконец, консулы встретились.

¹ Ста́дий — древняя мера длины, около 150 метров.

Недовольный, хмуро слушал Семпроний рассказ Сципиона. Он и раньше знал его, как человека осторожного, но теперь, ему казалось, эта осторожность гибельна. И откуда у консула такое преувеличенное мнение о таланте Ганнибала? Ведь Требия не более как сражение конницы. Этого не отрицает и Сципион. Почему же он тогда советует ждать лета и использовать оставшееся время для военных упражнений? Если галлы увидят, что римляне медлят, они тотчас же перейдут на сторону Ганнибала. «А нет ли у Сципиона задней мысли? — думал подозрительный Семпроний. — Он не может из-за раны участвовать в сражении и не хочет, чтобы лавры победителя достались мне».

Ближайшие дни укрепили намерение Семпрония дать Ганнибалу сражение. Действовавшая по ту сторону Требии римская конница напала на неприятелей, в то время, когда они возвращались из деревень галлов с припасами. Неожиданное нападение привело врагов в смятение. Большинство их было перебито. Лишь немногим удалось добежать до карфагенского лагеря, откуда навстречу римлянам уже мчалась нумидийская конница. Но всадники Ганнибала уклонились от боя и унеслись в свой лагерь. Тиберий Семпроний считал себя победителем. Откуда ему было знать, что Ганнибал дал приказ нумидийским всадникам вести себя так, будто они боятся вступать в бой с римлянами.

Ганнибал знал, что Тиберий Семпроний Лонг рвется в бой. Поэтому карфагенский вождь заранее наметил место сражения. Опытным глазом полководца он оценил выгоды равнины, разделявшей противников. Поле пересекалось ручьем с высоким берегом, густо поросшим терном. Ганнибалу было известно, что римляне опасаются лесистых местностей, в которых галлы обычно устраивают засады. Этот же ручей даже не заставит их насторожиться. А между тем под его высоким берегом, в кустах, можно скрыть не только пеших, но и конных воинов. Надо лишь им приказать положить блестящее оружие на землю и спрятать шлемы за кустами. Ганнибал призвал к себе своего младшего брата Магона. Поручив ему ото-

брать из числа нумидийцев две тысячи лучших пеших и конных бойцов, вождь приказал ему ночью стать в засаде.

ТРЕБИЯ

Римский легионер не красноречив. Спроси его, где он сражался, за что получил бронзовую фалэру¹ или шейную цепь, где был ранен — он промычит в ответ что-то невразумительное. Но попроси рассказать, чем его кормили, какая еда ему по душе — и ты его не узнаешь.

И откуда у него тогда появятся и дар слова и воображение! Он вам так опишет гусиную печенку в молоке с медом, или маринованные маслины или хрустящую корочку жареной свинины, что вы проглотите собственный язык. И не удивительно!

Что приносит воину каждый новый день? Брань центуриона, розги, раны, смерть. Одна лишь еда скрашивает суровую, полную изнурительного труда и опасностей солдатскую жизнь.

И в это холодное утро, когда воины Тиберия Семпрония, зябко поеживаясь, выходили из палаток, они думали о завтраке. Чем их сегодня накормит повар Муммий, порази его Юпитер. С тех пор, как они прибыли в эту суровую и дикую страну из солнечной Сицилии, воины знали одну лишь бобовую похлебку. Сколько было шуток по ее поводу. «Муммий хочет нас заживо похоронить!» — смеялись легионеры. Ведь в дни поминания умерших предков на их могилы приносят бобы.

Из приоткрытого медного котла шел вкусный запах. Нет, сегодня не бобовая похлебка, а что-то более привлекательное. Солдаты доставали свои миски и садились у котла. Муммий суетился и весело подмигивал.

Тревожно прогудела труба. «Строиться!» — кричали центурионы.

¹ *Фалэра* — знак воинской награды в римской армии — бронзовый, серебряный или золотой кружок, носившийся на груди.

Пуны совсем обнаглели. Их всадники появились у вала. Они метают дротики чуть ли не в палатку самого консула. Может ли Тиберий Семпроний упустить этот момент? Ганнибал вызывает его на битву. Правда, время слишком раннее и воины не успели позавтракать. Ну что ж, они будут обедать с большим аппетитом!

Консул дал знак к выступлению. Конница, а за нею пехота покидали лагерь. Пуны отступали к Требии.

Ночью в горах шел дождь. Река вздулась. Пехотинцам вода доходила до пояса. Когда весь легион совершил переправу, было уже около полудня. Сквозь густые облака пробивалось солнце. Но оно было бесцельно согреть воинов. Кровь их застыла не только от холода, но и от сосущего голода. Муммий! Где твоя бобовая похлебка? Сейчас она казалась желанной, как родной дом. Но Муммий со своим медным котлом остался на том берегу этой мерзкой речушки.

В это же время из карфагенского лагеря Ганнибал выводил своих воинов. Они успели подкрепить себя пищей и питьем, накормить своих лошадей и даже смазать у костров грудь и руки касторовым маслом¹.

Пуны строились в одну прямую линию. Конница стояла на флангах. Впереди всадников были боевые слоны. В центре находились балеарские пращники, за ними ливийцы, иберийцы, галлы. Своими свинцовыми шарами балеарцы так дружно встретили римских стрелков, что те скрылись за рядами тяжелой пехоты.

Римской пехоте, защищенной шлемами и щитами, балеарцы не могли причинить большого ущерба, поэтому Ганнибал направил пращников против римской конницы. Неожиданная атака произвела удивительный результат. Осыпаемые градом свинцовых шаров и камней, всадники смешались и обратились в бегство.

Несмотря на холод и истощение, римские пехотинцы в центре выдержали натиск карфагенских

¹ Касторовое масло было дешево, и его применяли для умащивания тела небогатые люди и солдаты,

слонов. Пропустив их вперед, римляне засыпали четвероногих гигантов тучей дротиков и копий. Испуганные слоны повернули назад, и если бы не искусство их вожаков, они раздавили бы карфагенских воинов.

Судьбу сражения решила карфагенская конница. Она опрокинула римскую, погнала ее назад к реке и в то же время охватила с двух сторон римскую пехоту, храбро сражающуюся в центре. Наконец, вышел из засады Магон со своими всадниками и ударил в тыл римлянам.

В римском войске исчез всякий строй и порядок. Лишь десять тысяч легионеров во главе с Семпронием пробились через вражеские полки на Плаценцию.

ПОСЛЕДНИЙ СЛОН

Зиму карфагенское войско пробыло в Северной Италии. Это было трудное для Ганнибала время. Привыкшие к знойному климату своей страны, карфагеняне и ливийцы страдали от холода. Видя, что их страна сделалась полем боя, галлы стали враждебно относиться к карфагенянам. Стало известно, что их старейшины собираются убить Ганнибала. Карфагенскому вождю пришлось принять меры предосторожности. Он постоянно менял одежду, наряжаясь то нумидийцем, то балеарцем. На голове у него были то рыжие, то светлые поддельные волосы. В довершение всего в схватке под Плаценцией с передовыми отрядами римлян Ганнибал был легко ранен.

Решив еще до наступления весны покинуть Галлию, Ганнибал повел свое войско в Этрурию, намереваясь склонить этрусков к восстанию. При переходе через Апеннины карфагенское войско было застигнуто небывалой в этих местах бурей. Дождь со снегом бил воинам в лицо, бешеные порывы ветра не позволяли перевести дыхание.

Ганнибал приказал разбить палатки. Ветер срывал их. Вскоре пошел град. Как свинцовые шары пращников градины били по головам коченеющих от холода людей. Наконец, удалось развести костры, кое-как согреться. Когда буря стихла, пришлось воз-

вернуться к оставленному лагерю близ Плаценции. Глядя на спускающихся с гор карфагенян, можно было подумать, что они только что выдержали сражение: люди шатались от усталости. Одежда и оружие были в беспорядке. Из восьми слонов, оставшихся после сражения при Требии, в горах пало семь.

В начале весны Ганнибал со всем войском снова двинулся на юг. Он узнал, что в Риме избраны новые консулы. Одним из них был Гай Фламиний, который, набрав новые легионы, спешно шел на соединение с войсками, зимовавшими в Северной Италии. Ганнибалу было важно не допустить этого соединения. Поэтому он, покинув большую дорогу, ведущую на Аримин, избрал кратчайший прямой путь через местность, наполненную водой весенних разливов. Впереди шли с обозами иберийцы и ливийцы. С ними вместе был Ганнибал, сидевший на единственном оставшемся слоне. Напряжение зимних месяцев дало себя знать. От страшной боли голова, казалось, была готова расколоться. Липкий пот покрывал лицо и тело. Ганнибал бредил.

Вслед за иберийцами и ливийцами шли галлы. Дорога была истоптанной и вязкой. Многие проваливались в ямы. Галлы охотно отказались бы от будущей добычи и пустились бы домой, но сзади галлов двигалась карфагенская конница — горе тому, кто вздумает бежать.

На пятый день войско, наконец, выбралось из болот. Но в каком виде! Худые, в отрепьях, покрытых засохшей грязью, люди напоминали выходцев из царства теней. Сам полководец ехал на коне. В болоте погиб последний слон. Во время похода через болота Ганнибал лишился глаза.

Черная повязка придавала лицу Ганнибала мрачное выражение, но в глубине души полководец ликовал. Он добился цели, обошел армию Фламиния, не дал соединиться двум консульским армиям.

Пламя пожаров обозначало движение карфагенского войска по Этрурии. Население, бросая имущество, бежало в римский лагерь.

ТРАЗИМЕНСКОЕ ОЗЕРО

Утро было пасмурным. Огромная чаша озера дымилась, словно ее поставили на огонь. Густой серый туман медленно полз в горы, скрывая их очертания, заполняя долины и впадины, рассеиваясь на вершинах, едва освещенных хмурым солнцем. Ничто не нарушало тишины. Лишь изредка на низменных, покрытых камышом берегах были слышны крики чаек.

Но вот послышались еще какие-то звуки. Это был звон оружия, фыркание мулов, ржанье лошадей, топот ног, отрывистые команды центурионов, крики погонщиков. Римское войско вышло на единственную дорогу, которая вела к Риму мимо Кортонь и огибала Тразименское озеро.

Римляне торопились.

Фламиний был охвачен яростью. На его глазах карфагеняне опустошали Этрурию и осмеливались угрожать Риму. У Фламиния была сильная и свежая армия. Он был настолько уверен в победе, что приказал собрать побольше цепей и колодок для будущих рабов. Он их проведет по Риму. Пусть увидят все, что он, Фламиний, а не Сципион спас Рим от вражеского нашествия.

Не успели передовые отряды римлян обогнуть озеро, как тихая до сих пор местность огласилась нестройным гулом. Ганнибал дал знак к сражению. Его конница обошла высоты, окаймлявшие в виде полумесяца долину, и заняла вход и выход из ущелья. В бой вступила пехота. Град камней, тучи копий посыпались на римлян. Враги напирали. Туман мешал разглядеть, сколько их. Теснота и паника не позволяли развернуться в боевой строй. Застигнутые врасплох, римляне кинулись вправо и влево, но навстречу бежали их же солдаты, которых гнала карфагенская конница. (См. схему на стр. 85.)

Многие бросились в озеро. Они шли по дну, пока было мелко. Поверх воды виднелись головы, плечи, руки с бесполезным оружием. В ужасе люди пускались вплавь. Оружие и доспехи тянули ко дну. Другие искали спасения на неприступных кручах, скользили и

падали. Крики наполнили местность. Воины просили друг друга покончить с ними, молили о пощаде и погибали под ударами.

Кое-где завязывался бой. Несколько десятков легионеров окружило консула. Гай Фламиний сбросил свой позолоченный шлем, надев вместо него шлем рядового воина. Но Фламиния узнал один из тех инсумбров, поля которых он опустошал в 223 г. до н. э. Галл бросился к консулу. Оруженосец, защитивший Фламиния телом, сбит конем. Удар меча — и консул погиб.

Солнце нагрело воздух. Туман рассеялся. Ливийцы со смехом сбрасывали колодки и цепи с повозок, нагружая их валявшимися повсюду римскими мечами, щитами и копьями. Только одному римскому отряду в шесть тысяч человек удалось пробить себе дорогу через ряды врага. К вечеру римляне достигли какой-то возвышенности и здесь, истощенные, голодные провели всю ночь. Утром они увидели конницу, посланную им вдогонку Ганнибалом, и сложили оружие.

Пленных римлян Ганнибал повелел заковать в цепи, а римских союзников отпустил. Он объявил, что пришел сражаться не с ними, а с римлянами.

ФАБИЙ МАКСИМ

Рим замер от ужаса, узнав о новом страшном поражении. Сенат заседал несколько дней подряд с восхода до заката. По городу ползли темные слухи. Толпы горожан — женщин и мужчин — блуждали по улицам, теснились у городских ворот, ожидали своих близких или известий о них. Слышались глухие удары. Солдаты спешно разбирали мост через Тибр.

Сенат признал, что государству грозит опасность и надлежит избрать диктатора.

В Римской республике в случае крайней опасности государству вся полнота власти передавалась диктатору. Его назначал один из консулов. Диктатору подчинялись все военные и гражданские власти, консулы слагали свои полномочия. Срок диктатуры был шесть месяцев, после чего диктатор слагал власть

и вновь избирались два консула. Диктатор назначал себе помощника — начальника конницы, также на шесть месяцев.

В 217 г. до н. э. в столице не было консулов... Поэтому, в виде исключения, диктатора избрало народное собрание.

Диктатором стал Фабий Максим, человек уже пожилой, отличавшийся хладнокровием и сильной волей.

Фабий Максим созвал сенат. Он заявил, что Гай Фламиний, погибший в битве, относился с пренебрежением к римским богам, что и вызвало их гнев. Диктатор представил дело так, будто жертвы, принесенные в начале войны богу войны Марсу, были принесены не так, как следует, и их нужно повторить с большей щедростью. Сенат принял решение, чтобы каждый римский гражданин дал клятву принести в жертву богам весь молодняк скота, если римское государство выйдет невредимым из войны.

Клятва была принесена, и диктатор выступил из Рима, чтобы принять командование над войском консула Сервилия, которое было пополнено двумя наскоро набранными легионами.

Несмотря на принесенные богу Марсу жертвы и обещания новых еще более обильных, Фабий Максим, выставлявший напоказ свое благочестие и религиозность, мало надеялся на помощь богов. Он понимал, что во всяком деле надо полагаться только на себя. А свои полководческие дарования он отнюдь не переоценивал, так же как и боевые качества своих новобранцев. В то время как Фламиний вышел из Рима, стремясь как можно скорее дать Ганнибалу бой, Фабий Максим покидал Рим с единственным желанием, как можно дольше избежать решительного сражения с врагом. Это не было трусостью. Фабий Максим стремился измотать и обессилить врага. Он знал, что преимущество римлян — в неистощимости их запасов и численном перевесе их войск.

Фабий Максим, прозванный «медлителем», был одним из немногих римских полководцев, которого можно считать победителем Карфагена, хотя он и не выиграл ни одного крупного сражения.

У БЕРЕГОВ АДРИАТИКИ

Пока римляне приносили жертвы богам и Фабий Максим собирал войска, карфагеняне быстро двигались от берегов Тразименского озера к верховьям Тибра. Перейдя реку, Ганнибал вышел на Фламиниеву дорогу. Отсюда до Рима было три дневных перехода.

Почему Ганнибал не пошел на Рим? Для этого у карфагенян не было сил. Римляне могли рисковать своей армией. Они находились дома. В случае поражения они могли укрыться за стенами городов, пополнить свои войска и набрать новые. Ганнибал же был в чужой стране. Одно крупное поражение — и проиграна вся война.

Люди утомились. Износились одежда и обувь. Хромали кони. Войско нуждалось в длительном отдыхе. И оно, наконец, получило этот желанный и заслуженный отдых у берегов Адриатического моря. Больные и ослабевшие воины лежали на прибрежном песке, блаженно вытянув стершиеся в кровь ноги. Вина в захваченных погребах было так много, что им не только утоляли жажду, в вине купали заболевших лошадей.

Ночью от берега отчалили два корабля. Ганнибал воспользовался случаем, чтобы сообщить в Карфаген и своему брату Газдрубалу в Иберию, что он находится с войском на берегу Адриатического моря в Апулии и ждет помощи для окончательного разгрома противника.

Ганнибал занялся перевооружением своей армии. В битвах при Требии и Тразимене он убедился в превосходстве римского вооружения. Римский меч был короче карфагенского. Его клинок был из прочного металла. Им удобнее поражать врага в ближнем бою, меч имел заостренный конец. Римский щит был немного громоздок, но зато он закрывал почти все тело. Щит был сколочен из двух досок, снаружи обтянутых сначала холстом, а затем кожей. По краям, сверху и снизу, щит был обит железными полосами, защищавшими его от ударов меча. В центре щита

имелась еще выпуклость (*умбон*), предохранявшая от сильных ударов.

Славилось римское метательное копьё — *пилум*. Оно имело длинный и тонкий наконечник. Впиваясь в щит, этот наконечник гнулся, и копьё можно было вытащить лишь с большим трудом. А так как во время боя это нельзя было сделать, противнику приходилось бросать щит, подставляя себя под удары. Хороши были и римские панцири из металлических полос. Этого оружия на берегу Тразименского озера было собрано столько, что хватило бы не на одну армию. Однако Ганнибал дал римское оружие лишь наиболее опытным и наиболее преданным ему воинам — ливийцам.

Ганнибал надеялся, что ему удастся дать новую битву римлянам на полях Апулии. Апулия, богатая табунами коней, давала ему возможность укрепить свою конницу, особенно пострадавшую во время перехода через болота. Ровная местность позволяла наилучшим образом использовать преимущества конницы.

Легионы диктатора стояли в предгорьях Апеннин. Что только не делал Ганнибал, чтобы вызвать их на бой! Он переносил лагерь, на виду у римлян опустошал селения и города, внезапно исчезал, устраивая засаду в ущельях. Офицеры полагали, что теперь настал момент решительного сражения, но Фабий Максим был верен принятому ранее плану и приказал войску оставаться на месте.

Теперь уже сам Ганнибал терял равновесие. Не раз в беседе со своими приближенными он смеялся над хвалеными римским духом и воинской доблестью. Но больше всего его беспокоило то, что ни один из народов юга Италии, ни один греческий город не поддерживали его.

Никто не видел в нем друга и освободителя. А ведь только с помощью населения Италии он мог победить Рим. Ни из Карфагена, ни из Иберии не было никакой помощи. Большой Совет Карфагена прислал Ганнибалу лишь поздравления, а Газдрубал сам нуждался в помощи для борьбы с легионами Гнея Сципиона.

Ганнибал решил двинуться в другие области Италии. Может быть, ему удастся там найти союзников, которые откроют ему ворота. Или, видя опустошение областей и городов юга, римляне, наконец, откажутся от этой игры в кошки-мышки и решатся на сражение.

В САМНИИ И КАМПАНИИ

Перевалив через Апеннины, карфагеняне вступили в Самний, плодородную область, еще не тронутую войной. Здесь было такое обилие продовольствия, что Ганнибал мог обеспечить свое войско на долгое время. В самом центре Самния расположен город Беневент¹. Он попал в руки римлян во время войны с Пирром. Захват этого города, стоящего на пересечении четырех дорог, дал бы Ганнибалу власть над всем Самнием. Но Беневент был сильно укреплен, и Ганнибал не хотел терять время на осаду. Ограничившись набегом на прилегающие к Беневенту поля, карфагеняне двинулись на северо-восток долиной реки Вольтурна, а затем круто повернули на юг и горным путем вышли в Кампанию.

Кампания была плодороднейшей частью страны. Римляне называли ее Счастливой Кампанией. «У богов было чудесное настроение, когда они создавали этот край», — сказал один римский писатель. И, действительно, природа ничем не обделила Кампанию. Плодородная земля приносила три урожая в год. Кампания славилась своим Фалернским вином, нежными грушами, ароматными яблоками, терпкой айвой, сочными гранатами и маслинами, получившими название «царских».

По берегам залива, окаймленного широкой песчаной полосой, словно драгоценные камни в золотой оправе сверкали города. Их было двадцать семь. Среди них выделялись Кумы, основанные греческими колонистами из Эвбен за пятьсот лет до похода Ганнибала.

¹ Близ города Беневента в 275 г. до н. э. Рим одержал решительную победу над Пирром. С этого времени город, называвшийся ранее Малевент (дурной воздух) был переименован в Беневент (хороший воздух).

Кумы были почти ровесником Карфагена. Приморские города Кампании славились не только своей красотой. Сюда притягиваемые богатством заходили корабли чуть ли не из всех концов земли. Эти города были хорошо знакомы и карфагенским купцам и этрусским пиратам, разгромленным греческими колонистами в 474 г. до н. э. в морском сражении близ Кум, и племенам гористого Самния и Лация, не раз вторгавшимся в Кампанию.

В центре равнины, называемой Флегрейскими полями, лежал главный город Кампании Капуя. По богатству Капуя могла соперничать с Карфагеном и древнейшим городом Греции Коринфом. Недаром римляне полагали, что для своей безопасности они должны уничтожить Карфаген, Коринф и Капую.

Капуя считалась сестрой Рима. Недаром на ее монетах изображена волчица с младенцами Ромулом и Ремом, легендарными основателями Рима. Но большинство капуанцев не питало к римлянам братских чувств. Могли ли забыть капуанцы, что римляне отняли у города плодороднейшую Фалернскую область и разделили ее между своими колонистами. Только страх заставлял капуанцев терпеть римское иго. И как поведут себя капуанцы теперь, когда можно воспользоваться помощью Ганнибала?

Эта мысль больше всего тревожила Фабия Максима. Он и теперь придерживался ранее выработанного плана. Однако он торопливо двигался в Кампанию, делая вид, что разделяет воинственный пыл своего войска. Главной задачей Фабия Максима было показать капуанцам и другим союзным городам, что в случае отпадения от Рима они не останутся безнаказанными. И эта задача была выполнена. Капуя, управляемая сочувствовавшими Риму аристократами, в этот год не открыла Ганнибалу свои ворота. А осадить Капую, имея в тылу римское войско, Ганнибал не мог.

Поход в Кампанию оказался бесцельным. Это была первая неудача Ганнибала. Раздосадованный ею карфагенский полководец приказал опустошить не защищенные стенами поселения Кампании. Часть

продовольствия была собрана и погружена на захваченные повозки. Впереди зима, и надо было иметь запасы.

Той же дорогой, которой карфагеняне пришли в Кампанию, они покидали ее. Это стало известно Фабию Максиму, и он решил устроить в узком горном проходе засаду, отрядив для этого около четырех тысяч воинов. Основные свои силы Фабий Максим расположил в укрепленном лагере близ выхода из теснины.

Ганнибал сразу же понял замысел своего противника и тотчас принял решение.

ОГНИ НА ВЫСОТАХ

Ночь обещала быть спокойной. Уже сменилась вторая стража¹. В карфагенском стане тихо. Видно, Ганнибал раздумал покинуть Кампанию. Наверно, она пришлась ему по душе. Где он найдет лучше место для зимнего отдыха? Но что это такое? Во мраке загорелись огни. Их становится все больше и больше. Нет, это не костры. Огни двигаются. Море огней. Оно залило всю равнину и скоро достигнет высот, господствующих над тесниной, где стояли в засаде четыре тысячи легионеров. Возглавляющему их военному трибуну казалось очевидным, что карфагенское войско выступило с факелами, что пуны хотят захватить высоты, чтобы обойти отряд с тылу. Нет, он этого не допустит! Разделив солдат на две группы, военный трибун скомандовал им идти на сближение с врагом.

Стараясь быть незамеченными, римляне карабкались вверх. Ноги скользили. Воины падали, цепляясь за ветви каких-то колючих растений и обдирали руки. Здесь склоны были круче, чем там, где поднимались карфагеняне. Но вот враг уже близок. Римляне занесли копья и остановились в недоумении. Навстречу

¹ Римляне делили ночь на четыре стражи по три часа каждая. Вторая стража — от 9 часов до полуночи.

им бежали обезумевшие от страха быки с привязанными к рогам пучками горящего хвороста. Они мотали головами, пытаясь сбросить эти движущиеся с ними костры. Откуда-то сзади доносились гортанные выкрики погонщиков, шелканье бичей, воинственные возгласы воинов. Быки идут не сами. Их гонят вверх пуны. Но как сразиться с ними, если врагов отделяют быки? Быки идут прямо на римлян. Они обдают их своим жарким дыханием, задевают влажными боками. Это мирные быки, привыкшие тянуть плуг и тащить огромные повозки с сеном или дровами. Коварным пунам было мало того, что они заставили сняться землепашцев со своих насиженных мест, заставили их сменить плуг на меч, они взялись и за верных друзей землепашца — быков. С их помощью они хотят добиться победы. Опасаясь новой хитрости, римляне бросились бежать и наткнулись на легкую конницу карфагенян: От полного истребления их спасла лишь темнота.

Огни на высотах были видны и Фабию Максиму, но он с присущей ему осторожностью приказал своим воинам оставаться на местах. Когда рассвело, римляне увидели карфагенское войско, непрерывную вереницу нагруженных телег, запряженных лошадьми и мулами. Карфагеняне уже прошли через теснину, оставленную римским отрядом. Римляне были обмануты Ганнибалом, еще с вечера приказавшим собрать две тысячи рабочих быков и погнать их в горы с привязанными к рогам факелами.

Задержать карфагенян уже нельзя. Но может быть можно ударить им в тыл! Это попытался сделать Фабий Максим. Но и здесь он потерпел неудачу. Ганнибал оставил в качестве заслона иберийских наемников. Выросшие в горах, они обладали ловкостью и навыками войны в горных условиях. Положив на месте около тысячи римлян, иберийцы без труда соединились со своими.

Ганнибал продолжал марш на северо-восток. Он не встретил врагов, но не нашел и союзников. Итальянские города по-прежнему закрывали перед ним ворота.

КАННЫ

Пробив себе дорогу в открытые равнины Апулии, Ганнибал начал готовиться к зиме. Рассыпавшись по полям, карфагеняне убирали хлеб и свозили его в свои лагеря. Ганнибал надеялся на отпадение италикот от Рима. Он ждал помощи из Карфагена. Фабий Максим тоже ожидал, когда истощатся силы карфагенской армии.

Проходили недели и месяцы. Терпение Фабия Максима было неистощимо, но начало иссякать терпение римских крестьян, поля которых разоряли отряды Ганнибала. В Риме и Италии с каждым днем росло недовольство действиями римского диктатора. Он не оправдал ожиданий. Его обвиняли в медлительности, чуть ли не в трусости. Вспомнили прозвище его детских лет — «овечка». Кое-кто открыто говорил: «Разве может овечка совладать с карфагенским львом?»

Закончился шестимесячный срок диктаторской должности. Вместо Фабия Максима в конце 217 г. были избраны два консула — осторожный Луций Эмилий Павел и запальчивый Гай Теренций Варрон. Первый из них считал действия Фабия Максима правильными, полагал, что нужно воздерживаться от решительного сражения с Ганнибалом, второй был сторонником решительных военных действий.

Варрон перед огромной толпой народа заявил, что Фабий и его друзья умышленно пропустили Ганнибала в Италию. Варрон обещал положить конец войне в день, когда увидит врага.

Римляне сочувствовали Варрону. Жрецы сообщали о благоприятных знаменьях. Боги обещали победу. В Италии набирались новые легионы и отряды союзников. Рим выставлял все свои силы. О них должно было, как об каменную скалу, разбиться даже признанное искусство Ганнибала.

Весной 216 года стало известно, что Ганнибал, находившийся в северной Апулии, внезапно двинулся на юг. Молниеносным ударом Ганнибал захватил небольшой город Канны на быстрой речке Ауфиде.

Здесь карфагенянам достались огромные запасы продовольствия. Римский сенат опасался, что этот новый успех Ганнибала толкнет на сторону карфагенян колеблющихся римских союзников. Из Рима выступила в Апулию новая армия под начальством обоих консулов на соединение с действующей. Всего у римлян было восемь легионов. Вместе с союзническими отрядами римское войско насчитывало свыше 80 тысяч человек.

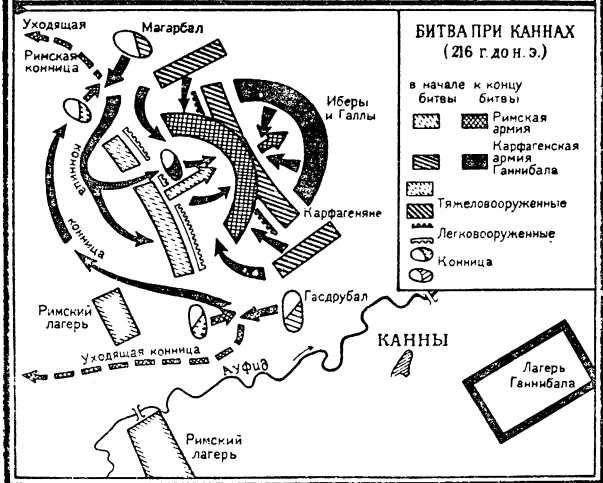
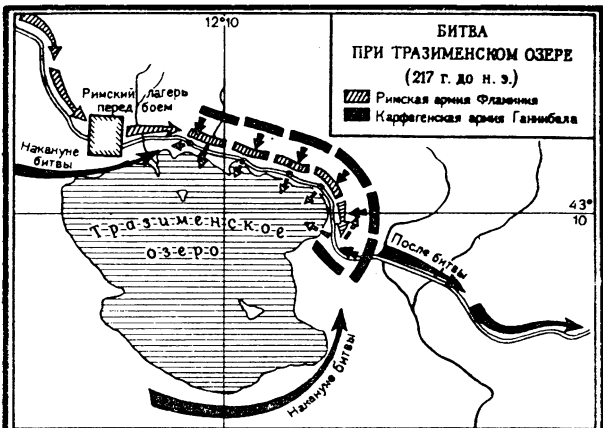
Зная, что у Ганнибала не более пятидесяти тысяч воинов, Терренций Варрон настойчиво стремился к решительному сражению. Эм依ий Павел напротив предлагал не торопиться с битвой. Его беспокоила открытая равнина перед карфагенским лагерем, удобная для действий конницы Ганнибала, насчитывавшей 14 тысяч всадников.

В один из дней Варрон, сменивший Павла в очередном командовании войском¹, дал приказ к выступлению. Римская армия была построена широким фронтом. Центр боевого строя заняла римская и союзническая пехота, построенная в 70 рядов. Справа, прикрываясь берегом реки, стала римская конница, слева — конница римских союзников.

Солнце уже поднялось высоко, когда карфагенская армия перешла Ауфид и приняла боевой порядок. На левом крыле Ганнибал поставил галло-иберийскую конницу, справа к ней пристроились колонны ливийцев в пестрых туниках. Они были вооружены римским оружием. В центре расположились галлы с длинными и тяжелыми мечами. Рядом с ними иберийцы с круглыми щитами, в белых отороченных красной каймой туниках. Галлы и иберийцы считались худшей частью карфагенской пехоты. На правом крыле также стояли ливийцы. Правее их — нумидийская конница.

Впереди войска, как обычно, расположились легковооруженные отряды. Они должны завязать сражение.

¹ Консулы командовали армией поочередно, через день.

Сначала карфагенская армия была построена в прямую линию, затем ее центр выдвинулся вперед, сделался тоньше, и линия приобрела форму полумесяца, он был выпуклой стороной обращен в сторону римлян.

Но недолго карфагенский строй сохранял эту форму. Римляне всей массой армии ударили по центру войска Ганнибала. Некоторое время ряды иберов и галлов, которыми командовал сам Ганнибал, стойко выдерживали натиск противника. Затем они подались и стали медленно отступать, втягивая за собой своих преследователей. В пылу преследования римская тяжеловооруженная пехота втянулась в середину карфагенской армии. Оба крыла, где находились ливийцы, остались на месте, лишь развернувшись в сторону наступающих римлян. Карфагенский строй сохранял форму дуги, но теперь эта дуга была обращена в сторону карфагенян выпуклой стороной и рога полумесяца грозно охватывали врага.

Ганнибал ждал этого момента. Он дал знак. Нуидийские всадники вихрем бросились на римскую конницу, оттеснили ее, а затем, развернув коней, ударили в тыл римской пехоты. Слева и справа, как чудовищные змеи, давят на римлян два крыла карфагенской армии. Римское войско окружено. Впрочем, теперь это уже не войско, а беспорядочные толпы объятых ужасом людей. Они уже не слышат команды. Они устремляются туда, где, как им кажется, можно уйти от неминуемой смерти, но повсюду наталкиваются на вражеские копья и мечи.

В этой страшной битве пало по меньшей мере сорок тысяч римлян, цвет римского гражданства — консул Эмилий Павел, проконсулы, квесторы, двадцать один военный трибун, восемьдесят сенаторов. Многие попали в плен. Лишь четырнадцати тысячам римлян, в том числе и виновнику поражения Теренцию Варрону, удалось спастись бегством. Ганнибал потерял всего 6 тысяч убитыми.

Сохранилось известие, что сейчас же после победы начальник конницы карфагенян Магарбал советовал Ганнибалу немедленно идти на Рим. «На пятый день ты

будешь пировать на Капитолии», — говорил Магарбал. Но Ганнибал понимал, что силы римлян не истощены, а Северная и Средняя Италия сохраняли верность Риму. Вождь не решился идти на Рим.

В КАПУЕ

Огромный город встречал победителя римлян. Тысячи жителей вышли на улицы, чтобы лицезреть человека, овеянного славой величайшего полководца. Богатые капуанские купцы разостлали по всей улице от городских ворот до дома братьев Ниниев, где должен был остановиться Ганнибал, дорогие ковры. Под ноги коней летели цветы; приветственные выкрики сливались в гул, напоминавший рокотание волн. Два года после вступления Ганнибала в Италию капуанцы сохраняли верность Риму. Только теперь, после Канн, рассеялся страх перед римским оружием и римской мезтью. Честолюбивые помыслы получили новую богатую пишу. Чем Капуя хуже Рима? Разве она не может с помощью Ганнибала стать первым городом Италии?!

Братья Нинии удостоились невиданной славы. В их доме остановился Ганнибал. Здесь он пировал со своими приближенными и новыми друзьями, здесь он принимал послов.

Послы приносили отличные вести. Племена Бруттия предлагали Ганнибалу союз. В Сицилии против Рима готовились выступить Сиракузы. В Капую прибыл Ксенофан, посол македонского царя Филиппа. Он имел полномочия заключить союз между Карфагеном и Македонией. Союзный договор был подписан. Македоняне клялись своими богами — Зевсом, Герой, Аресом, Тритоном, Посейдоном, карфагеняне — Мелькартом, Эшмуном¹ в том, что они не сложат оружия, пока не добьются победы над Римом.

Прибыли послы из Карфагена. На заседании Большого Совета младший брат Ганнибала Магон высыпал сотни колец, снятых у знатных римлян, погибших в Каннской битве.

¹ Эшмун — у карфагенян бог-врачеватель.

Правительство Карфагена обещало помощь. Прибывали послы из Тарента, Неаполя, Нолы и многих других городов. Не было лишь римских послов. Рим не признавал себя побежденным.

Страшное поражение при Каннах не парализовало воли римлян. Выпустив узников из тюрем и призвав юношей, еще не достигших 17 лет, римляне образовали из них два легиона. Еще два легиона составили рабы, которым обещали свободу. Снова у Рима было четырнадцать легионов.

Теперь римляне поняли правильность плана Фабия Максима, избегавшего решительного сражения с Ганнибалом. Они решили использовать свои силы для нападения на Ганнибала и его союзников всюду, где это было возможно. Это была война на истощение, в которой на стороне римлян были неисчерпанные людские силы Италии, утомление союзников Ганнибала, их недовольство затянувшейся войной. Греческие рабовладельцы с благодарностью вспоминали о твердом порядке, который установил в завоеванной Италии Рим, о порядке, обеспечивающем власть над рабами, безопасность торговли и мореплавания. Они были на стороне Рима.

Зиму 216—215 гг. Ганнибал провел в Капуе. Отсюда летом 215 года до н. э. он совершал нападения на приморские города Кампании — Неаполь и Нолу. Ему нужно было овладеть одним из этих портовых городов, чтобы иметь морскую связь с Карфагеном и Иберией. Но греческое население Неаполя и Нолы, поддержанное римлянами, оказало такое сильное сопротивление, что он вынужден был отступить. Еще одну зиму пришлось провести в Капуе. Следующее лето у Ганнибала отняла осада ничтожного городка Казилина. Жители его сдались лишь после того, как в городе были съедены все мыши и крысы, вся трава и корни, росшие у городских стен. На осаду Казилина ушло время, истощались силы воинов. «А сколько в Италии таких городов, как Казилин?» — думали карфагеняне, понимая всю бессмысленность дальнейшего пребывания в Италии.

Но Ганнибал, мечтавший о победе над Римом или хотя бы о почетном мире с ним, не мог отступить. Он требовал у Карфагена подкреплений, денег и боевых слонов, остро нужны деньги и боевые слоны. После долгих сборов ему были, наконец, присланы четыре тысячи нумидийских всадников, сорок слонов и тысяча талантов серебра. Этого было мало для большой войны.

АРХИМЕД

Ганнибал, Фабий Максим, Сципион... Сколько написано о них книг! Сколько страниц посвящено описанию их подвигов, изложению их военных планов! Сколько восторгов по поводу их необыкновенной храбрости!

А между тем, что оставили эти люди потомству? Чем они обогатили человечество? Развалинами городов, обломками статуй, воспоминаниями о кровавой резне и преступлениях!

Иная слава Архимеда. Он не переправлялся через бурные реки, не проходил обледенелыми тропами в горах, он не осаждал вражеских крепостей, не продавал детей и женщин в рабство. Его не подымали солдаты на щит, родина не награждала лавровыми и золотыми венками. Через сто лет после смерти Архимеда жители его родного города Сиракуз забыли даже, где находится его могила. И все же слава Архимеда пережила карфагенских и римских полководцев.

Вы видите башенный кран, поднимающий огромную бетонную плиту и кладущий ее в фундамент строящегося дома? Железный трос проходит через колесо. Это блок, усовершенствованный Архимедом.

Вы, наверно, были в планетарии и видели, как на белом потолке и стенах воспроизводится движение небесных светил? А знаете ли вы, что первый планетарий, приводившийся в движение водой, был создан Архимедом? Две тысячи двести лет назад созданная Архимедом модель небесной сферы объясняла движение солнца, луны и звезд, природу солнечных и лунных затмений.

Столетиями жители Египта, страны, где почти не бывает дождей, пользовались для поливки полей механизмом, известным под именем «улитки». Достаточно было вращать рукоятку, и из деревянной трубы лилась вода, дающая земле жизнь. «Улитка» с успехом применялась и при откачке воды из шахты. «Эта машина была так гениально построена, — говорит один древний писатель, — что при помощи ее можно было выкачивать огромные массы воды: без труда можно было целую реку извлечь из глубины земли на ее поверхность». Эту машину также усовершенствовал Архимед, она называется архимедовым винтом.

В то время, когда умы многих выдающихся людей были направлены на то, чтобы завоевывать чужие страны, покорять другие народы и обращать свободных людей в рабов, мысль Архимеда упорно искала пути для покорения природы, для облегчения жизни человека на земле. «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир», — говорил Архимед. Какая уверенность в могуществе науки, в силе человеческого ума звучит в этих словах!

В мире бушевала война. На зеленых полях Италии гибли десятки тысяч людей. В море тонули боевые корабли. Страх охватил сиракузян. Как всегда в тяжелые времена, обостренное воображение приписывало таким естественным явлениям, как грому, молнии, подземным толчкам пророческую силу. Многие богатые люди уезжали в другие страны, чтобы быть подальше от войны. А Архимед продолжал жить в своем мире цифр и формул, словно, все, что происходило вокруг, не имело к нему никакого отношения. Жители города часто видели его идущим по улицам с учениками. Бывало, он разговаривал с самим собой или, сев на корточки, чертил на мостовой какие-то знаки и фигуры, не обращая внимания на крики торговцев, остановивших свои повозки, или ругань знатного сиракузянина, которого несли на носилках рабы.

Однажды прохожие остановились в изумлении, увидев на главной улице Архимеда — голого со следами золы, заменявшей в древности мыло. Архимед

бежал с несвойственной его возрасту быстротой и радостно кричал: «Нашел, нашел!» Что мог найти этот человек в городской бане? Что могло его заставить позабыть свою одежду и правила приличия? Многие потом смеялись, узнав, что Архимед отыскивал в бане не клад и не способ разбогатеть, а решение сложной задачи.

Как гласит предание, владетель Сиракуз заказал ювелиру диадему (корону) из золота, а когда великолепное изделие было готово, заподозрил мастера в том, что тот утаил часть золота и заменил его серебром или медью. Владетель призвал Архимеда и повелел ему установить, действительно ли мастер украл золото, и сколько именно, но узнать это, не расплавляя драгоценную диадему. Долго размышлял мудрец над задачей. Однажды, сидя в ванне, он понял, что при погружении тела в воду, оно становится легче и теряет в весе столько, сколько весит вытесненная вода. Решение пришло мгновенно. Позабыв одеться, ученый побежал по улице с радостным криком «Нашел!»

Архимед взвесил кусок золота в воздухе и в воде. Он узнал, таким образом, на сколько легче должна быть корона в воде, если мастер ничего не украл. А затем он взвесил корону в воздухе и в воде и без труда установил, сколько золота утаил бессовестный ювелир. Открытый Архимедом закон природы, по которому тело, погруженное в жидкость, теряет в весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость, называется законом Архимеда.

В городе происходила ожесточенная борьба между римской и карфагенской партиями. Богач Аполлоний требовал, чтобы Сиракузы поддерживали Рим. Только римляне, по его мнению, могли навести на острове твердый порядок и обеспечить покорность городской бедноты и готовых восстать рабов. Противники Аполлония призывали к войне.

Сиракузы вступили в войну на стороне Карфагена. И это сразу же навлекло на граждан страшные бедствия. Римский флот под командованием Марцелла и сухопутное войско под начальством Аппия Клавдия

двинулись к Сиракузам и осадили их. Римляне надеялись быстро покончить с городом.

И в этот момент, когда Сиракузам угрожала смертельная опасность, Архимед стал на защиту родного города. В эти дни Архимеда можно было видеть в мастерских, на городских стенах, на заседании военного совета. Он был окружен кузнецами, плотниками, моряками. Под его руководством сооружались невиданные машины.

В гавань вошли римские корабли. Лет шестьдесят назад, когда Сиракузы обладали сильным флотом, ни один враг не осмелился бы на этот дерзкий шаг. А теперь римляне с палуб смотрели на богатый город, предвкушая добычу и радуясь своей безопасности. И вдруг на палубу первого корабля упали тяжелые свинцовые шары. Послышались стоны раненых, треск ломавшихся досок. Вражеские стены еще так далеко, что римляне невольно обратили свои взоры к небу. Не посылают ли оскорбленные боги этой страны свинцовый град? И только тогда, когда под ударами новых свинцовых шаров сломалась как соломинка и упала в море мачта, римляне поняли, что опасность исходит из города. Враг обладает какими-то удивительными военными машинами, превосходящими мощностью и дальностью римские. Зная, что ближе к врагу находится безопасное «мертвое поле», римляне налегли на весла, чтобы проскочить опасное место. Но тут вступили в действие другие машины, осыпавшие палубы тучей стрел.

С трудом развернув корабли, римляне бежали из гавани. После этой неудачи консулы решили атаковать город с суши. Ночью к городской стене, были подвезены тараны. Осажденным не удалось помешать римлянам занять выгодную позицию у городской стены. От ударов камней, от струй кипятка или расплавленного свинца легионеры были защищены козырьками и навесом.

Утром, когда римляне стали раскачивать таран, над стеной показалось что-то черное, напоминающее огромный клюв. Не успели римляне опомниться, как из клюва выпал огромный камень, пробивший щит

римского тарана и вдавивший его в землю. Но ведь у римлян была не одна машина. У осажденных же, как видно, лишь один клюв Стимфалийской птицы, так называли римляне изобретенную Архимедом военную машину. О Стимфалийских птицах с медными крыльями, когтями и клювами говорилось в преданиях о подвигах Геракла, перебившего этих легендарных птиц. Хотя римский полководец Аппий Клавдий и не считал себя равным Гераклу, все же он полагал, что легко одолеет эту единственную Стимфалийскую птицу, тем более, что она может лишь плеваться камнями, но не умеет летать. Однако римляне убедились, что неведомая военная машина больше напоминает чудовищную птицу, чем это им казалось раньше. Ее клюв разворачивался на большом протяжении. И так как осаждающим не были видны блоки и канаты, находящиеся за стеной, им казалось, что клюв, начиненный тяжелым камнем, поворачивается как у настоящей птицы.

Страх обуял римлян. В каком бы месте они не приближались к городским стенам, их ожидала гибель. Скоро стоило им увидеть кусок каната или бревна, высывающийся из-за стены, они обращались в бегство.

ГАННИБАЛ У ВОРОТ!

— Ганнибал у ворот! Ганнибал у ворот! — с ужасом кричали римляне, заполнившие площади и улицы города. Как в дни самых страшных бедствий, женщины вытирали своими волосами ступени храмов, камни алтарей.

Ганнибал у ворот!

Уже восемь лет это имя витало над Италией. Сколько раз после страшных поражений своих легионов римляне повторяли его, бессильно сжимая кулаки! Сколько слез и стонов оно принесло в Рим! Даже за сотни миль Ганнибал внушал римлянам ужас.

А теперь, страшно подумать, Ганнибал у ворот!

Ганнибал смотрел на великий город. Рим был его целью, когда он принял командование войском.

В диких, занесенных снегом ущельях Альп он мечтал о взятии Рима. Казалось, каждая победа приближала его к Риму. У берегов Тразименского озера была разгромлена армия Фламиния. Римляне с ужасом ожидали, что Ганнибал двинется на их город. Но он не сделал этого. Войны были слишком утомлены. После разгрома римской армии при Каннах римляне с минуты на минуту ожидали появления Ганнибала. Но и тогда он не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы двинуться на Рим.

Что же заставило Ганнибала подойти к стенам Рима в 211 г. до н. э. Может быть, он одержал победу, затмившую Канны? Нет. Не силой, а слабостью Ганнибала был вызван его поход на Рим.

Во время одного из походов Ганнибала по Италии римские отряды, пользуясь его отсутствием, осадили главную союзницу карфагенян Капую.

Тогда на выручку явился Ганнибал. Он заставил римлян снять осаду, но не мог долго оставаться в городе, не имевшем запасов продовольствия, и отступил. Вокруг Капуи вновь сжалось кольцо римской осады. Вновь подошел Ганнибал. Он пытался вызвать римлян на открытое сражение. Римляне оставались в своем лагере, преграждавшем путь в город. Осаждать римский лагерь карфагеняне не могли. Римляне предусмотрительно уничтожили все запасы продовольствия и корма для лошадей в окрестностях Капуи. Тогда Ганнибал и решил совершить поход на Рим, надеясь, что осаждающая Капую римская армия двинется на помощь столице. Приказав оставить горящие сторожевые огни, быстрым маршем Ганнибал двинулся на Рим.

Ганнибал смотрел на Рим. Город оказался совсем иным, чем он прежде вставал в его воображении. Одноэтажные и двухэтажные домики, тонушие в зелени садов, узкие и кривые улицы. Ни одного храма, который мог бы сравниться по величию и красоте с храмами Танит¹ или Ваала-Аммона. И этот

¹ *Танит* — главная богиня, почитавшаяся карфагенянами и ливийцами. Танит считалась матерью всех богов и владычицей Карфагена,

город тшится затмить Карфаген! Ему вспомнилась греческая басня о лягушке, которая хотела стать больше быка, надулась и лопнула. Ганнибал засмеялся.

Послышался топот.

— Повелитель, — крикнул гонец, остановив коня, — римляне не снимают осаду Капуи.

Отпустив гонца, Ганнибал снова глядел на Рим. Теперь уже в нем было не любопытство, а раздражение и ненависть. Другой город на месте Рима давно бы сложил оружие, запросил бы мира. А Рим продолжает борьбу, прячась за стенами, за рвами и частоколами, нападая исподтишка. Разве Канны не показали римлянам, что они не могут победить!

Ганнибал чувствовал бессилие перед навязанным ему римлянами способом ведения войны. Он, Ганнибал, привык сражаться в открытом поле, а его заставляют ждать. Время сейчас самый страшный его враг. Время отнимает у него союзников, истощает его воинов.

Через два дня армия Ганнибала, опустошив окрестности Рима, разрушив загородные дома, двинулась на юг. Римлянам уход Ганнибала казался чудом. Они вышли из городских ворот и двинулись ко второму милевому камню на Аппиевой дороге, где стоял Ганнибал. Эти места были объявлены священными. Здесь среди надгробных памятников, окруженных темной зеленью кипарисов, воздвигли алтари богествам-охранителям города.

Неудачный поход Ганнибала на Рим открыл римлянам ворота Капуи. Страшной была месть Рима.

Всех жителей города вывели на городскую площадь. На их глазах одного за другим секли розгами и казнили капуанских сенаторов, считавшихся виновными в отпадении Капуи от Рима. Римляне хотели напугать капуанцев, сломить их дух.

Окончилась казнь. Консул приказал легионерам вывести всех горожан за стены Капуи и продать их в рабство. В это время из толпы вышел пожилой капуанец.

— Прикажи казнить и меня, — обратился он к консулу, — ты сможешь потом хвастаться, что убил человека, который храбрее тебя.

— Ты сошел с ума, — воскликнул консул, — я бы мог убить тебя за твою дерзость, но римский сенат даровал тебе, как и всем другим, стоящим здесь, жизнь.

— Зачем мне жизнь, — грустно сказал капуанец, — если родина моя в руках врагов, родные и друзья погибли, своей рукой убил я жену и детей, чтобы они не испытали рабства. Если ты мне отказываешь в смерти, я найду ее сам.

Выхватив из-за тоги спрятанный кинжал, человек пронзил себе грудь и упал к ногам консула.

История сохранила имя этого мужественного человека. Звали его Таврerea Вибеллий.

МЕЧ И ЦИРКУЛЬ

Месть римлян ожидала Сиракузы. Карфаген делал все, чтобы помочь своему союзнику.

В начале 213 г. до н. э. на южном побережье Сицилии высадилась сильная карфагенская армия во главе с Гимильконом. Сиракузянам удалось прорвать кольцо римской осады и соединиться с Гимильконом. Жители Сицилии — сикулы — стали массами переходить на сторону карфагенян.

Однако снять осаду Сиракуз не удалось. Армия консула Марцелла по-прежнему стояла у городских стен.

Однажды в римский лагерь из города прибыл перебежчик. Он сообщил, что сиракузяне готовятся к трехдневному празднику в честь богини Артемиды, выкатывают из подземелий глиняные бочки с вином, украшают лодки. Храм Артемиды находился на островке Ортигия, в сиракузской гавани.

Ночью Марцелл подвел часть своего войска к городской стене. Тихо пододвинуты лестницы. Первые воины незаметно забрались на стену и побежали по ней к близлежащей башне. Справиться с пьяной стражей было делом нескольких мгновений. Открыты

ворота. Римляне хлынули в Сиракузы. Город спал. Чтобы внести замешательство, Марцелл приказал трубить во все рога и трубы. Сиракузяне заметались по улицам. К утру римляне захватили целый район города. Дальнейшему их продвижению препятствовала стена, защищавшая центральную часть города.

О нападении римлян узнал Гимилькон. Он двинул свою армию к Сиракузам и окружил воинов Марцелла. Осаждающие превратились в осажденных.

Вспыхнула эпидемия чумы. Больше всего от нее пострадало греко-карфагенское войско, находившееся за городской стеной, в низине. Чума унесла Гимилькона. Лишенная руководства армия разбежалась.

Теперь ничто не мешало Марцеллу завершить осаду Сиракуз. Подкупленный римлянами начальник наемников, охранявших одни из городских ворот, ночью впустил римлян в город. Сопrotивление ослабевших от голода сиракузян было быстро подавлено. Летом 211 года Сиракузы пали.

В древности существовал жестокий обычай. После взятия города полководец мог отдать его на разграбление. Это означало, что воинам дозволялось разрушать и грабить.

Даже в бесчинство озверевшей солдатни римляне внесли определенный порядок. Если у других народов в разграблении города участвовало все войско, то у римлян грабила и убивала лишь половина армии, а другая в то время стояла на страже. При захвате следующего города солдаты менялись местами.

Гай Постумий, воин шестого манипула принципов, считал себя неудачником. Каждый раз, когда его манипулу приходил черед грабить, попадались уже разоренные города. При разграблении богатой Капуи ему пришлось стоять на страже. Лишь в Сицилии счастье улыбнулось Постумию. Он попал в чисто тех, кому были отданы на разграбление Сиракузы. Еще до того, как прозвучала военная труба, Постумий наметил себе белый дом с красной черепичной крышей. Дом был выше соседних зданий и, наверное, принадлежал какому-нибудь богатому сиракузскому купцу.

— Это мой дом, — сказал Постумий центуриону, — я его оставляю за собой.

Как только прозвучала труба, Постумий бросился к «своему» дому. Над входной дверью висел какой-то странный предмет — круг со стрелками.

Ворвавшись в прихожую, Постумий по-хозяйски огляделся. Неужели чутье его обмануло? На полу нет ковра. Голые стены. Не похоже, что хозяин богат. Постумий нетерпеливо сорвал занавес, закрывавший вход в другую комнату.

На низком сиденьи сидел худой старик с изможденным лицом. Он склонился над листом папируса, лежавшим на полу.

Появление римлянина не осталось незамеченным, но тем не менее старец не проявлял ни страха, ни беспокойства. Постумий занес меч, но и это не произвело никакого впечатления.

Ярость охватила Постумия. Он досадовал на самого себя. Зачем он выбрал этот проклятый дом?

— Золота! — бросил он, подходя ближе.

— Друг, — воскликнул старик, преграждая Постумию путь своим циркулем, — не повреди моего чертежа!

Меч Постумия не дал промаха. Циркуль выпал из рук Архимеда.

СОН СЦИПИОНА

Следующий 210 год до н. э. принес римлянам новый успех. На этот раз победа была одержана в Иберии, где римским войском командовал Публий Корнелий Сципион, сын консула 218 года.

Еще в Риме Сципион узнал, что в Иберии находятся три карфагенских армии, что карфагенские военачальники ссорятся и ни один из них не находится к Новому Карфагену ближе, чем на десять дней пути. У Сципиона возник смелый план захвата Нового Карфагена.

Прибыв на полуостров и перезимовав в лагере близ Пиренеев, Сципион с наступлением весны двинулся на Новый Карфаген. В римском войске было

25 тысяч пехотинцев и 2 тысячи всадников. Кроме того у римлян был флот.

С возвышенности был виден весь Новый Карфаген, расположенный на узком полуострове в обширном заливе. Утреннее солнце золотило высокие стены и башни. Над плоскими крышами возвышался холм с дворцом Газдрубала, утравший в зелени садов, ближе к морю — еще один холм с храмом.

— Посмотрите на этот город, — говорил Сципион, — сюда свозят пуны все серебро из рудников Иберии. Здесь хранятся несметные богатства, и все они будут принадлежать римскому народу и вам, победителям. В городе сейчас нет вражеской армии. Только тысячу воинов оставил здесь Газдрубал. На вашей стороне сила и помощь богов. Этой ночью мне снился сон — сам бог морей Нептун протягивал мне золотые короны с зубцами, чтобы я наградил ими храбрецов, одолевших стены города.

Воины слушали полководца, затаив дыхание. Они были суеверны. Они верили вещим снам.

Бой начался по звуку военной трубы. Оттеснив карфагенян, сделавших вылазку из города, римляне придвинули к стенам лестницы и стали взбираться по ним вверх. Стены были очень высоки. Сверху сыпались груды камней, летели окованные железом бревна, лились кипятки и расплавленная смола. Воины обрывались и падали с головокружительной высоты. Их место занимали другие. Время шло. Воины гибли. Не золотая корона с зубцами, а каменный столбик и могила в чужой земле выпали им на долю. Нет, не сбывался пророческий сон Сципиона. «Какое дело богу морей Нептуну до осады городов, — думали воины, снимавшие осадные лестницы, — вот если бы дело шло о морском сражении, тогда Нептун мог бы помочь».

Осажденные карфагеняне не знали ни о сне Сципиона, ни о его планах. Слыша сигнал отбоя, они радовались, что опасность миновала. Главное для них сейчас — выиграть время, пока не подоспел помощь. Уже отправлены гонцы ко всем трем армиям в Иберии — к Газдрубалу сыну Гамилькара Барки,

к Газдрубалу сыну Гескона и Магону. Они явятся и выручат город из беды.

Штурм города со стороны перешейка был предпринят Сципионом лишь для отвода глаз. Отборных воинов консул направил к мелководному заливу. У входа в этот залив лежит остров, по обе стороны его имеются узкие проходы для кораблей, прибывающих в Новый Карфаген. Здесь очень глубоко, но за островом есть мели. Но все же пройти здесь вброд нельзя. Воины, стоявшие наготове с лестницами, недоумевали, зачем их сюда послал полководец. И вдруг на их глазах начали откатываться волны, кое-где обнажая дно. Солдаты вспомнили о сне Сципиона. Сам Нептун осушил море, чтобы дать им пройти к стенам города.

Воины двинулись в залив. Ноги застревали в песке и в иле. Оружие и лестницы в вытянутых вверх руках стали втрое тяжелей. Местами вода доходила до горла. Но воины шли и шли. Вот и городская стена, сползающая к самому морю. Здесь она много ниже, чем со стороны перешейка. Пододвинуть лестницы и взойти по ним — дело немногих мгновений. Теперь по стене вправо и влево — к ближайшим воротам. Враги уже обнаружили их. Но в городе лишь тысяча воинов. А штурм начался отовсюду. Снова со стороны перешейка к стене пододвинуты лестницы. Как муравьи во время наводнения вползают на корягу, так римляне взбираются на стены города. Упорные, цепкие и беспощадные. Они опрокидывают вниз врагов, охраняющих башни, спускаются по лестницам и по веревкам к воротам, сбивают замки и засовы.

Теперь уже не отдельные воины, а целые манипулы с поднятыми верх военными значками развернутым строем вступают в город.

Призывно звучит труба. Сколько дней в утомительных учениях и походах солдаты мечтали услышать эту мелодию. Она разрешает любое насилие, любую бессмысленную жестокость. Женщина, старик, грудной ребенок — никому нет пощады. Полководец разрешает им все. Попадется на пути собачонка, ви-

ляющая хвостом. Удар мечом. Осел, жующий сено, — снова удар. Вот что пишет историк Полибий, сочувственно относящийся к римлянам и особенно к Сципиону: «Часто можно видеть в городах, взятых римлянами, не только трупы людей, но и разрубленных пополам собак и рассеченные туши иных животных».

Вечером богу Нептуну была принесена благодарственная жертва. Солдаты были уверены, что бог даровал им победу. Получая из рук Сципиона золотые венки с зубцами, воины вспоминали о вешем сне полководца. Произошло так, как он сказал утром.

И только один человек в целом войске знал, что в ночь перед падением Нового Карфагена Сципион не видел никакого сна. Это был сам Сципион. План штурма города со стороны залива родился еще зимой, когда Сципион узнал от рыбаков, что залив, окружающий крепость мелководен и в нем бывает значительный отлив.

Такова история одного из «чудес», история того, как явление природы было использовано для распространения веры в сверхъестественные силы.

КОЖАНЫИ МЕШОК

После падения Сиракуз и Капуи положение Ганнибала в Италии пошатнулось.

В 209 г. до н. э. после долгой осады восьмидесятилетний Фабий Максим захватил город Тарент, союзный Ганнибалу. Римляне осадили город Локры.

И в это время римлянам стало известно, что Газдрубал Барка перешел со слонами и конницей Альпы и спустился в долину По, где галлы присоединились к его армии.

Газдрубалу было очень важно сообщить брату о своем прибытии. На юг Италии были отправлены гонцы с письмом. В нескольких шагах от лагеря Ганнибала они были перехвачены римлянами. Стоявшему неподалеку от лагеря Ганнибала в Канузии консулу Клавдию Нерону из доставленного письма стало ясно, что Газдрубал намерен соединиться с Ганнибалом в Апулии. Ганнибал по получении письма

должен был двинуться в Восточную Италию. «Но так как он письма не получил и не получит, то будет оставаться на месте в своем лагере», — заключил консул и принял смелое решение.

Ближайшей ночью он незаметно вывел свое войско из лагеря, оставив только сторожевые посты. Нерон шел на соединение с армией второго консула Марка Ливия, расположенной в Северной Италии. Летом 207 г. до н. э. войско Газдрубала достигло небольшой речки Метавра близ ее впадения в Адриатическое море. Здесь же находилась и римская армия обоих консулов. Любивший, подобно брату, вступать в решительные схватки с врагом, Газдрубал готовился к бою. На заре он услышал звуки двух рожков, сначала одного, затем другого. Газдрубалу, знавшему римские обычаи, стало ясно, что перед ним две консульские армии. Где же тогда Ганнибал? Может быть его войско уничтожено и он погиб? Или находится где-то рядом. Или римляне стали выбирать трех консулов? Или они просто обманывают его?

Газдрубал погиб, так и не разгадав эту загадку. Вместе с полководцем в кровопролитном сражении близ Метавра пало и большинство его воинов.

Нерон не разрешил своим воинам воспользоваться победой и захватить добычу. Еще ночью он тронулся в обратный путь. Через четырнадцать дней он был снова в лагере при Канузии. Ганнибал так и не заметил его отсутствия.

Однажды карфагенский часовой обнаружил у вала лагеря кожаный мешок. «Ганнибалу» — было написано на мешке; часовой принес мешок полководцу.

— Развяжи, — приказал Ганнибал.

На траву упала человеческая голова.

— Римская шутка, — презрительно сказал полководец.

Внезапно Ганнибал наклонился, взял голову и стал пристально вглядываться в ее черты. Ганнибал узнал голову своего брата, которого он не видел двенадцать лет.

В этот же день в лагерь прибыл карфагенянин, сражавшийся у Метавра. Он рассказал Ганнибалу,

как всё произошло. Теперь Ганнибал знал, что ему нечего надеяться на чью-либо помощь. Судьба его похода в Италию была решена.

Похоронив голову брата, Ганнибал повел свое войско на крайний юг Италии, в Бруттий.

Недалеко от города Кротона на вершине обращенного к морю холма находился храм Геры. Высокие кипарисы издали указывали мореходам место святилища. По склонам холма паслись стада овец, принадлежащие храму. Здесь и остановился Ганнибал.

НАДПИСЬ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ПЛИТЕ

Резчик бил молотком по зубилу. Предки Ганнибала оставляли надписи на камне и меди, повествовавшие о плаваниях к неведомым берегам, о морских битвах и сухопутных сражениях. Ганнибал в юности читал эти надписи в храмах. Полустершиеся письма звучали чужой и далекой славой, наполняли сердце желанием подвига. Пусть и другие узнают о его победах. Камень и медь не пойдут для зеркала его славы. Он выбрал железо, металл, из которого куют копья и мечи, изготавливают катапульты и баллисты, металл, честно служивший ему и несший смерть римлянам. Пятнадцать лет он провел в их стране, пятнадцать лет, наполненных жестокой, беспощадной борьбой с противником, который, казалось, тоже был железным. Об этом и должна рассказать надпись, которую он оставит в храме.

Резчик бил молотком по зубилу, высекая искры. Колонки букв и цифр заполняли плиту.¹ Сто тридцать семь тысяч человек было у Ганнибала после взятия Сагунта, девятнадцать тысяч девятьсот воинов отправил он в Африку, пятнадцать тысяч двести оставил в Новом Карфагене, одиннадцать тысяч оставил севернее Ибера, еще одиннадцать тысяч наемников распустил в Пиренеях по домам, двадцать тысяч

¹ Плита с надписью Ганнибала до наших дней не сохранилась. Греческий историк Полибий видел ее в середине II в. до н. э. и пользовался ее данными.

человек погибли в боях или дезертировали. В Галлию он перешел с пятидесятидевяти тысячным войском, а в Италию — с двадцатипяти тысячным. Здесь он пополнял армию галлами.

Тицин, Требия, Тразимены, Канны — победы одна значительнее другой. И все же теперь, после пятнадцатилетней борьбы Ганнибалу казалось, что он дальше от своей цели, чем в начале похода. Силы Рима не сокрушены. Иберия потеряна. У него нет больше средств для борьбы. И только нежелание признать свою неудачу еще удерживает его в Италии.

Резчик бил молотом по зубилу, но даже эти удары были бессильны заглушить тяжелые мысли Ганнибала. Сципион в Сицилии. Он готовится к высадке в Африку. Ганнибал бессилен этому помешать.

В АФРИКУ

Вот уже год, как находится в Сицилии армия Публия Корнелия Сципиона. После побед в Испании Сципион был избран консулом и послан в Сицилию, чтобы в удобный момент переправиться в Африку. Кончился срок консульской должности. Сципион был переизбран консулом на новый год (204 г. до н. э.), а римская армия все еще находится в Сицилии. Терпение сената начало иссякать. Появились доносы, выступили обвинители. «Забыв о своем назначении, Сципион живет в Сиракузах, как грек среди греков. Он променял тогу на греческий плащ. Он посещает гимнасий. Он читает свитки греческих философов. Он окружил себя поэтами. Он распустил войска». Одно обвинение страшнее другого.

Сенат решил послать комиссию из десяти человек с правом лишить Сципиона власти, если подтвердятся обвинения.

Сципион приветствовал сенаторов с показным радушием. Устроив им ночлег, он пригласил их утром на смотр армии. Воины шли по манипулам —

¹ *Гимнасий* — школа в древнегреческих городах, посетители которой наряду с гимнастикой могли заниматься философией.

гастаты, принципы, триарии — плечом к плечу, не нарушая строя. По звуку трубы принципы выступали вперед, в промежутки между манипулами гастатов, а гастаты отступали назад. Тысячи людей действовали четко и уверенно, строй был похож на сложную и послушную воле полководца военную машину.

За тяжеловооруженной пехотой на площадь выступила конница.

Потом Сципион показал манипулы в беге. Сильные, хорошо обученные воины стремительно неслись, выставив копья и мечи.

Два манипула гастатов вступили в поединок. Они бились деревянными мечами, обернутыми в кожу, метали друг в друга копья с кожаными шариками на концах.

Когда сенаторы уже еле держались на ногах от усталости, Сципион повел их в склады и арсеналы. Он показал им запасы хлеба, одежды, ряды вычищенных и смазанных мечей, копий, военные машины. Все было в образцовом порядке.

Посланцы сената докладывали в Риме о своем посещении Сицилии с таким подъемом и воодушевлением, словно они принесли весть о победе. Только Сципион может одолеть Ганнибала. Таков был их вывод.

Вскоре после посещения сенаторов консул втайне приказал военным трибунам готовиться к отплытию. Легионы были подтянуты к городу Лилибею, туда же собраны корабли — военные и торговые.

Погрузка шла всю ночь. Рано утром огромный римский флот покинул гавань Лилибея. На палубах было тридцатипяти тысячное войско.

Публий Корнелий Сципион.
Мраморный бюст I в.
до н. э.

ОГОНЬ

Каждую ночь Сципион в своем лагере близ города Утики встречался с какими-то людьми. Они входили в преторий после второй стражи и уходили оттуда лишь на рассвете, прикрывая лица краем плаща.

Эти люди были лазутчиками. Под видом римских рабов они бродили возле стана союзника карфагенян нумидийского царька Сифакса¹. Как купцы, они предлагали доверчивым нумидийцам вино и ткани, притворно жаловались на войну, которая их совсем разорила.

Вскоре Сципион знал устройство вражеского лагеря не хуже, чем расположение своего. Ему было известно, сколько у нумидийцев шатров, защищенных валом и рвом, и сколько их находится на открытом поле, где расположены ворота и какой они ширины. Все лазутчики уверяли, что шатры сложены из сухого камыша и крыты соломой. Зная размеры и количество шатров, Сципион легко определил, что у Сифакса не менее шестидесяти тысяч воинов. В часе ходьбы от стана Сифакса, как было известно Сципиону, находился лагерь карфагенского полководца Газдрубала, сына Гескона. Лазутчикам удалось выяснить, что карфагеняне живут в землянках, покрытых сухими листьями, что воинов у Газдрубала вдвое меньше, чем у Сифакса.

Ночью Сципион принимал лазутчиков, а днем послов Сифакса. Он старался их убедить, что стремится к миру с Карфагеном и просит царя быть посредником, что Сифакс, как человек мудрый и беспристрастный, может помочь окончанию этой ненавистной войны. Сифакс принимал предложение Сципиона всерьез. Ему казалось вполне естественным, что Сципион говорит о мире. Ведь в его лагере вместе с конницей римского союзника Масиниссы не более

¹ *Сифакс* — царь Западной Нумидии, родственник карфагенского военачальника Газдрубала.

² *Масинисса* (240—149) царь Восточной Нумидии. Как союзник Карфагена Масинисса воевал против римлян в Иберии, но в 204 г. до н. э. перешел на сторону римлян, надеясь с их помощью увеличить свои владения.

сорока тысяч воинов. Сифакс и не догадывался, что римляне лишь оттягивают время и ждут удобного случая для нападения.

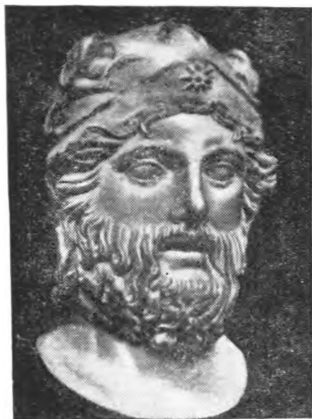
Эта ночь выдалась темной. Луна скрылась за тучами. Из нумидийских шатров доносился храп. Воины крепко спали. Ведь вчера купцы у ворот за рвом чуть не даром отдавали вино. Спали и часовые, сидя, с копьями, зажатыми между колен.

Со всех сторон подползли римляне к нумидийскому стану, бесшумно, как ужи, скользнули в ров и оказались на гребне вала. Понесся негромкий свист, и на соломенные кровли полетели тлеющие головни. Несколько мгновений и шагры уже пылают, как факелы. Наружу выбегают полуголые люди, они трут кулаками глаза. Нумидийцы и не подозревают о близости врага. Пожар мог произойти из-за простой неосторожности. Пламя перекидывается от шалаша к шалашу.

И вот уже пылает весь лагерь. Нумидийцы толкая друг друга бегут к воротам. У многих в руках ведра: ручей протекает за валом.

Звонят римские трубы. Под звуки труб с земли поднимаются воины Сципиона. С гиком несутся всадники Масиниссы. Нумидийцы мечутся. Они гибнут у выходов из лагеря от огня, от ударов римских мечей, под копытами коней, они сами топчут друг друга.

Огненные языки пламени замечены и в лагере Газдрубала. Карфагеняне тоже решили, что лагерь Сифакса загорелся по неосторожности. Ведь Сципион ведет переговоры о мире! С ведрами и топорами спешат карфагеняне на помощь своим союзникам и

Нумидийский царь
Масинисса.
*Мраморный бюст римской
работы.*

попадают в засаду. Римляне рубят безоружных, гонят их назад в лагерь, преследуют бегущих. Главное оружие римлян теперь не меч, а горящие головни. Огонь проникает и в карфагенский лагерь.

Пылают крыши землянок. Треск пламени сливается с воплями и стонами обожженных людей, ржаньем лошадей, криками мулов. С ревом из горящего лагеря вырываются слоны, они топчут и давят бегущих, внося еще большее смятение и ужас.

Эта ночь принесла Карфагену страшное поражение. В огне, под ударами римских мечей нашли смерть несколько десятков тысяч воинов. Город Утика открыл римлянам свои ворота. Заколебались и другие союзники Карфагена. В городе царил смятение. Советники сваливали вину за неудачи друг на друга, проводили время в бесконечных спорах. Наконец, было решено отозвать из Италии Ганнибала. Только Ганнибал, вот уже пятнадцать лет воюющий с римлянами и не потерпевший ни одного поражения, может спасти Карфаген.

БИТВА ПРИ ЗАМЕ

Осенью 203 года до н. э. с палубы корабля Ганнибал смотрел на белые колонны храма Геры, на высокие кипарисы. Ганнибал прощался с Италией. Он мог сказать, что знает эту страну больше, чем свою родину. Девятилетним мальчиком он оставил Карфаген, и больше не был в родном городе. Он мечтал вернуться в Карфаген как победитель римлян, как герой великой войны. Но что он теперь везет с собой? Воспоминания об одержанных им победах? Требия, Тразимен, Канны — в чьем сердце найдет отклик чуждое звучание этих варварских имен? Ганнибал с тоской смотрел на уходящий берег Италии. Он прощался со своей славой.

Двенадцать тысяч воинов высадились вместе с Ганнибалом на берег Африки. Это были закаленные, испытанные бойцы, поседевшие в сражениях и преданные своему полководцу. Еще двенадцать тысяч привел Газдрубал, сын Гескона. Это были горожане,

наспех обученные, напуганные недавним поражением. Этого мало для решительной схватки. Ганнибалу нужны боевые слоны, ему нужны наемники. Снова во все земли и острова были посланы вербовщики. В лагерь Ганнибала съезжались наемники с Балеарских островов, из Иберии и Приальпийских земель.

Из Северной Италии в Африку возвратилось небольшое войско, во главе которого стоял его брат Магон. Армия Ганнибала стала представлять пеструю смесь всех племен и народов. У Ганнибала осталась слава непобедимого полководца, но у него не было армии, которая могла бы победить.

Ганнибал стремился оттянуть решительную схватку. Он даже вступил в переговоры со Сципионом о мире. Эти переговоры ни к чему не привели. Римляне хотели, чтобы Карфаген признал свое поражение.

Карфагенский Совет не хотел затяжки войны. Римляне разоряли поместья карфагенских рабовладельцев, захватывали рабов. К Ганнибалу были отправлены послы с просьбой идти навстречу римлянам и кончить войну одним сражением. Хотя Ганнибал и отослал послов со словами: «Пусть отцы города занимаются своими делами — место для битвы я выберу сам», — всё же через несколько дней он покинул свою стоянку и двинулся к городу Заме, отстоявшему от Карфагена на 5 дней пути.

На рассвете противники вышли из лагерей и выстроились к бою. Сципион поставил впереди манипулы гастатов, за ними принципов, но не против промежутков в передних рядах, как обычно, а в некотором расстоянии от них. Последними были поставлены триарии. На левом фланге полководец поставил италийскую конницу, на правом — нумидийскую во главе с Массиниссой. Промежутки между передними манипулами Сципион заполнил отрядами легковооруженных.

Впереди всего войска Ганнибал поставил своих слонов, за ними поместил наемников. Тяжелую пехоту Ганнибал выстроил в две линии — в первой стояли карфагенские граждане, во второй войска, приведенные

им из Италии. Первая линия отстояла от второй на триста с лишним шагов. На флангах Ганнибал поставил нумидийскую и карфагенскую конницу.

Сражение начали слоны. Они тяжело двинулись на римский строй. Выбежавшие вперед легковооруженные закидали слонов дротиками. Несколько слонов повернули назад, но большинство неслось вперед. Римское войско, построенное на этот раз не в шахматном порядке, пропустило их. Слоны оказались за боевой линией.

В это же время в бой вступила римская конница. Нумидийцы Массиниссы легко оттеснили карфагенских всадников и с победными криками погнали их прочь. Началась схватка пехотинцев. Карфагенские наемники столкнулись с манипулами гастатов. Противники сражались один на один. Наемники, умело действовавшие мечами, ранили много римлян. Но за первым рядом римлян шел второй, третий. Как волны на берег, ряд за рядом, бросались римляне на врага. Карфагеняне же не оказали помощи наемникам, которые стали отходить. Отступление внесло замешательство во вторую линию карфагенской пехоты. Будучи уверены, что карфагеняне их покинули, наемники рубили своих же.

Тут карфагеняне, став поневоле храбрыми, вступили в бой и даже привели в смятение римских гастатов. Все же в конце концов карфагенские войска были разбиты. Сципион велел трубными сигналами вернуть гастатов из преследования. Поле боя было так завалено трупами, ранеными и оружием, что остальные воины не могли наступать в порядке.

Пока убирали раненых, принципы и триарии сокнули свои ряды и двинулись на войска, приведенные Ганнибалом из Италии. Воины Ганнибала храбро сражались с врагом. Казалось, еще миг, и римляне обратятся в бегство. Но вот на горизонте поднялось облако пыли. Это возвращалась из погони за карфагенскими всадниками конница римского союзника Массиниссы. Ударив в тыл Ганнибала, конница решила исход сражения.

Карфагеняне оставили на поле боя около десяти тысяч человек. Столько же было захвачено римлянами в плен.

ГОРЯЩИЕ КОРАБЛИ

С горсткой уцелевших друзей бежал Ганнибал горами и ущельями в Карфаген. Два дня и две ночи понадобилось ему, чтобы проделать этот путь, который отнял бы у другого всадника пять дней. Но весть о поражении обогнала и самого Ганнибала. Раздирая на себе одежды, с воплями ужаса стекались граждане на городскую площадь. На заседании Большого Совета выдвигали планы один смелее другого. Посадить всех граждан на корабли и дать бой римскому флоту. Открыть тюрьмы и освободить рабов.

— Мы не должны соглашаться на мир, — потрясал кулаком оратор, — это смерть.

Из зала к трибуне бросился человек. Схватив оратора за плечо, он оттолкнул его.

— Ганнибал! — прокатилось по залу.

Суфкет встал.

— Ты, Ганнибал, забыл, где находишься. Это заседание Совета, а не сходка воинов. Или у тебя нет иных доводов, кроме кулака?

Зал встретил эти слова рукоплесканием.

— Пусть меня простят советники, — начал Ганнибал. — Девятилетним мальчиком покинул я Карфаген. Теперь мне сорок пять. Я научился обычаям войны. Ваших обычаев я не знаю. Но я не мог спокойно слушать, как этот человек, не знающий, с какой стороны нужно брать меч, призывает сражаться. Вся моя жизнь была отдана войне. Никто не назвал меня трусом. Но сейчас я вас призываю к миру. Если мы не примем условия Сципиона, римляне уничтожат Карфаген и сделают всех нас рабами. У нас нет выбора!

В этот же день в соседнем с Карфагеном городе Тунете Сципион передал условия мира. Карфагеняне сохраняют власть над своими африканскими владениями и всё свое имущество, рабов и скот. Они могут жить свободно по своим законам. Они должны

выдать пленных и перебежчиков, передать все корабли за исключением десяти, всех боевых слонов. Они обязуются не вести войны за пределами Ливии, а в Ливии могут воевать лишь с согласия римлян. Они передают Массиниссе города и земли, которые принадлежали его предкам. В течение пятидесяти лет они выплачивают Риму десять тысяч талантов серебром.

Для подписания условий мира в Рим были отправлены карфагенские послы. Они привезли с собой двести пленных карфагенян, которых римский сенат отпускал без выкупа.

И вот выведен карфагенский флот — пятьсот кораблей. Все население города бросилось к стенам и в гавань, чтобы в последний раз увидеть корабли, на которые возлагалось столько несбывшихся надежд.

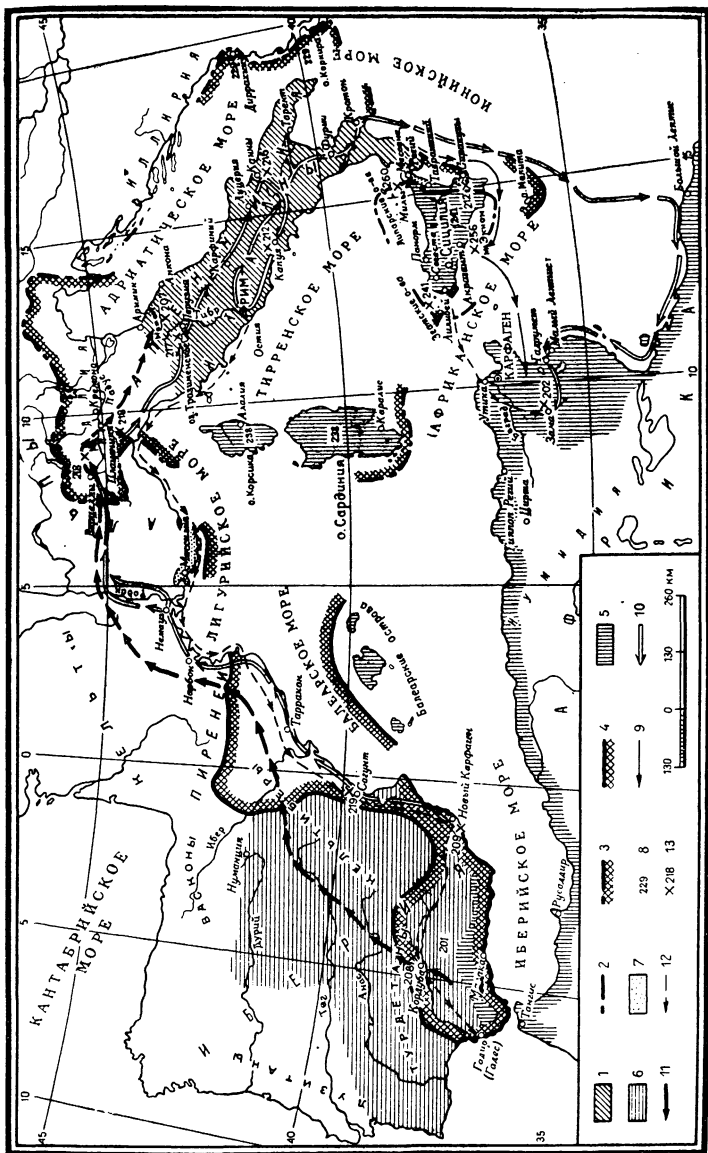
У кораблей снуют римские лодки с факельщиками. Пламя охватывает корабли и скрывает их в облаке дыма. Над морем поднимается зарево, видное на многие мили. Казалось, пылает огромный погребальный костер. Карфагеняне сжимая зубы, стиснув кулаки, прощались с морской славой своей родины.

Закончилась война, длившаяся шестнадцать лет. Как и Первая Пуническая война, это была война двух хищников — двух рабовладельческих государств — за владычество на Средиземном море. Молодой хищник Рим победил старого. Рим меньше страдал от внутренних противоречий, свойственных развитому рабовладельческому государству, каким был Карфаген.

Рим превратился в могучую Средиземноморскую державу.

ПОЛКОВОДЕЦ БЕЗ ВОЙСКА

Пять лет после заключения мира с Римом Ганнибал провел в Карфагене. Здесь ему приходилось вести битвы с карфагенскими заправилками, для которых казна республики, ее государственные должности служили источником наживы. Борьба была длительной и упорной. В Большом Совете Ганнибал был в одиночестве. Советники, обладавшие пожизненной властью, были неуязвимы. С помощью народного собрания

1. Римские владения до Пунических войн.

1. Римское государство до I Пунической войны. 2. Римское государство до I Пунической войны. 3. Между I и II войнами. 4. Во II войне. 5. Владения Карфагена до Пунических войн. 6. Территория, захваченная Карфагеном между I и II войнами. 7. Греческие города-государства. 8. Годы захвата территорий Римом. 9. Римские походы в I Пуническую войну. 10. Поход Ганнибала. 11. Поход Сципiona Африканского. 12. Поход Сципiona Африканского. 13. Места и годы важнейших сражений.

Ганнибал, избранный суффетом, провел закон об ежегодном обновлении Совета.

Отцы города нанесли Ганнибалу удар в спину. В Рим последовал донос о тайных сношениях Ганнибала с сирийским царем, враждебным Риму. Римский сенат давно уже искал повода разделаться со своим врагом. В Карфаген прибыло римское посольство.

Как обычно, утром к дому суффета собралась толпа посетителей. Одни явились его приветствовать, другие — проводить в город. Ганнибал не вышел из дома. От прислуги стало известно, что Ганнибал дома не ночевал. Распространился слух, что суффет убит римлянами. Но в полдень прибыли корабли карфагенских купцов. Они рассказали, что видели Ганнибала на острове Керкине, неподалеку от Карфагена, и что при встрече он им объявил, что назначен послом в Тир. Пока собирался Совет для суждения о Ганнибале, пока принималось постановление об объявлении Ганнибала вне закона, конфискации его имущества и срытии до основания его дома, Ганнибал был уже в недосыгаемости в открытом море.

С попутным ветром он прибыл в древний финикийский город Тир, жители которого в IX в. до н. э. основали Карфаген. Здесь встретили Ганнибала как героя. Из Тира он прибыл в столицу Сирии Антиохию. Сын царя Антиоха III оказал ему почетный и дружественный прием. Не задерживаясь, Ганнибал отправился дальше к самому царю. Он застал Антиоха на побережье Малой Азии, в Эфесе. И здесь его ждал почетный прием. Имя Ганнибала, его подвиги и слава были хорошо известны. Но что значил он теперь, полководец без армии? Антиох назначил ему содержание, сделал его своим советником. Ганнибал предлагал царю объединение всех сил против Рима. В Италии должна высадиться новая армия. Ганнибал соглашался ее возглавить.

Антиох вежливо слушал Ганнибала. Во многом он соглашался с ним. Да, нужно положить конец наглости римлян. Он, Антиох, решил объявить Риму войну. Но Италия слишком далеко. Отправить туда армию рискованно. Надо начать с Греции. Греки те-

перь убедились, что собой представляет римское владычество. Они выступят против Рима.

Размах Ганнибала был чужд Антиоху. Чем большую настойчивость проявлял Ганнибал, тем с большей подозрительностью относились к нему царь и его придворные. Ганнибал превратился в безгласного свидетеля событий. На его глазах страшное поражение потерпела армия Антиоха. Публий Корнелий Сципион, которому сенат присвоил почетное прозвище «Африканский», имея всего лишь тридцать тысяч воинов, разгромил восьмидесятитысячную армию Антиоха. Это было под Магнезией в 190 г. до н. э.

Среди мирных условий, предъявленных царю Римом, была выдача Ганнибала. Предупрежденный друзьями, Ганнибал скрылся. Одно время он жил на Крите частным человеком. Его местопребывание было раскрыто. Он бежал в Вифинию, небольшое государство, расположенное на южном побережье Черного моря. В городе Либисса у Ганнибала был дом, пожалованный ему царем Вифинии Прусием. Однажды Ганнибалу сообщили, что к царю прибыло римское посольство, требующее выдачи Ганнибала. Через несколько дней дом Ганнибала был окружен.

Ганнибал склонил голову и крепко сжал виски ладонями. Высохшие пальцы ощутили биение крови. Он сидел так несколько мгновений. Но в эти мгновения в его памяти пронеслась вся жизнь. Он снова слышал далекий и близкий голос отца, слова клятвы: «Пусть меня покарают боги, если я не отомщу за позор моей родины.» Трубные звуки слонов сливались со ржаньем коней, ударами мечей и копий. Казалось, вся его жизнь была одним большим сражением.

Двери сотрясались от тяжелых ударов. Римляне стучали в дверь так, как колотит запоздавший хозяин в дверь своего собственного дома. Да, не только у себя в Италии, но и в любом уголке Средиземноморья римляне были хозяевами. Он, Ганнибал, не смог этому помешать.

Все сильнее и сильнее слышались удары. Ганнибал поднес к губам перстень. Теперь его может спасти от унижения лишь эта капля яда.

Когда римляне ворвались в дом, они увидели уже остывший труп великого полководца. И на этот раз Ганнибал ускользнул из ловушки, которую ему приготовили римляне.

Часть третья

ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ

Древние историки сохранили предание о страшном времени галльского нашествия. Полчища воинственных галлов прорвались сквозь альпийские теснины и двинулись на Рим. У реки Аллии римское войско было разбито. Неприятель вступил в город. Горсточка храбрецов укрылась на Капитолии, чтобы отстоять твердыню Рима. Но эти храбрецы не могли долго противостоять армии галлов. Врагам был предложен выкуп, чтобы они покинули Рим. Когда римский посланец принес золото, галльский вождь Бренн нашел, что его недостаточно. У галлов были неверные весы. Римлянин заметил обман и запротестовал. Тогда Бренн бросил на чашу весов еще свой тяжелый меч и воскликнул: «Горе побежденным».

Карфаген после Второй Пунической войны находился в таком же положении, как римляне в дни галльского нашествия. Победитель мог диктовать любые условия.

В середине II в. до н. э. в Риме появились люди, которым было мало того, что Карфаген потерял свои заморские владения и низведен на положение второстепенного государства. Их страшила не военная мощь Карфагена, а его хозяйственное процветание. К этим людям принадлежал Марк Порций Катон.

Участник Второй Пунической войны Марк Порций Катон неоднократно занимал высшие государственные должности. Он был консулом, воевал в Испании. Однако в памяти поколений Катон остался не только как выдающийся политический деятель, но и как образцовый хозяин. В его поместьях под бичами надсмотрщиков гнули спину сотни рабов. «Раб должен

работать или спать», — говорил Катон, и управляющие его поместьями находили для рабов занятие и в праздники, и в зимние дождливые дни.

Выжимая из своих рабов все соки, наживаясь на их труде, Катон проявлял мелочную экономию в содержании рабов.

Он давал им «вино», состоявшее наполовину из уксуса и морской воды, кормил их палыми, полусгнившими маслинами, одевал в лохмотья. С большой выгодой для себя Катон продавал вино, оливковое масло, зерно, молодых рабов, которых выращивали в его поместьях, как скот. Но Катону казалось, что он еще недостаточно богат.

«КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН!»

Помещение сената, называемое в Риме курией, было переполнено. Сенаторы в белых тогах с пурпурной полосой размещались по скамьям, где кто хотел. Против входной двери стояли обитые слоновой кожей кресла, известные под именем «курульных»¹. Одно из этих кресел пустовало. Неотложные дела помешали одному из консулов присутствовать на заседании сената.

Консул позвонил в колокольчик. Двое служителей втащили в зал упирающуюся белую овцу, подвели ее к жертвеннику, украшенному лентами и венками цветов.

Консул сделал знак. Служитель вонзил бронзовый нож в сердце животного. Когда кровь стекла в специальный желоб, служитель ловко разрезал брюхо жертвы, вытащил печень и передал ее консулу. Несколько мгновений при всеобщем молчании консул рассматривал печень, перекладывая ее из ладони

¹ *Курульным креслом* называлось торжественное церемониальное сиденье высших римских магистратов (консулов, диктатора, претора и других). Кресло не имело спинки и подлокотников и изготовлялось из дорогих материалов. Оно всегда сопровождало того, кому присвоено. Считалось, что решение имеет законную силу, когда его принял магистрат, сидевший в кресле.

в ладонь. Вытерев руки о кусок шерстяной материи, он произнес:

— Знамение благоприятно. Да помогут нам боги!

Гадание по внутренностям быка.
Мраморный рельеф II в. до н. э.

Жрец-гадатель „изучает“ внутренности убитого животного. Третий слева — жрец с топором, сваливший быка. Телохраниитель — ликтор с пучком розог и воткнутым в прутья топориком (это говорит о том, что дело происходит во время войны, в период мира ликторы носили связку прутьев без топорика). Справа — консул.

Консул открыл заседание словами: «Дабы в счастье и благоденствии жил римский народ, взываем к вам, господа сенаторы!»

Заседание сената началось. Консул изложил суть вопроса.

Сенаторы потребовали обсуждения. В широком проходе, разделявшем курию на две части, показался высокий старец. Он шел медленно, волоча худые ноги. Блестел голый, как яйцо, череп. Из-под рыжеватых бровей смотрели не по-стариковски внимательные, немного насмешливые глаза. Это был Марк Порций Катон.

Поднявшись на возвышение, Катон выпрямился, одернул тогу и начал речь. Голос у него был громкий, как у медной этрусской трубы.

— Господа сенаторы! Вчера я прибыл из Карфагена. Служа под командой Публия Корнелия Сципиона Африканского, я впервые посетил Африку пятьдесят лет назад. Наложив на Карфаген огромную дань, лишив его флота, мы полагали, что пуны будут разорены. Что же увидел я в Африке через пятьдесят лет? Страну более богатую, чем она была раньше, долины, покрытые виноградниками и плодовыми деревьями. Смотрите!

Катон вытащил из-под тоги какой-то большой круглый предмет, и, потрясая им в воздухе, сказал:

— Эта смоква растет на расстоянии трех дней пути от Италии. Видели ли вы что-либо подобное? А виноград! Клянусь, я никогда не ел более крупного и приятного на вкус винограда. Можно ли удивляться, что наши торговцы виноградом терпят убыток?!

— Верно! — слышались возгласы сенаторов, — Катон прав. — Многие вскочили с мест.

Закон 218 г. до н. э., проведенный другом Гая Фламиния, народным трибуном Клавдием, запрещал сенаторам заниматься торговлей. Но они, в обход закона, поручали своим управляющим-вольнотпущенникам продавать вино, оливковое масло и другие сельскохозяйственные продукты. Поэтому сенаторы хорошо знали, что карфагенское вино и масло ценились на рынке дороже римского. Слова Катона задели их за живое.

А Катон тем временем говорил о намерении девяностолетнего Масиниссы захватить Карфаген.

— Представьте себе, господа сенаторы, что произойдет, если Масинисса захватит Карфаген! — воскликнул Катон, поднимая высохшую руку. — Он завещает Карфаген своим внукам, и Италия увидит второго Ганнибала!

В наступившей тишине прозвучали слова, произнесенные вполголоса. Тем не менее их услышали не только сенаторы, но и люди, толпившиеся у открытых дверей курии:

— Карфаген, я полагаю, должен быть разрушен. Невозмутимое выражение лица Катона и равнодушный тон еще более оттенили беспощадный смысл этих слов.

Всего лишь час назад на алтаре была убита овца, а теперь Катон требовал принести в жертву корыстным интересам римских рабовладельцев огромный город со всем его населением, с его дворцами и храмами, со всем его прошлым и будущим.

Не все были согласны с Катоном.

— Не надо разрушать Карфагена, — выкрикнул сенатор Сципион Назика, один из дальних родственников победителя Ганнибала. — Если мы захотим, все богатства Карфагена будут нашими. Не лучше ли наложить на город дань?!

Катон с усмешкой взглянул на Сципиона Назику. Ничего не ответив, он сошел с возвышения. Катон был упрям, как истый римлянин.

«Капля камень долбит не силой, а частым паденьем», — говорили римляне. На какую-бы тему ни выступал Катон в сенате или народном собрании, о пользе занятия земледелием, или о вреде женской роскоши, он неизменно заканчивал свою речь словами:

— А все таки я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен.

ВЕРОЛОМСТВО

Весной 149 г. до н. э. Карфаген переживал беспокойные дни. Толпы людей сновали по узким улицам, ведущим от военной гавани к акрополю Бирсе. Никогда за семьсот лет своей истории город не находился в такой опасности.

Римляне натравили на Карфаген нумидийского царя Масиниссу. Карфагеняне взялись за оружие, и хотя потерпели поражение, все же были обвинены в нарушении мирного договора 201 года. Ведь этот договор запрещал карфагенянам вступать с кем-либо в войну без согласия Рима.

Рим готовился к войне. В боевую готовность приводился флот, по всей Италии набирали новые ле-

гионы. Карфагеняне сделали все, чтобы предотвратить войну. К смертной казни был приговорен полководец Газдрубал, воевавший против Масиниссы. В Рим было отправлено посольство, чтобы объяснить сенату: карфагенский народ не виновен в нарушении договора. Но сенат не принимал никаких объяснений.

В Африку была направлена армия во главе с двумя консулами. Карфагеняне отправили в Рим новое посольство. На этот раз как будто сенат смягчился. Он согласился не начинать войны, если карфагенские советники дадут своих сыновей консулам в качестве заложников. Пусть будут доставлены в Сицилию триста детей, а после этого карфагеняне должны выполнить все дальнейшие распоряжения, какие им дадут консулы.

При обсуждении этого неслыханного требования в Большом Совете возникли жаркие споры.

Один из вождей антиримской партии Стритон сказал:

— Вы хотите отдать римлянам заложниками не только наших детей, но и весь Карфаген. Знаете ли вы пределы римскому вероломству?!

Голос Стритона прозвучал в карфагенском Совете одиноко. Римские легионы находились уже в Утике, в двух днях пути от Карфагена, и перед лицом этой угрозы большинство советников было готово на любое унижение и уступки.

Совет согласился удовлетворить требования римлян, и детей той же ночью доставили на корабль, стоящий у набережной торговой гавани.

На набережной слышались плач и иступленные крики. Матери металась по берегу. Они хватали за руки матросов, упрашивая взять их на корабль, раздирали себе длинными, ярко накрашенными ногтями лица, рвали свои богатые одежды.

Корабль отчалил от мола. Одна из матерей бросилась в воду. Она хотела схватить якорный канат, но матросы подняли его. Ветер надул паруса. Корабль вышел из гавани, а женщина все плыла, словно надеялась его догнать.

Когда заложники были доставлены в Лилибей, консул передал карфагенским послам новое требование — сдать всё оружие. Страх за судьбу сыновей, находившихся у римлян, сделал карфагенских советников покорными. Карфагеняне должны были под покровом ночи вывезти оружие из арсеналов. К городским стенам подошли повозки. Их нагроузили мечами, копьями, частями военных машин. Сверху оружие забросали сеном, накрыли холстом.

Печальное шествие замыкали слоны, они шли тихо и как бы укоризненно покачивая хоботами. Казалось, они хотели сказать людям: «Куда вы отправляете нас, чем мы провинились перед вами. Смотрите, на нашей коже рубцы, наши бивни стерлись от ударов».

— Прощай Бар, прощай Сурус, — шептал старый воин, сражавшийся еще под началом Ганнибала. По его морщинистым щекам текли слезы.

ЯРОСТЬ

Прошло еще несколько дней. Советники терялись в догадках, какое еще требование предъявит Карфагену римский сенат. Кто-то высказал мнение, что римляне хотят разрушить Карфаген. Большинство советников этому не верило. Сципион ведь мог разрушить Карфаген после битвы при Заме, а он этого не сделал. Зачем же римлянам разрушать город сейчас, когда он безоружен.

Наконец, консул вызвал карфагенских послов. Оправдались самые худшие предвидения. Сенат приказывал всем жителям Карфагена выйти из города и поселиться вдали от моря, в указанном месте.

Советники молча выслушали страшную весть. Они были связаны по рукам и ногам. Их дети в руках у римлян. В городе нет оружия.

Известие о требовании римлян быстро распространилось среди населения огромного города. Ремесленники и матросы заполнили площадь перед зданием Большого Совета. Суффет вышел, чтобы успокоить толпу. Его голос заглушался рвом:

— Оружия!

Суффет показывал знаками, что оружия нет, силась перекричать толпу, он объяснял, что все оружие выдано римлянам. Толпа ничего не хотела знать.

— Оружия! — требовала она, подступая к суффету.

Чувствуя горячее дыхание толпы, суффет протянул руку с унизанными золотыми кольцами пальцами по направлению к городской стене.

— Там, — прохрипел он, — в арсенале.

Карфагенские арсеналы занимали огромные ниши городской стены¹. Тут же находились стойла для слонов и коней. Железные ворота арсеналов были на замке. Суффет послал народ к арсеналам, но не дал ключей. Несколько мгновений толпа была в замешательстве. Как быть? Но вот вперед протиснулись люди с ломami и топорами. Сбиты замки, сорваны петли. Люди хлынули внутрь. Арсеналы были пусты.

— Ааа! — раздался крик, напоминающий рев разъяренного зверя.

Эти люди, которых никогда не допускали к управлению государством, с которыми никогда не советовались, почувствовали себя преданными. Они не могли поверить, что римлянам выдано всё оружие, что не оставлено ни одного меча, ни одной военной машины. Но может быть остались слоны.

— К слонам! К слонам!

Слоны были последней надеждой. Но и стойла для слонов были пусты. Люди ворошили полусгнившее сено, словно слон мог в нем спрятаться. Они рвали на себе волосы, раздирали ногтями щеки. Они выкрикивали по именам своих любимцев: «Бар!» «Сурус»!

— Бар! Сурус! — гулко откликалось эхо в каменных сводах.

— В Магару! — крикнул кто-то, и люди, толкая друг друга, бросились к выходу.

¹ Остатки городской стены были обнаружены в 1949 году во время воздушной разведки с самолета. Стена Карфагена имела толщину в 20 метров.

Магара лежала в белорозовом сиянии цветущих фруктовых деревьев. От каналов тянуло свежестью. По блестящей как бронзовое зеркало поверхности пруда плыли лебеди. Казалось, здесь не было никому дела до страшных бедствий, постигших карфагенский народ.

Под напором плеч и локтей, под ударами ног загрохотали ворота особняков. Толпа врвалась во дворы, выволакивала наружу перепуганных советников. Это они выдали врагу оружие, они предали Карфаген. «Смерть им!» Из подземелий выводили рабов, изможденных, с кровоподтеками на спинах, с рубцами на лицах. От яркого света рабы шурили глаза.

— Теперь вы свободны! — кричали им, указывая на растерзанные тела их господ.

И рабы вливались в толпу и вместе с нею текли в город. На площади у здания Большого Совета на ковре лежали драгоценности. Проходили женщины, снимали серьги и браслеты, бросали их на ковер. Но государству нужно не только золото и серебро. Оно нуждается в метательных машинах, в мечах и копьях. Женщины срезали свои волосы для канатов. Прямо на площадь вынесены наковальни и кузнечные меха. Нет угля! В костер полетели скамьи, столы, шкапулки — из эбенового дерева,¹ все, что может гореть. Вздупались мускулы на полуобнаженных телах ковалей. Тяжелые удары молотов наполнили площадь. Прекрасен был народ Карфагена в своем справедливом гневе. Не для походов в далекие страны за рабами и золотом ковалось это оружие — для защиты родины. Если бы канаты для катапульта можно было бы плести не из волос, а из нервов и сухожилий, эти женщины отдали бы и их. Прекрасен был народ Карфагена в своей любви к родине.

Когда римляне подошли к городу, чтобы вступить в него, перед ними была неприступная крепость.

¹ *Эбеновое* или *черное дерево* — ценное дерево, растущее в тропической Африке. Употреблялось для изготовления статуй и дорогой мебели.

БЕССЛАВНОЕ НАЧАЛО

Военные действия начались летом 149 г. до н. э. На земляной косе, называемой карфагенянами Языком, был высажен римский десант. Со стороны моря городская стена была ниже и слабее и римляне рассчитывали разрушить ее с помощью таранов. Днем римляне пробили большую брешь в стене. Ночью осажденным удалось не только заделать большую часть этой брешы, но при вылазке испортить римские осадные машины. Они были теперь пригодны разве лишь в качестве топлива для костра. Римляне все же отважились пойти на приступ. Но каждый из домов, прилегающих к стене, был превращен карфагенянами в крепость. Проникшие в город римские воины были почти полностью истреблены. Дело могло кончиться полным истреблением армии, нападающей со стороны моря, если бы не предусмотрительность военного трибуна Сципиона Эмилиана. Он удержал своих воинов под стенами и прикрыл отступление римлян.

Еще меньший успех имели действия второго консула, расположившегося на перешейке, отделявшем город от долины реки Баграда. В римском лагере из-за непривычного для римлян зноя и отсутствия свежей воды распространились болезни, уносившие каждый день десятки жертв. Карфагенская армия под командованием полководца Газдрубала, приговоренного к смерти карфагенским сенатом за участие в войне против Масиниссы, но бежавшего из Карфагена, стала увеличиваться за счет жителей приморских городов, нумидийских и мавретанских наемников. Все попытки римлян в 148 г. до н. э. захватить эти приморские города с тем, чтобы лишить армию Газдрубала поддержки, окончились провалом.

Небольшой городок Клупея, в годы Первой Пунической войны захваченный войсками Регула, теперь отразил нападение римской армии. Осада другого города Гиппо-Дуарритуса длилась все лето. Осажденные дважды сжигали осадные машины римлян. Римлянам пришлось отступить.

Карфагеняне воспрянули духом. Участились нападения на римские отряды. Газдрубал придвинул свой лагерь к самому городу и был назначен главнокомандующим всех сил Карфагена.

В Риме считали, что все неудачи — следствие неопытности и бездарности полководцев. На 147 год консулом был избран Сципион Эмилиан. Ему поручили ведение войны в Африке.

ОСАДА

Сципион Эмилиан прибыл в Африку вовремя. Римский отряд был оттеснен карфагенянами от городской стены на крутую скалу в малодоступной стороне предместья Магары. У римлян нехватало продовольствия. Связь с главными силами римской армии была затруднена. Посадив на корабли прибывшие с ним войска, Сципион Эмилиан немедленно направился на помощь римскому отряду.

С вершины скалы был виден весь город. Над узкими улицами, над плоскими крышами домов возвышался карфагенский акрополь Бирса. Здесь находились храм Эшмуна и здания государственных учреждений. Отсюда расходились улицы с многоэтажными зданиями. Здесь жили купцы и ремесленники Карфагена. В лавках, куда не проникали лучи палящего солнца, торговали оружием, коврами, тканями, посудой.

Сципиону хорошо были видны огромные здания храмов Ваала и Танит. Вот площадь перед храмом Ваала с блестящей точкой. Это медная статуя божества, которой приносят человеческие жертвы. Еще дальше знаменитый Кофон — внутренняя военная гавань. Стены доков скрывают от глаз корабли, но хорошо виден небольшой островок в центре гавани с домом командующего карфагенским флотом. С башни этого здания, как было известно Сципиону, и днем и ночью ведется наблюдение за морем. На горизонте, в виде вытянутого прямоугольника, торговая гавань Карфагена с бесконечными складами.

— Как велик этот город! — воскликнул Сципион, обращаясь к своему другу, греку Полибию, впоследствии написавшему историю войн Рима с Карфагеном.

— Да, — отозвался Полибий. — С Карфагеном не сравнится ни один из городов Италии или Эллады. Чтобы обойти его стены, путнику понадобится четыре часа. А ведь за стенами еще находятся предместья.

— Братъ Карфаген приступом — безумие, — продолжал Сципион. — Я отрежу Карфаген и задущу его в тисках голода. Он сам падет к моим ногам, как созревшее яблоко.

В этот же день с городской стены карфагеняне видели, как римские солдаты долбили ломами и лопатами каменистую землю. Ров сооружался на расстоянии полета стрелы от городской стены.

Работы затянулись на все лето. Сципиону докладывали, что солдаты начали роптать, что несколько человек перебежало к карфагенянам, но это его не смущало.

— Ничего, — говорил он. — Поропшут и перестанут. Безделье — бич для осаждающей армии.

Когда ров был прорыт через весь перешеек, Сципион Эмилиан приказал выкопать другой ров на небольшом расстоянии от первого, параллельно ему. Свой лагерь полководец расположил между обоими рвами. Теперь он совершенно отрезал город от материка и обезопасил себя от нападения с тыла. Но в гавань Карфагена все еще приходили суда с продовольствием. Тогда Сципион решил соорудить между песчаной косой и берегом залива каменную плотину. С кораблей по приказу Сципиона матросы сбрасывали тяжелые камни, чтобы их не могли разрушить волны. Карфагеняне сначала с насмешкой наблюдали за этими работами. Потом они тайно прорыли новый выход из военной гавани в залив.

Однажды на башне дома карфагенского командующего флотом показались три воина. Они вскинули блестящие серебряные трубы, поднесли их к губам и из труб полились призывные волнующие звуки. Гребцы подняли весла, и пятьдесят кораблей отплыли.

Не успели римляне опомниться, как первый карфагенский корабль, выйдя из канала, закачался на волнах.

Римские корабли стояли на якорях неподалеку от каменной плотины, закрывавшей путь в торговую гавань. Многие из них были без оснастки. Команды находились на берегу. Если бы карфагеняне сразу же напали бы на римский флот, он был бы полностью уничтожен. Но их корабли, сделав разворот, ушли в гавань.

Воспользовавшись этим промахом, Сципион Эмилиан приказал привести свои корабли в боевую готовность. Когда через три дня карфагенский флот снова вышел из гавани, его встретила оснащенная эскадра в 120 кораблей. Карфагенские корабли были прижаты к берегу и потоплены.

После этого Сципион повел наступление на внешнюю набережную. Она находилась вне городских стен и защищалась лишь земляным валом. Подтянув тараны и осадные машины, римляне пробили в валу брешь. Но карфагеняне, перейдя ночью вброд мелководную часть залива, напали на осадные машины римлян и подожгли их. Сципиону пришлось послать конницу, чтобы остановить беглецов. По совету Полибия в дно залива вбили острые колья, набросали железо. После этого машины были восстановлены и осада возобновилась. Город оказался запертым и со стороны суши и со стороны моря. Наступила зима. Военные действия были прекращены. В город проник самый страшный враг — голод.

НА ПРИСТУП

Яркая зелень пробилась из-под земли. В заброшенных садах зацвели деревья. Стаи птиц, зимовавших на песчаной косе и в прибрежных скалах Тунетского залива, с гортанным радостным криком летели на север. Римские легионеры долго провожали их взглядом, завидуя, что они скоро будут в Италии.

Шла третья весна осады Карфагена. С воздвигнутого римлянами вала можно было видеть улицы, покрытые трупами мужчин и женщин, умерших от го-

лода. Перебежчики рассказывали, что многие, не выдержав мучений, убивали себя и своих детей. За зиму население огромного города убавилось вдвое. Но и теперь в нем не менее ста тысяч человек.

Сципион Эмилиан решил, что время атаки наступило. К стене, защищавшей внешнюю гавань, были приставлены длинные лестницы. Заработали катапульты. Карфагеняне подожгли внешнюю гавань. Запылали доки и корабли. Море огня преградило римлянам путь. Но все же осаждающим удалось найти почти незащищенный участок стены. Римляне вышли на набережную Кофона, овладели примыкавшим к ней рынком и начали продвигаться по всем трем улицам, ведущим к акрополю Бирсе.

Карфагеняне пропускали римлян вперед, и когда те не ожидали нападения, бросали в них камни, обливали кипятком. Римляне предпочитали двигаться по крышам громадных домов, достигавших высоты в шесть этажей. Они перебрасывали бревна и доски на соседние или противоположные здания и переходили по ним, как по мостам. Так прошли шесть страшных дней уличных боев. Римляне продвинулись почти к самой Бирсе. Но карфагеняне, видимо, воспользовавшись подземными ходами, снова оказались в тылу у наступающих.

Сципион Эмилиан приказал поджечь все три улицы сразу. Пламя пожирало все, что попадалось ему на пути. Треск рушившихся зданий сливался с криками раненых, с воплями обожженных людей. Вслед за огнем шли легионеры. Топорами и кирками они убрали обломки, сбрасывали мертвых и еще живых людей в ямы.

Наконец, путь к Бирсе был расчищен. Карфагенский акрополь возвышался нетронутый, прекрасный. Кто знает, сколько еще придется его осаждать? Но ужасы голода и смерти сделали свое дело. Укрывшееся в Бирсе население отправило к Сципиону послов. Пять седобородых старцев в длинных до земли одеждах были приняты римским полководцем. Упав на колени, они просили только сохранить жизнь населению.

Сципион обещал сохранить жизнь всем, кроме перебежчиков и Газдрубала.

Старцы удалились. На следующий день из Бирсы потянулась длинная колонна пленных. Тут было не менее пятидесяти тысяч человек — стариков, женщин и детей.

Девятьсот римских перебежчиков и Газдрубал с семьей укрылись в храме бога-целителя Эшмуна в самой высокой части Бирсы. Шестьдесят каменных ступеней отделяли храм от площади, на которой в былые дни собирались верующие. Теперь на этой площади стояли враги и, подняв головы вверх, смотрели на серебряный купол, украшенный золотыми звездами, на стены храма, облицованные красными гранитными плитами.

По храму Эшмуна из конца в конец, наталкиваясь друг на друга, метались люди. Они сносили в кучу скамьи, срывали с себя одежду, бросались на пол, заламывая руки.

Человек в облачении жреца бормотал:

— Молитесь Эшмуну! Он — могущественнейший из богов — ниспошлет спасение всем укрывающимся в святилище.

Один из перебежчиков, оттолкнув жреца, закричал срывающимся голосом:

— Хватайте светильники! Лучше сгореть в огне, чем погибнуть на кресте!

Храм запылал в нескольких местах, наполняясь удушливым дымом. Пламя подступило к алтарю. Сорвав занавес, оттуда стремительно выбежал человек в блестящих доспехах. Прежде чем его могли остановить перебежчики, он был уже у выхода из храма, и в несколько прыжков очутился внизу, на площади, в ногах у Сципиона. Это был Газдрубал, в течение трех лет руководивший героической обороной Карфагена.

В руке у Газдрубала была оливковая ветвь, в знак мольбы и покорности. Обнимая ноги Сципиона, он кричал так громко, что его голос был слышен не только на площади, но и наверху в храме:

— Пощади! Пощади во имя богов! Спаси моих детей.

Сципион отвернулся. Взгляд его остановился на кровле горящего храма. На краю кровли стояла женщина с двумя детьми. Они прижимались к матери, прячась в широких складках ее одежды.

— Трус! Трус! — кричала она. — Ты хочешь сохранить себе жизнь! Будь проклят!

Жена Газдрубала столкнула в огонь своих сыновей, а затем сама бросилась в пламя. Кровля храма обрушилась, погребая всех, кто в нем находился.

Судьба Газдрубала неизвестна. Вероятно, он участвовал в триумфе победителей и затем, по римскому обычаю, его казнили.

ПРИКАЗ СЕНАТА

Семнадцать дней горел Карфаген. Семнадцать дней корчились в огне лимонные и миндальные деревья, за которыми когда-то старательно ухаживали садоводы. Рушились арки и своды храмов, гибли здания, простоявшие сотни лет и достойные того, чтобы стоять многие века. Гибли в огне спрятанные в тайниках сокровища карфагенских купцов и жалкий скарб бедняков. Пылали библиотеки, хранившие опыт и мудрость народа.

Сципион Эмилиан и его свита поднялись на скалу. Вместо прекрасного полного жизни города до самого залива простиралось черное безжизненное поле с бесформенными развалинами. Удушливый дым низко стлался по земле. Даже птицы теперь не летали здесь.

Сципион безучастно смотрел вдаль, погруженный в свои мысли. Губы его шептали:

День придет и погибнет священная Троя. Погибнет
Вместе с нею Приам и народ копыеносца Приама.

— Почему ты вспомнил Гомера, Публий? — спросил Полибий.

Обернувшись и взяв грека за правую руку, Сципион сказал:

— Города, подобно нам, смертным, испытывают превратность и изменчивость судьбы. — Кто-нибудь тоже будет стоять у развалин Рима, как мы стоим у могилы Карфагена.

Сципион стал спускаться со скалы. Полибий остался один. Вглядываясь в белую точку, он различал фигуру белого быка. Медный плуг по приказу сената взрыхлял мертвую землю. Римский жрец в черной одежде бросал в борозду вместо зерен проклятья. Место, где стоял Карфаген, где трудились ремесленники и торговали купцы, предавалось вечному проклятию, чтобы отныне на нем не появлялись ни дома, ни пашни.

Так повелел римский сенат.

Сенат конфисковал земли у всех карфагенских городов, которые не примкнули к Риму в войне. Отныне эта земля принадлежала Римскому государству и за нее победителю платилась подать.

Карфаген перестал существовать как самостоятельное государство. Его территория превращалась в римскую провинцию Африка. Позднее это название перешло на весь материк, вытеснив древнее имя Ливия.

От уничтожения крупнейшего города на Средиземном море выиграли римские купцы. Толпами устремились они в новую провинцию грабить население.

Развалины города Карфагена долго заносили пески. Здесь никто не жил. Шакалы выли там, где стоял могучий город. Позднее жизнь вновь появилась здесь, и в позднеримское время Карфаген был крупным административным центром римской Северной Африки.

На том месте, где когда-то была торговая гавань Карфагена, стояли римские корабли. По сходням поднимались легионеры, с мешками и котомками на плечах. В них были золотые кольца, серебряные чаши, пурпурные ткани — всё, что добыли воины во время разграбления города, всё, что когда-то принадлежало

гражданам города. Золото, серебро и другие богатства, находившиеся в карфагенских храмах, стали собственностью Римского государства. Карфагенские пленники в лохмотьях, сквозь которые просвечивало грязное тело, несли к сходям огромную золотую статую карфагенского бога Резефа, которая должна будет украсить римский форум. Отдельный корабль был предназначен для некоторых вещей, некогда принадлежавших сицилийским городам и вывезенным в Карфаген во время его владычества в Сицилии. На палубе уже находилась статуя медного быка.

На берегу стояли двое римских легионеров. Один из них, показывая на статую, говорил:

— Смотрите, это бык Фаларида.

— Фаларид это греческий бог? — спросил другой легионер.

Первый солдат рассмеялся.

— Фаларид был тираном Агригента. В мире не было более жестокого правителя, он приказывал бросать людей в чрево этого быка и разводить под ним костер¹. Медь накалялась. Человек, находившийся внутри кричал. Крик доносился через отверстие в пасти быка. Фалариду нравилось слышать вопли сжигаемого заживо человека. Он говорил, что он не променяет его на любую музыку.

— Тьфу! — сплюнул другой легионер. — Зачем же эту пакость отправлять в Сицилию?

— А ты хотел бы, чтобы мы возвратили этим грекам золото и серебро, отобранное у них карфагенянами?

— Посторонись, — сказал второй легионер. — Ведут рабов.

По набережной двигалась длинная колонна пленников. У мужчин руки и ноги были в оковах.

— Куда их?

— В Сицилию. Там для них найдется работа.

¹ По преданию, жестокий тиран повелел первого бросить в раскаленное чрево быка скульптора, создавшего эту чудовищную статую.

ТРИУМФ

После окончания победоносного похода полководец праздновал свой триумф, то есть торжественный въезд в Рим. Из всех триумфов, которых когда-либо удаивались римские полководцы, триумф 146 года до н. э. был самый великолепный. Это был праздник не одного Сципиона Эмилиана, но всего римского народа, торжественно отмечавшего свою победу над Карфагеном. Не легко далась Риму эта победа. Сто восемнадцать лет понадобилось для того, чтобы уничтожить соперника. А сколько было пролито крови, сколько отдано человеческих жизней на алтарь бога войны!

Войско выстроилось на Марсовом поле, за городской чертой. Воины стояли по манипулам. Над начищенными до блеска шлемами, над черными и красными перьями приподняты военные значки. Сципион обходил строй своего войска. Полководец был в походном плаще. В руках у него лавровая ветвь, на голове лавровый венок. Даже грозные фасции — пучки розог с воткнутыми в них топорами в руках у телохранителей — украшены лавром.

Прямо против войска стояли сенаторы в белоснежных тогах. За сенаторами теснился народ, привлеченный красочным зрелищем.

Сципион обходит строй своего войска. Рядом с ним шагает военный трибун с плоским серебряным блюдом. На нем лежат браслеты, шейные цепи, пряжки, фалеры из бронзы, серебра и золота. Проходя по рядам, триумфатор хвалит отличившихся солдат и раздает им почетные награды. Наибольшего почета удостоился молодой воин Тиберий Семпроний Гракх. Полководец наградил его золотой короной с зубцами. Тиберий первым ворвался на стену Карфагена.

Вдали показалась колесница. Она запряжена четверкой белых коней. Сверкает на солнце золотая упряжь. Возница остановил коней. Сципион надел поданную ему затканную золотыми пальмовыми листьями пурпурную тогу, взял в правую руку скипетр, увенчанный золотым орлом, в левую — лавровую ветвь и взшел на колесницу. Там стояло курульное

кресло. Приподняв края тоги, Сципион сел. Раб, стоявший на запятках, поднял над головой триумфатора золотой венок Юпитера, взятый из храма на Капитолии.

Через Карментальские ворота триумфальная процессия вступила в празднично разукрашенный город. Мимо Большого цирка она направилась по Священной дороге к Форуму. Впереди шли сенаторы и должностные лица 146 года — консулы, преторы, квесторы, народные трибуны. Государственные рабы несли картины с изображением осажденного, горящего и разрушенного Карфагена, вывезенные из карфагенских храмов статуи, золотые и серебряные сосуды. Проезжали повозки. В них лежало наваленное горами карфагенское оружие — шлемы со следами крови и вмятинами от ударов мечей, серебряные и бронзовые панцири, кожаные, деревянные и металлические щиты, катапульты, напоминающие огромных насекомых.

На огромной повозке, запряженной пятью быками, провозили отливающую золотом статую. Это было изображение карфагенского бога Резефа, который у римлян стал называться «Карфагенским Аполлоном». Говорили, что гигантская статуя весит сто талантов.

Провели слонов, украшенных пурпурными попонами. Пронесли на носилках модели вражеских кораблей.

В воображении римлян, толпившихся на всем пути до самого форума, вставали уличные схватки, морские бои. Это было зрелище, превосходившее все праздники и театральные представления, которые когда-либо приходилось им видеть.

— Ио! Триумф! Ио! Триумф! — слышались приветственные крики толпы¹.

Показались белые быки. На их шеях гирлянды из роз. Рога покрыты золотом. Быков вели юноши в ярких богато расшитых передниках. Животные будут принесены в жертву Юпитеру.

Юношей сопровождали мальчики с золотыми и серебряными сосудами.

¹ «Ио» у римлян соответствует нашему «ура!»

За быками шли скованные по четыре пленные. Грязные спутанные волосы, лохмотья когда-то богатых одежд, стертые в кровь ноги. Им осталось уже недолго идти. В конце Священной дороги есть низкое приземистое здание. Чтобы попасть в него нужно спуститься по шести врытым в землю каменным ступеням и открыть обитую медными листьями дверь. Это Мамертинская тюрьма. Сюда отведут самых знатных пленников. Здесь их ждет могильный холод. В то время, когда триумфатор вступит на Капитолий, палач задушит их во славу бога войны Марса.

А вот и колесница триумфатора. Раб, стоящий за триумфатором, кричит: «Смотри назад! Смотри назад!» Сзади к колеснице привязаны звонок и бич.

Они, также как и слова раба, должны напоминать триумфатору, что судьба превратна, что он в будущем может подвергнуться бичеванию...

Стройными рядами проходили войска под звуки труб. Воины пели вольные солдатские песни. Только сейчас, шагая за колесницей своего полководца-триумфатора, они могли сказать всё, что они о нем думают. Они высмеивали его внешность, потешались над его привычками. Они вспоминали о том, как Сципион заставлял их рыть землю, как из-за него они голодали. Сципион Эмилиан всякий раз улыбался, когда до его слуха доносились шутки воинов. Для триумфатора они не более как звон колокольчика, привязанного к колеснице. Кончится триумф. Полководец сойдет с колесницы. С фасций снимут перевязь из лавра, и он сможет приказать своим телохранителям высечь любого из этих воинов, которые сейчас чувствуют себя расшалившимися детьми.

Но триумф пока еще только начался. Впереди еще торжественное жертвоприношение на Капитолии, всенародное пиршество под портиками храма, а вечером при свете факелов бои гладиаторов...

Шли годы. Сохли и осыпались листья лавровых венков, тускнела позолота победных значков. Ржавело победное римское оружие. Участники великой осады Карфагена давно уже возвратились к своим семьям, к мирному труду. Они столкнулись с горькой

правдой. Война им ничего не дала. Земля по-прежнему принадлежит богачам. Богачи, не державшие в руках меча, благоденствуют. Превращенные в рабов жители Карфагена и других покоренных римским оружием земель доставляют им сказочные богатства. А те, кто испытывали зной и холод, жажду и голод, те, кто проливали кровь на полях Африки и Иберии, ведут жалкую жизнь. Нередко их прогоняют с участков за неуплату долгов, и толпами они идут в Рим обивать пороги богачей. «Разве это справедливо?» — спрашивали бедняки.

Шли годы. Через тринадцать лет после триумфа Сципиона площадь, которая когда-то была заполнена ликующими людьми, стала местом другого народного собрания. Тысячи бедняков, изможденных, оборванных, ждущих правды, истосковавшихся по земле, явились на Форум со всех концов Италии. На ораторской трибуне тот самый воин Тиберий Семпроний Гракх, которому полководец на Марсовом поле вручил золотую корону. Теперь он народный трибун. Над форумом разносятся его слова.

— И дикие звери имеют в Италии свои норы и логовища. А люди, которые сражаются и умирают за свою прекрасную родину, не владеют в ней ничем, кроме света и воздуха! Как кочевники странствуют они по дорогам Италии со своими женами и детьми. Полководцы обманывают воинов, призывая их защищать гробницы и храмы. Воины! У нас нет отчего алтаря, ни гробниц предков! Вы сражаетесь и умираете за чужую роскошь, за чужое богатство! Вас называют владыками вселенной, а вы не имеете ни клочка собственной земли.

Гул одобрения прокатился по площади. Слова проникли в души слушателей и нашли в них отклик.

Однако Тиберию Гракху и его друзьям не удалось возродить свободное крестьянство, составлявшее во время Пунических войн основу римской армии. Крестьяне беднели. С каждым годом становилось труднее производить набор войска. Тогда в армию стали набирать солдат из бедного городского люда. Государство давало им средства на первое обзаведение

оружием и постоянное жалование. А на войне войско само себя кормило. Был установлен срок службы в 16 лет. Служба в армии сделалась постоянной, независимой от войны или мира. Да и солдаты становились все более независимыми от римских республиканских учреждений — от народного собрания, сената и выборных должностных лиц. Их повелителем был полководец. В руках честолюбивого полководца армия легко могла стать орудием захвата власти.

Прошло немногим более пятидесяти лет после разрушения Карфагена, и у стен Рима, когда-то видевших Ганнибала, стояла армия. Эта армия состояла из римлян и возглавлялась римским полководцем, а между тем она осаждала Рим, как вражеский город. Рим был захвачен римской армией! Это событие, происшедшее в 88 г. до н. э., а потом неоднократно повторявшееся, свидетельствовало о вступлении Рима в новую эпоху, эпоху гражданских войн.

Что читать о событиях, рассказанных в этой книге

Ф. Энгельс. Армия. Кавалерия. Пехота. (Статьи Энгельса для «Новой Американской энциклопедии»). В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 14, 1959.

Лапин Н. Ганнибал. Воениздат, М., 1939.

Лурье С. Я. Архимед. М.—Л., 1945.

Машкин Н. А. История древнего Рима. Госполитиздат, 1947, 1956.

Немировский А. И. За столбами Мелькарта. Историческая повесть. Детгиз, М., 1959.

Флобер Г. Саламбо. Ряд изданий, (Для учителя).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Часть первая Первая схватка

Пуны и Карфаген	5
Сицилия	8
Мамертинцы	10
Римский лагерь	11
Голод	14
Огневая азбука	16
Боевые слоны	17
Морская битва	20
Римляне в Африке	24
Подкоп	28
Священные куры	31
Гамилькар Барка	34
Битва при Эгатских островах	36
Восстание	37

Часть вторая. Ганнибалова клятва

Прыжок в Иберию	43
Юность полководца	44
Осада Сагунта	46
Посольство Валерия Флакка	48
Падение Сагунта	50
Война объявлена	52
Слоны Ганнибала	54
Приготовления Рима	56
Переправа	58
В Альпах	60
Тицин	65
Перебежчики	66
Встреча консулов	68
Требия	70
Последний слон	72

Тразименское озеро	74
Фабий Максим	75
У берегов Адриатики	77
В Самнии и Кампании	79
Огни на высотах	81
Канны	83
В Капуе	87
Архимед	89
Ганнибал у ворот!	93
Меч и циркуль	96
Сон Сципиона	98
Кожаный мешок	101
Надпись на железной плите	103
В Африку	104
Огонь	106
Битва при Заме	108
Горящие корабли	111
Полководец без войска	112

Часть третья. Горе побежденным

„Карфаген должен быть разрушен!“	117
Вероломство	120
Ярость	122
Бесславное начало	125
Осада	126
На приступ	128
Приказ сената	131
Триумф	134

Что читать о событиях, рассказанных в этой книге 139

Александр Иосифович Немировский
ТРИ ВОЙНЫ

Редактор *М. А. Коган*

Художник *Г. Б. Праксейн*

Обложка художника *М. М. Писаревского*

Художественный редактор *В. Б. Михневич*

Технический редактор *К. И. Беллева*

Корректор *Р. Ш. Гейвина*

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Сдано в набор 27/VII 1960 г.

Подписано к печати 7/X 1960 г. М-23468.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печ. л. 9 (7,38).

Уч.-изд. л. 6,90. Тираж 55000 экз.

Цена 47 к. Заказ № 1673

Ленинградское отделение Учпедгиза.

Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 2 им. Евг. Соколовой

УПП Ленсовнархоза.

Ленинград, Измайловский пр., 29.

Цена 47 коп.

Учпедгиз · 1961